АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ГЛАВНОЕ
АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
УЗБЕКСКОЙ ССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Центральная Азия в источниках и материалах XIX–начала XX века

Б 75.9
1231

Е. К. Мейендорф

Путешествие из Оренбурга в Бухару

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

91(И4)
М 46

Voyage d'Orenbourg à Boukhara, fait en 1820, à travers les stéppes qui s'étendent à l'est de la mer d'Aral et au-delà de l'ancien Jaxartes. Rédigé par M. le baron G. de Meyendorff et revu par M. le chevalier Amédée Jaubert. Paris, 1826.

Редакционная коллегия

Б. Г. Гафуров (председатель), И. С. Брагинский, О. К. Дрейер, Н. А. Кузнецова (отв. секретарь), В. А. Ромодин, А. В. Станишевский, С. Л. Тихвинский, Н. А. Халфин (зам. председателя)

Под редакцией
и со вступительной статьей
Н. А. Халфина

Перевод с французского
Е. К. Бетгера

1
Государственная
библиотека СССР
им. В. И. Ленина
1975 г.

Мейендорф Е. К.

М 46 Путешествие из Оренбурга в Бухару. Предисл. Н. А. Халфина, М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975.

180 с.; карта.

Книга представляет собой рассказ о поездке, совершенной капитаном Генерального штаба российской армии Е. К. Мейендорфом в Бухарское ханство в составе дипломатической миссии А. Ф. Негри (1820—1821). Это — едва ли не первое обстоятельное описание Бухары, принадлежащее перу европейского путешественника. Оно содержит интересные сведения об административном устройстве ханства начала XIX в., его природно-географических условиях и экономических связях, крупнейших городах, их истории и планировке, быте и нравах населения.

М $\frac{10604\text{-}167}{013(02)\text{-}75}$ 134-75

91(И4)

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975.

Егор Казимирович Мейендорф и его путешествие в Бухару

В конце второго десятилетия XIX века царское правительство готовило посольство в Бухарское ханство. Оно намечалось давно и было связано с торгово-политическими интересами России, хотя инициативу и настойчивость в развитии отношений проявляли правящие круги Бухары. Еще в 1815 г. посетивший столицу Российской империи представитель эмира Хайдар-хана Азимджан Муминджанов ходатайствовал о посылке в ханство царского посланника для заключения договора о торговле.

Министр иностранных дел К. В. Нессельроде, рассмотрев ходатайство Муминджанова, 5 июля 1816 г. заявил, что Александр I охотно пошлет в Бухару своего представителя[1]. Большой торопливости, однако, при этом проявлено не было, и в августе 1819 г., когда Азимджан Муминджанов вновь посетил Петербург, он вернулся к вопросу о посольстве.

Прошло еще около года. В июне 1820 г. вестнику эмира Хайдар-хана вручили ноту, заверявшую, что в ближайшее время в ханство будет снаряжен царский дипломатический чиновник[2]. 3 июля руководителем посольства в Бухару был назначен действительный статский советник А. Ф. Негри[3]. Он работал во внешнеполитическом ведомстве и считался знатоком Востока: Александр Федорович Негри (1784—1854) владел турецким и персидским языками; в 1818 году он исполнял обязанности старшего советника Российской императорской миссии в Тегеране.

В качестве основной цели посольства Негри предусматривались переговоры о расширении торговли между двумя государствами[4]. Поскольку правящие круги империи были чрезвычайно заинтересованы в развитии русско-бухарских экономических связей и укреплении политических позиций в ханстве, миссия Негри по инструкции должна была собрать материалы о природных ресурсах, правителях среднеазиатских ханств, их отношениях между собой, а также с Афганистаном, Ираном, Османской империей, о положении в этих странах и Северной Индии, о возможностях судоходства по Сырдарье и Амударье, «наконец, в каких наиболее товарах европейских имеют там нужду» и откуда их получают[5].

---

[1] «Недатированная памятная записка»,— Архив внешней политики России, Санкт-Петербургский Главный архив (далее — АВПР), СПб. Главный архив, I—7, оп. 6, д. 1820-1, папка 1, л. 1.

[2] АВПР, СПб. Главный архив, I—8, оп. 7, д. 1818-1, лл. 389—390.

[3] Там же, I-7, оп. 6, д. 1820-1, папка 2, лл. 1—2.

[4] Там же, папка 11, лл. 1—8.

[5] «Инструкция министерства иностранных дел от 25 июля 1820 г.»,— АВПР, СПб. Главный архив, I-7, оп. 6, д. 1820-1, папка 11, лл. 9—10.

Такая обширная программа была намечена вполне обоснованно. В рассматриваемое время государства Средней Азии были изучены чрезвычайно слабо. Источником сведений о них, как правило, были полуграмотные купцы или их приказчики, столь же мало образованные странники, и не случайно в их рассказах экономика, политическая и культурная жизнь восточных стран представляли порой в самом фантастическом свете.

Понятно, что осуществить в ограниченный срок сбор данных по самым разнообразным вопросам, сочетая это с ведением переговоров, было не под силу даже опытному А. Ф. Негри. Поэтому царское правительство включило в состав посольства натуралиста Э. А. Эверсмана (позднее — крупный специалист в области естественных наук), а также группу офицеров: капитана гвардейского генерального штаба Е. К. Мейендорфа, поручика того же штаба В. Д. Вольховского (соученик А. С. Пушкина, с отличием окончивший Царскосельский лицей), поручика по квартирмейстерской части Тимофеева, инженеров Отдельного Оренбургского корпуса подпоручиков Тафаева и Артюхова.

Герой нашего небольшого повествования — Егор Казимирович Мейендорф происходил из прибалтийских баронов, родился в 1794 г. в семье генерала от кавалерии. 8 октября 1811 г. он вступил колонновожатым в царскую свиту по квартирмейстерской части, через три с половиной месяца стал прапорщиком, а 30 августа 1818 г. был произведен уже в капитаны.

По понятиям тех времен пройти менее чем за семь лет путь от прапорщика до капитана означало совершить головокружительную карьеру. Дело здесь было, однако, не только в способностях Е. К. Мейендорфа, хотя он и не был их лишен. Немало помогла и сложившаяся обстановка. Первые шаги Мейендорфа на военном поприще совпали с началом Отечественной войны. Он участвовал во многих сражениях как на стадии отступления русской армии (в частности, при Полоцке и Борисове), так и в период разгрома французских войск и наступления М. И. Кутузова и его преемников (при Виртемберге, Галле, под Бауценом, при Кульме, Лейпциге, Фершампенуазе, под Парижем).

Е. К. Мейендорф находился «против французов в походе» и в 1815 г., во время знаменитых «Ста дней». Во всех этих боях он проявил смелость и мужество, был награжден рядом орденов и золотой шпагой с надписью «За храбрость».

Как свидетельствует его формулярный список, он знал русский, немецкий и французский языки, а также «часть математических наук». Интересно отметить, что 14 августа 1818 г. он получил бриллиантовый перстень «за сочинение плана г. Павловска»[6].

Итак, вместе с Негри должен был отправиться энергичный офицер, имевший к тому же неплохую общеобразовательную подготовку. Перед отъездом Е. К. Мейендорфу, гвардейского генерального штаба капитану, было вручено «Наставление... касательно обозрения Киргизской степи во время следования... с посольством в Бухару»[7]. Ему предлагалось исследо-

[6] Центральный государственный военно-исторический архив СССР, ф. 489, оп. 1, д. 7065, лл. 1166—1168 (далее — ЦГВИА СССР).

[7] АВПР, СПб. Главный архив, I-7, оп. 6, д. 1820-1, папка 5, лл. 2—3.

вать пути от Троицка до ханства, как и течения рек, изучить возможность заселения обширных просторов к югу от Оренбурга.

Е. К. Мейендорф должен был «назначить места, удобные для крепостей вдоль по дорогам от крепостей Орской и Троицкой... до реки Сырдарьи, на коей равномерно назначить место, удобное для крепости». Эти действия обосновывались необходимостью «обезопасить караванные пути в Бухарию и Хиву». Офицеру надлежало также провести астрономическое определение долгот и широт, составлять маршруты путей, на основании чего подготовить «Общую генеральную карту», и вести журнал «путеследования в Бухару и обратно».

10 октября 1820 г. миссия Негри, к которой присоединился натуралист Х. Пандер, выступила из Оренбурга. 17 декабря, примерно в 50 *км* от столицы ханства, дипломатов из России встретил эмирский визирь с почетным эскортом из нескольких сотен бухарских всадников. Еще через три дня состоялся торжественный въезд посольства в Бухару. Его членов принял эмир Хайдар-хан.

В дальнейшем А. Ф. Негри несколько раз встречался с ним и визирем. Посланец Российской империи информировал Петербург о перспективном заявлении Хайдар-хана: «Непременно нужно, чтобы с той и другой стороны (России и Бухарского ханства.— *Н. Х.*) торговцы и караваны часто приезжали»[8]. Он сообщал и о проявлении правящими кругами среднеазиатского государства заинтересованности в безопасном следовании караванов, об их заверении, что бухарские войска будут охранять идущие на север торговые обозы до Сырдарьи, а оттуда до Оренбургской линии их должен оберегать русский конвой. Несколько неохотно приняли ханские власти предложение о принятии в Бухаре постоянного консула Российской империи, а посылку своего представителя в Петербург или Оренбург сочли вовсе нецелесообразной.

А. Ф. Негри удалось выкупить из плена семь русских невольников (еще восемь человек тайно пришли к нему сами) и добиться обещания эмира запретить покупку похищенных подданных своего северного соседа.

Таким образом, на первый взгляд посольство разрешило поставленные перед ним задачи. Оренбургский военный губернатор П. К. Эссен 24 марта 1821 г. сообщал Александру I и министерству иностранных дел, что переговоры в Бухаре принесли хорошие результаты[9]. Думается, однако, что восторженный тон посланий Эссена был не совсем обоснованным. Хотя бухарские правители приняли сделанные им предложения, эта договоренность не была оформлена и закреплена документально. Не было заключено никаких письменных соглашений. Вначале предполагалось, что вместе с Негри и его спутниками в Россию направится ответная миссия Хайдар-хана, но это посольство отправилось в путь только через четыре года...

После трехмесячного пребывания в Бухаре, во время которого представителей Петербурга весьма ограничивали в их передвижениях по городу, 23 марта 1821 г. они двинулись в обратный путь. 20 апреля, на следующий день после переправы через Сырдарью, Негри в письме Эссену выражал

[8] «Письмо А. Ф. Негри из Бухары от 15 января 1821 г.»,— там же, папка 15, лл. 30—34.

[9] Там же, лл. 56—64.

надежду, что «цель миссии — узнать Бухару и изъяснить бухарцам благодетельные виды» российского императора — достигнута [10].

В середине мая дипломаты возвратились на родину, и Негри заверил оренбургского военного губернатора в том, что письменное подтверждение его договоренности с Хайдар-ханом вскоре доставит представитель эмира [11]. Отметим, что в письме Эссену глава миссии несколько осторожно и туманно определял поставленные перед ним задачи: «Узнать Бухарию и изъяснить благодетельные виды» (!). Опытный дипломат, он, по всей вероятности, понял, что бухарское правительство, довольно легко принимавшее его предложения, отнюдь не склонно проводить их в жизнь.

Это было характерным для взаимоотношений России с ханствами Средней Азии вплоть до 60-х годов XIX в. Местные феодальные правители были далеки от сложившегося в Европе буржуазного правопорядка, не всегда придавали важное значение итогам переговоров, даже когда они были документально зафиксированы,— эти важные бумаги нередко терялись. Эмиры и ханы стремились избегать письменного оформления достигнутых соглашений и не спешили осуществлять их, особенно если чувствовали в них какую-либо угрозу своим правам и привилегиям.

Как бы то ни было, прибытие в 1825 г. в Петербург посланца Бухарского ханства не сдвинуло дело с мертвой точки.

* * *

И все же одна из двух целей миссии А. Ф. Негри была осуществлена превосходно. Не многие русские посольства, побывавшие в Бухаре, могут похвастать таким обилием и разнообразием доставленных сведений. Участие в поездке специалистов различного профиля во многом способствовало всестороннему изучению среднеазиатского государства. Уже в 1821 г. несколько периодических изданий — «Сибирский вестник», «Отечественные записки», «Исторический, статистический и географический журнал», «Вестник Европы» — предоставили свои страницы для публикации сведений о посещении Бухарского ханства русскими дипломатами.

Через два года в Берлине на немецком языке была опубликована книга Э. Эверсмана «Путешествие из Оренбурга в Бухару» [12]. Посвятив первую часть описанию пути, а также ботанико-геологическим и этнографическим сюжетам, во второй части автор касается природно-географических условий ханства, его истории и экономики, духовных и торговых учреждений, планировки и архитектуры столицы и т. п.

Большой интерес представляла доставленная миссией в Россию ценная восточная рукопись «Тарих-и Мукими-хани» («Мукимхановская история»). Впоследствии она была издана ориенталистом О. И. Сенковским на фран-

---

[10] АВПР, СПб. Главный архив, I-7, оп. 6, д. 1820-1, папка 15, л. 77 «Письмо Негри — Эссену от 20 апреля 1821 г.».

[11] «Письмо Негри — Эссену от 15 июля 1821 г.»,— там же, лл. 93—94.

[12] См.: E. Eversmann, Reise von Orenburg nach Buchara. Nebst einem Wortverzeichniss aus der afghanischen Sprache, begleitet von einem naturhistorischen Anhange und einer Vorrede von N. Lichtenstein, Berlin, 1823, 150+40 s.

цузском языке и «долгое время оставалась для европейцев единственным источником для истории Бухарского ханства»[13]. В 1956 г. в Ташкенте эта книга увидела свет на русском языке: «Мукимхановская история (Тарих-и Мукими-хани) Мухаммед Юсуфа Мунши, пер. с тадж. с предисл., прим. и указателями А. А. Семенова. Отв. ред. Д. Г. Вороновский».

Не останавливаясь на мелких сообщениях и заметках, напечатанных членами посольства А. Ф. Негри, отметим вклад в эту тематику Е. К. Мейендорфа. Еще в 1822 г. Егор Мейендорф передал в журнал «Северный архив» заметку «Краткое начертание путешествия Российского посольства из Оренбурга в Бухару в 1820 году». В течение последующих лет он трудился над монографией на эту тему, которая была издана в 1826 г. в Париже на французском языке.

Прежде чем коснуться непосредственно этой книги, необходимо остановиться на том, почему полковник генерального штаба Российской империи издал ее во Франции. Причина этого заключалась не только в «неглижировании» петербургской и прочей аристократией русского языка, хотя и оно было не последним основанием. В предисловии французского издателя излагаются некоторые мотивы, обусловившие публикацию работы за границей. Они нуждаются в расшифровке.

В начале XIX в. французская востоковедческая наука занимала одно из ведущих мест в мире. Данное обстоятельство было в значительной степени связано с бурным развитием в стране капиталистических отношений и активной политикой в Азии и Африке. Франция быстро превращалась в крупнейшую колониальную державу. Проблемы научного изучения Востока тесно переплетались с повседневными практическими целями и задачами. Расширялось число различных учреждений, в той или иной мере связанных с ориенталистикой.

Еще в 1795 г. в Париже была основана Национальная школа живых восточных языков, в которой обучались дипломаты, переводчики и пр. В 1821 г. там же начали свою деятельность первые в истории человечества Географическое общество, а в следующем году — Азиатское общество. К этому следует добавить, что восточные страны и восточные языки изучались в многочисленных университетах, и прежде всего в Парижском, знаменитой Сорбонне.

Богатые традиции в области ориенталистики как бы освящали труды, которые выходили во Франции и были связаны с этой тематикой. Дополнительным условием успеха своей книги Е. К. Мейендорф, по-видимому, считал привлечение к ее изданию А. Жобера.

Амедей Жобер (1779—1847) играл активную роль во французской политике на Востоке, а в дальнейшем — в изучении стран Азии и Северной Африки. В 1805 г. он выступал в качестве посланца Наполеона к иранскому шаху Фатх Али, побывал также в Египте. Свою поездку описал в работе «Путешествие в Армению и Персию в 1805—1808 гг.», вышедшую в Париже в 1821 г.[14]. Ученик известного филолога Сильвестра де Саси, Жо-

[13] В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и в России, СПб., 1911, стр. 222.

[14] P. A. Jaubert, Voyage en Arménie et en Perse (1805—1806), P., 1821.

бер преподавал персидский и турецкий языки в Коллеж де Франс, был директором Школы восточных языков, переводчиком короля, а также автором нескольких востоковедческих трудов.

Интересно, однако, отметить, что обращение к французским авторитетам вызвало несколько иронических реплик в критико-библиографическом отклике, появившемся в России на «Путешествие из Оренбурга в Бухару...». Фаддей Булгарин, опубликовавший обширный отзыв, писал: «В начале книги напечатано „предуведомление от издателя" неизвестного, в котором он осыпает похвалами г. кавалера Жобера (издателя, объявившего свое имя) за старание, с коим он исправил ошибки и промахи автора. Что же это такое? Уловка ли книгопродавца, сделанная для того, чтобы книгу „пустить в ход", или услуга поклонника-приятеля? В первом случае подобное „предуведомление" совершенно излишне, потому что творение, какова книга г. Мейендорфа, всегда будет иметь читателей; во втором же оно очень неловко и даже неуместно: совестно даже сказать, что поправки гг. французских издателей суть именно те только места в книге, которые еще надобно поправить!» [15].

Далее автор рецензии упрекал «гг. ученых, которым г. Мейендорф поручил издание сего сочинения в Париже», в том, что они, «взявшись поправлять мнимые ошибки, наделали истинных, а именно в собственных именах...» [16]. Искажения имен и некоторых восточных терминов, имевшиеся во французском издании, исправлены Е. К. Бетгером при переводе либо оговорены в принадлежащих ему и нам комментариях, помещенных в конце этой книги.

Следует заметить, что в нынешнем виде труд Е. К. Мейендорфа несколько отличается от публикации 1826 г. В нем опущены четыре приложения: О. И. Сенковский, «Описание бухарских монет»; М. Кёлер, «Описание медальона, привезенного из Бухары бароном Г. Мейендорфом»; О. И. Сенковский, «Заметка о торговых путях из Семипалатинска в Кашмир, через город Аксу, Яркент, Тибет» (перс. текст и комм.); Х. Пандер, «Естественно-историческая (натуральная) история Бухары. Описание страны, заключенной между Оренбургом и Бухарой» (пер с нем.). Эти материалы относятся к частным вопросам или не имеют прямой связи с содержанием книги.

В то же время Е. К. Бетгер включил в «Путешествие...» Мейендорфа перевод некоторых разделов упомянутой выше работы его коллеги по бухарскому посольству — Э. А. Эверсмана, а также отрывки из воспоминаний сопровождавшего миссию священника Будрина. Приводимые в них сведения, как нам представляется, дают дополнительные штрихи для общей характеристики отдельных сторон жизни «Благородной Бухары».

Перейдем к краткому рассмотрению «Путешествия из Оренбурга в Бухару». По своей структуре книга делится на три части. Как и труд Э. А. Эверсмана, первая часть посвящена Казахстану, населяющим его родам и племенам, их административному устройству, образу жизни, обычаям и т. д. Вполне согласно с терминологией тех лет Е. К. Мейендорф на-

---

[15] «Северный архив», 1826, июль и август, № 14 и 15, стр. 231.
[16] Там же, стр. 237.

зывает казахов «киргизами» (собственно киргизов тогда именовали «кара-киргизами», или «дикокаменными киргизами»), а их государственно-племенные объединения (жузы) — «ордами».

Далеко не все утверждения автора выдерживают научную критику. Так, справедливо указывая на притеснения, которые терпели казахские племена от Хивинского ханства, он пишет о том, что «два народа (хивинцы и казахи.— *Н. Х.*) грабят друг друга уже 30 лет, производя в порядке набега или возмездия то, что у них носит название „баранты"» (стр. 38). Под барантой (барымтой), как и аламанами у туркмен, мы обычно подразумеваем грабительский набег феодальной дружины, специфическое явление тех лет (либо других лет в других странах в аналогичную эпоху), отнюдь не распространяемое на весь народ.

В другом месте Е. К. Мейендорф считает склонность к грабежу, жестокость чуть ли не национальными чертами казахов, хотя они были им присущи отнюдь не больше, чем любому другому народу (стр. 42—44).

Категорически отвергая подобные необоснованные оценки, мы вместе с тем не можем пройти мимо тех вопросов, которые привлекли пристальное внимание участника царского посольства и к которым он не раз возвращается на страницах своей книги. Речь идет о ситуации на торговых путях, связывающих Российскую империю со среднеазиатскими ханствами.

Петербург придавал немаловажное значение развитию экономических отношений с восточными соседями, учитывая их взаимовыгодный характер. Между тем расширение торговых связей в этот период сталкивалось со специфическими трудностями. Вплоть до неудачного похода В. А. Перовского на Хиву (1839 г.) это ханство претендовало на влияние среди казахов, принявших российское подданство, пыталось ввести среди них свою администрацию, собирать подати, облагать пошлинами проходившие караваны. После присоединения к своим землям в первом десятилетии Ташкентского владения другую часть казахов стремились подчинить себе кокандские ханы.

На безбрежных степях Казахстана развернулась острая борьба за господство над местным населением. Чтобы укрепить свои позиции, хивинские и кокандские агенты натравливали одни казахские племена и роды на другие, искусно используя обычай кровной мести, а главное — межфеодальные противоречия и раздоры отдельных представителей правящей верхушки, в том числе близких родственников.

Хивинские власти (особенно в 1806—1825 гг., в период правления энергичного и волевого Мухаммед Рахим-хана) прилагали немало усилий, чтобы подчинить своим интересам русско-среднеазиатские торговые отношения. Они вынуждали караваны проходить через пункты, где находились их посты, чинили помехи товарообмену между Россией и Бухарой, провоцировали нападения на торговые обозы.

Именно эти и аналогичные им обстоятельства обусловливали препятствия, мешавшие значительному расширению экономических связей Российской империи с ханствами Средней Азии[17], а отнюдь не мифические

---

[17] Более подробно об этом см.: Н. А. Халфин, Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века), М., 1974, стр. 38—46.

«грабительские тенденции», якобы присущие казахскому народу, утверждения о которых проскальзывают в рассматриваемой книге Е. К. Мейендорфа.

Второй крупный ее раздел — изложение географических данных о Средней Азии, ее рельефе, климатических условиях, водных ресурсах. Автор не имел возможности разъезжать по всем среднеазиатским просторам, чтобы лично ознакомиться с их достопримечательностями, но во время своего путешествия он беседовал с различными странниками, купцами, паломниками, старательно фиксируя любопытные сообщения. Это позволило Е. К. Мейендорфу более или менее достоверно описать многие города местных ханств, а также привести интересные сведения о соседних странах, о дорогах, связывавших эти страны.

К числу допускаемых здесь неточностей следует отнести то обстоятельство, что Е. К. Мейендорф называет всю Среднюю Азию «татарской» (т. е. «тюркской»), хотя существенную часть ее населения составляли таджики — представители иранских народов, а также киргизы, относящиеся антропологически к монголоидной расе.

Основное место занимает в книге Бухарское ханство; ему посвящена треть всего издания. Находящийся здесь материал во многом перекликается с тем, какой был собран Э. А. Эверсманом, но отличается определенной детализацией, живостью изложения, вниманием к отдельным мелочам, не лишенным, однако, научного и практического интереса. Автор с увлечением сообщает полученные им сведения о Самарканде и Мерве, Катта-кургане и Вабкенте, Чарджуе, Каракуле и других городах и селениях, уделяя особенное внимание, понятно, главному пункту ханства — Бухоро-и-Шериф («Благородной Бухаре»), истории и планировке столицы, национальному составу населения, его промыслам, сельскохозяйственным занятиям жителей и т. п.

Если натуралист Э. А. Эверсман акцентирует внимание на природных ресурсах, растительном и животном мире посещенных земель, то офицер Е. К. Мейендорф больше останавливается на административном устройстве Бухарского ханства.

Он рассказывает о сложной системе придворных чинов и званий, состоянии войска, развитии внешней и внутренней торговли. Отмечается разветвленность экономических связей среднеазиатского государства, причем в качестве его торговых партнеров упоминаются как Российская империя, так и различные страны Востока, в том числе Индия, Афганистан, Кашгария, Персия, соседние ханства и др.

В поле зрения Е. К. Мейендорфа вошли также быт и нравы бухарцев, природно-географические условия ханства.

Отмечая наблюдательность автора, мы тем не менее никак не можем согласиться с отдельными оценками и характеристиками, которыми он наделяет те или иные народы, в частности узбеков или таджиков (определенные разъяснения в наиболее необходимых случаях даются в комментариях переводчика и редактора). Нужно, естественно, помнить, что Е. К. Мейендорф — высокопоставленный царский офицер, воспринимающий увиденное с позиций своего класса, своей среды, своего воспитания и образования, высокомерного подчас отношения к народам Востока.

Так, например, он отдает предпочтение военной службе перед торговой деятельностью и т. п.

Следует также учитывать, что автор не соприкасался непосредственно с подлинными представителями народов Средней Азии в течение длительного времени, что он имел дело преимущественно с развращенной придворной знатью, а потому не располагал хоть какими-нибудь серьезными основаниями для обобщений и категорических утверждений. Выводы же, сделанные на базе весьма краткого знакомства или в результате получения недобросовестной по самым различным соображениям информации, вряд ли достаточно достоверны...

К счастью, таких моментов в рассматриваемой работе немного. Более того, порой Е. К. Мейендорф, вступая в противоречия с самим собой, справедливо пишет о большом трудолюбии местных жителей, забывая о своих утверждениях, что ими руководит главным образом «жажда подарков», «жадность», что они видят «добродетель» в «золоте» и т. д.

В целом же можно с уверенностью констатировать, что в основном мы имеем дело с полезным и добротным трудом, который породил немалый резонанс в научном мире и политических кругах. Интерес к странам Востока, и в том числе к загадочному Бухарскому ханству, был столь велик, что почти одновременно с парижским изданием в 1826 г. в Йене вышел немецкий перевод книги Е. К. Мейендорфа [18].

На русском языке она в полном виде так и не появилась, хотя в некоторых журналах печатались отдельные отрывки, подчас довольно обширные [19]. Эти журналы давно стали библиографической редкостью, да и содержащиеся в них публикации не дают полного представления о книге Е. К. Мейендорфа, получившей высокую оценку специалистов.

«Наконец любопытство публики удовлетворено появлением сочинения, ожиданного с величайшим нетерпением, которое гг. парижские издатели тешили беспрерывным двухгодичным объявлением, печатанным во всех новых книгах и журналах! — так начиналась восторженная рецензия упомянутого уже Фаддея Булгарина в „Северном архиве“.— Но никогда не поздно иметь творение, которое прибавляет неоцененное сокровище сведений к массе познаний о Востоке, сделавшемся ныне любимым предметом ученого любопытства европейцев. Одно имя Мавераннегера [20] (обыкновенно называемого Бухариею) пробуждает в уме множество самых блестящих и самых горестных воспоминаний в истории рода человеческого. Равно славная в летописях Азии, как и в ее романах, прекрасная страна сия была попеременно отчизной Тамерланов и Авиценнов; Бабуров и Улугбеков.

---

[18] (E. Meyendorff), Reise von Orenburg nach Bouchara im Jahre 1820 Baron E. de Meyendorff. Nach dem franz. original bearbeitet von C. Herm V. Scheider, Jena, 1826.

[19] «Северный архив», ч. 22, 1825, стр. 395—401; ч. 23, 1826, стр. 161—162; ч. 24, стр. 72—85; ч. 25, стр. 178—194; «Московский телеграф», 1826, ч. X, № 15, стр. 231—239; ч. XI, № 16, стр. 48—62; «Журнал мануфактур и торговли», 1832, № 6, стр. 83—105; «Казанский вестник», ч. 18, 1826, кн. 12, стр. 233—259; «Азиатский вестник», 1825, кн. 1, стр. 3—15; кн. 2, стр. 75—80; кн. 4, стр. 231—240; кн. 5, стр. 304—311; кн. 6, стр. 374—380.

[20] Более правильно и принято Мавераннахр; так в дореволюционной литературе подчас именовалась Средняя Азия.

средоточием познаний и сокровищ Востока и театром борьбы двух величайших любимцев счастия: Хорезм-Шаха и Чингисхана»[21].

Уже такое начало должно было в какой-то мере обозначить «причастность» автора заметки к проблемам Востока и свидетельствовать о его знакомстве, хотя бы поверхностном, с его историей. Пересказав вкратце основное содержание «Путешествия...», рецензент приходит к четкому выводу: «...сие сочинение по всем отношениям составляет эпоху в ученом и литературном свете...». Оно «доставит автору почетное место в области наук и привлечет благодарность ученых к русскому правительству, которое, высылая ученые экспедиции в разные отдаленные и малоизвестные страны, споспешествует распространению полезных сведений»[22]. Менее напыщенно, но также с большой похвалой отозвался об этой книге крупный знаток Туркестана, ученый с мировым именем И. В. Мушкетов[23].

В связи с этим можно констатировать, что труд Е. К. Мейендорфа встретил полное одобрение в отечественном востоковедении. Такую же положительную оценку получил он и за рубежом. В частности, распространенный и авторитетный лондонский журнал опубликовал обширную рецензию, похожую на конспективный пересказ «Путешествия в Бухару»[24].

Чтобы завершить наше краткое повествование, необходимо осветить дальнейшую судьбу автора. «Формулярные списки о чиновниках свиты е. и. в. по квартирмейстерской части, состоящих при 2-й Армии», составленные в Тульчине и датированные 15 декабря 1821 г., свидетельствуют, что Мейендорф в июле этого года вернулся из поездки в Среднюю Азию, во время которой «произвел рекогносцировки в Киргизской степи», в августе стал полковником и находился «при Главной квартире 2-й Армии»[25], то есть в Тульчине. Возникает вопрос: как отразилось на Е. К. Мейендорфе восстание декабристов, вспыхнувшее через четыре года? Ведь Тульчин и 2-я Армия были средоточием наиболее радикально и решительно настроенных участников этого движения во главе с П. И. Пестелем. По-видимому, молодой полковник не был связан с ними. Во всяком случае, его не задели репрессии, с которыми царские власти обрушились на декабристов.

Возможно, однако, что острейшие политические события как-то затронули Е. К. Мейендорфа, ибо в начале 1826 г. он значится уже не по самому привилегированному в дореволюционной России военному ведомству, а по министерству финансов. Так, когда Азиатский комитет 20 марта 1826 г. рассматривал просьбу бухарского эмира о снижении таможенных пошлин, решение вопроса было отложено до завершения поездки «полковника барона Мейендорфа», которого министерство финансов отправило «для обозрения всей границы Российской с Азиятскими владениями в отношении взаимной торговли и для исследования на месте новых предположений в пользу оной»[26].

---

[21] «Северный архив», 1826, июль и август, № 14 и 15, стр. 224—225; начертания имен подлинника сохранены.

[22] Там же, стр. 235, 238—239.

[23] См.: И. В. Мушкетов, Туркестан, т. 1, ч. 1, СПб., 1886, стр. 82—85.

[24] См.: «Foreign Quartely Review», vol. 14, 1834, July, стр. 58—92.

[25] ЦГВИА СССР, ф. 489, оп. 1, д. 7065, лл. 1166—1168.

[26] АВПР, СПб. Главный архив, I-8, оп. 7, д. 1821-2, лл. 125—132.

В дальнейшем бывший полковник дослужился до высокого в гражданской иерархии чина действительного статского советника и стал признанным специалистом по финансам и экономическим связям со странами Востока. В частности, в феврале 1829 г. директор Азиатского департамента министерства иностранных дел К. К. Родофиникин привлек Е. К. Мейендорфа к участию в переговорах с прибывшими из Кокандского ханства посланцами «для объяснения с ними о торговле народов Средней Азии вообще и особенно кокандской» [27].

Этим не ограничивался, однако, круг его интересов. Е. К. Мейендорф был активным членом Русского Географического общества, с декабря 1847 по апрель 1852 года входил в состав Совета Общества и особой Комиссии по пересмотру его устава [28]. Выдающийся отечественный географ П. П. Семенов (с 1913 г. — Семенов-Тян-Шанский) отмечает, что в 1847 году Е. К. Мейендорф предложил Обществу исследовать кряж возвышенностей с обнажениями девонской формации, проходивший, по предположениям тех лет, по Орловской губернии, а также «всю опирающуюся на него черноземную полосу России от Самары до Киева. Исполнение широко поставленной Мейендорфом программы, по обсуждении ее особой Комиссией, составленной из К. И. Арсеньева, А. С. Джунковского, барона Е. К. Мейендорфа, А. Д. Озерского и Е. К. Петерсона, признано было Советом превышающим средства Общества, но предложение это принесло свои плоды, приведя Отделение географии России к начертанию проекта разрешенной в 1849 г., но осуществленной уже в следующем периоде деятельности Общества экспедиции для исследования центральной русской девонской полосы...» [29].

Е. К. Мейендорф занимался и другими научными и народнохозяйственными проблемами. Вместе со своим братом Александром Казимировичем, который длительное время был председателем московских отделений Мануфактурного и Коммерческого советов [30], он являлся членом существовавшего при Отделении статистики Русского Географического общества «политико-экономического комитета». Комитет занимался обсуждением различных вопросов «по хозяйственной статистике и по политической экономии, частью передаваемых на специальное обсуждение Комитета из статистического отделения, частью возникавших в среде самого Комитета» [31]. Автор этих строк — П. П. Семенов-Тян-Шанский — не раскрывает сущности и подробностей тематики, привлекавшей внимание Егора Казимировича и его коллег, но уже то обстоятельство, что они исследовали политэкономические проблемы, «возникавшие» к тому же «в среде самого Комитета», характеризует определенную широту их интересов и кругозора.

Умер Е. К. Мейендорф в 1863 г., не оставив после себя крупных публикаций, кроме предлагаемого вниманию читателей «Путешествия в Бухару»

---

[27] Там же, I-6, д. 1828-1, лл. 194—195.

[28] П. П. Семенов, История полувековой деятельности имп. Русского Географического общества 1845—1895, ч. 1, СПб., стр. 9, 11.

[29] Там же, стр. 35.

[30] Егора и Александра иногда путают. См., например, статью о А. К. Мейендорфе в «Советской исторической энциклопедии» (т. 9, М., 1966, стлб. 292).

[31] П. П. Семенов, История полувековой деятельности..., ч. 1, стр. 171.

* * *

Даже в сжатом рассказе о книге Е. К. Мейендорфа, каким по необходимости является вступительная статья, нельзя не остановиться на личности переводчика. Евгений Карлович Бетгер, родившийся в Ташкенте 30 июня (12 июля) 1887 г., принадлежал к числу коренных «туркестанцев». Его отец, фармацевт, почти всю жизнь провел в Средней Азии и в течение четверти века содержал главную ташкентскую аптеку.

В 1905 г. Е. К. Бетгер поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В связи с революционными событиями 1905 г. занятия в университете были прерваны, и осенью 1906 г. он переехал в Гейдельберг, где был зачислен на историческое отделение философского факультета местного университета. После трех лет обучения в Германии Е. К. Бетгер возвратился в Россию и продолжил образование на историко-филологическом факультете Киевского университета, который окончил в 1914 г.

Вскоре после победы Великой Октябрьской социалистической революции он стал работать в Туркестанской публичной библиотеке (впоследствии Государственная публичная библиотека УзССР имени Алишера Навои в Ташкенте). В стенах этой крупнейшей в Средней Азии библиотеки протекала его научная, публикаторская и организаторская деятельность вплоть до последних дней (он скончался в 1956 г.). Е. К. Бетгер был и ее ученым секретарем, и директором, а в дальнейшем заведовал отделом редких книг. Он был хорошо подготовлен к этой деятельности, дополнив свое историко-филологическое образование востоковедным: за 1920—1924 гг. Е. К. Бетгер окончил арабское отделение Туркестанского восточного института. В 1943 г. он получил степень кандидата исторических наук.

За четыре десятилетия (без малого) работы в богатейшем книгохранилище он написал более 150 научных трудов и статей, прежде всего библиографического характера. Немалое практическое значение имели и имеют составленные им указатели к газете «Туркестанские ведомости», уникальному в буквальном смысле слова, имеющемуся в единственном экземпляре «Туркестанскому сборнику», к материалам статистических комитетов Туркестанского края и др.

М. П. Авшарова и М. С. Виридарский, авторы интересной брошюры о Е. К. Бетгере, свидетельствуют, что в его архиве «осталось более 50 неопубликованных работ», и выражают уверенность, что «некоторые из этих трудов появятся в печати как посмертные издания» [32].

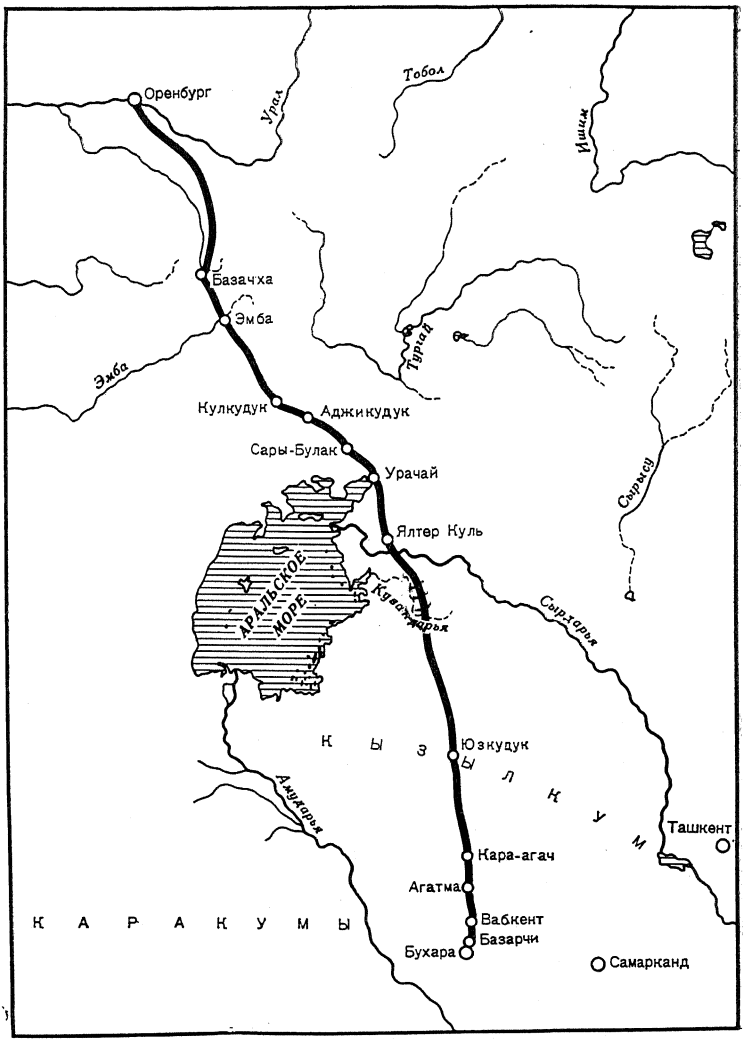
Такое убеждение вполне обоснованно. Изданные им «Дневные записи плавания А. И. Бутакова на шхуне „Константин“ для исследования Аральского моря в 1848—1849 гг. по рукописным материалам Узбекской и Украинской Гос. публ. библиотек» (Ташкент, 1953) убедительно характеризуют исследовательское мастерство Е. К. Бетгера, его глубокое проникновение в историю Средней Азии дореволюционного периода. Он бережно подошел и к переводу описания путешествия Е. К. Мейендорфа и, как явствует

[32] М. П. Авшарова, М. С. Виридарский, Евгений Карлович Бетгер (1887—1956). Очерк жизни и деятельности, Ташкент, 1960, стр. 25—26.

из подготовленных им примечаний, проделал немалую дополнительную работу, чтобы скрупулезно и точно разобраться в географии и политической обстановке в Средней Азии, в сложностях административной и иной терминологии Бухарского ханства первых десятилетий прошлого века.

Окончательную подготовку к печати перевода «Путешествия из Оренбурга в Бухару» осуществил заместитель начальника Главного архивного управления при Совете Министров Узбекской ССР Маврикий Леонович Вайс. Не приходится сомневаться в том, что с выходом в свет этого труда востоковеды и специалисты по истории СССР получат первоклассный источник, в основном хорошо и всесторонне характеризующий крупнейшее среднеазиатское ханство в начале XIX в. и путешествие миссии А. Ф. Негри в Бухару. Широкие круги читателей, интересующиеся историей нашей Родины, также найдут для себя немало любопытного и полезного в этой книге.

Н. А. Халфин



Маршрут миссии А. Ф. Негри в Бухару в 1820 г.

Предисловие французского издателя

Возвратившись из путешествия в Бухарию, барон Мейендорф, естественно, пожелал, чтобы итоги наблюдений, произведенных им в этой столь редко посещаемой европейцами стране, получили распространение среди ученых. Описание этого путешествия он составил на французском языке, общепринятом у образованных людей Европы и большей части Нового Света. Г-н Мейендорф полагал также, что, доверив свой труд столичному издательству Франции, он получит гарантию, что его работа будет напечатана с точностью, на какую он только мог рассчитывать. Он льстил себя надеждой, что, появившись в Париже, то есть в центре, где науки разрабатываются с усердием и настойчивостью, коим они обязаны прогрессом, его книга скоро станет известной лицам, одобрение которых было бы ему желательно. Но автору хотелось еще, чтобы издание данного труда было поручено кому-либо, кто помимо знания французского языка, необходимого для выправления неточностей, которые может допустить иностранец, обладал бы еще знанием различных восточных наречий, так как описание путешествия в Бухару содержит большое число турецких, монгольских, арабских и персидских имен, географических названий, терминов. Поэтому г-н Мейендорф просил г-на Амедея Жобера любезно взять на себя наблюдение за публикацией этой книги.

Г-н Жобер выполнил эту работу с тем старанием, которого и следовало ожидать от ученого, стремящегося посильно содействовать развитию географии Востока. Кроме того, он усматривал в этом случай публично засвидетельствовать свою признательность за гостеприимство, оказанное ему в России в 1818 году во время путешествия по Кавказу и каспийским берегам, результаты которого были весьма полезными для французской промышленности. Г-н Жобер руководил также гравированием карты, составленной г-ном Мейендорфом и офицерами, прикомандированными к русскому посольству. Этот драгоценный документ, содержащий в себе 2000 географических обозначений, отсутствовавших на прежних картах, получил, особенно на Западе, одобрение любителей науки как образец точности и топографического изящества.

Предисловие автора

Торговые отношения, сложившиеся с давних времен между Россией и Бухарией, приняли особенно широкий размах начиная со второй половины восемнадцатого столетия. Бухарские посланцы довольно часто приезжали в Санкт-Петербург. Те, кто посетил эту столицу в 1816-м, а затем в 1820 годах, выразили от имени своего государя желание видеть русское посольство в Бухарии. Эта просьба, доложенная е. в. императору Александру, была им благосклонно принята. Монарх находил, что предложенный ему план поездки не только будет содействовать развитию и обеспечению безопасности торговли, производившейся между двумя странами, но и предоставит возможность получить точные сведения о недостаточно известных еще странах.

Вследствие этого император назначил своим поверенным в делах при бухарском хане действительного статского советника Негри, а секретарем посольства — коллежского асессора Яковлева, а также известного с отличной стороны натуралиста доктора Пандера и трех переводчиков-толмачей из Оренбурга.

Мне было поручено собирать географические и статистические сведения о стране, по которой мы собирались проехать. Господа поручики генерального штаба Вольховский и Тимофеев должны были сопровождать меня и помогать моей деятельности.

Приказ приготовиться к отъезду мы получили в июне 1820 года, а в августе прибыли в Оренбург, расположенный в 2200 верстах от Санкт-Петербурга.

Так как нам предстояло пересечь необъятные степи, посещаемые только кочевыми ордами, правительство снабдило нас конвоем из двух сотен казаков и двухсот пехотинцев, к которым затем присоединились двадцать пять всадников-башкир. Мы взяли с собою 2 артиллерийских орудия; 358 верблюдов везли наш багаж. Кроме того, у нас было 400 лошадей. Пришлось шесть недель пробыть в Оренбурге, чтобы подготовиться к путешествию и снабдить наш отряд всем необходимым для перехода через пустыню.

Небольшой срок, которым я располагал перед отъездом, с самого начала не позволил собрать точные сведения о стране, намеченной для посещения, и вообще о Востоке, знакомом мне весьма поверхностно. Поэтому я прошу читателей моего описания рассматривать его не как итог глубоких исследований, а как результат наблюдений, иногда случайных, как свод сведений, какие я смог получить о Бухарии и соседних странах.

Бухарцам не хватает просвещения, и они весьма равнодушны ко все-

му, что не относится к религии или торговле. Поэтому у меня не было возможности накопить столько фактов, сколько мне хотелось бы. Кроме того, этот народ, как и большинство людей на Востоке, чрезвычайно недоверчиво относится к европейцам. Это побудило хана запретить всякие сношения его подданных с нами. Вследствие этого сведения, которые мне удалось раздобыть, довольно поверхностны. Тем не менее я могу ручаться за их достоверность. Касаясь к тому же страны, весьма мало посещавшейся европейцами, они будут, я полагаю, ценны своей новизной. На этом основании я решаюсь опубликовать их и буду счастлив, если мой труд сможет оказаться хотя бы небольшим вкладом в наши знания о Средней Азии.

Книга первая

Глава первая

Приготовления к путешествию. — Отъезд. — Дорожные опасности. — Маршрут

Весь состав посольства, которое должно было отправиться в Бухару, собирался в Оренбурге в течение августа. К этому времени предназначенные для конвоя казаки были отобраны оренбургским военным губернатором генералом от инфантерии Эссеном[1]. Однако формирование этого отряда затянулось до середины сентября, и мы увидели, что лучшее время года миновало. По экономическим соображениям съестные припасы сначала хотели отправить на телегах, но от этого нас побудили отказаться различные сведения, полученные нами о стране, через которую нам предстояло следовать. Тогда было решено отправить основной провиант на верблюдах, а остальной погрузить на 25 телег для тех, кто в пути заболеет, или тех, кого могут ранить. Каждая телега была запряжена тройкой лошадей и сопровождалась башкиром. Ввиду того что в киргизской степи нам предстояло переправляться через реки, отряд снабдили двумя лодками, которые мы также погрузили на телеги. Последние были сконструированы так, что если их поставить на лодки, то они могут служить паромом, способным перевезти 20 человек.

Чтобы преодолеть за два месяца пустыню, требовалось по 150 фунтов сухарей на каждого солдата и по 4 центнера овса на каждую лошадь, кроме того, крупы для отряда, двойного запаса снарядов для наших двух пушек, 15 кибиток, или войлочных палаток, 200 бочек для воды, наконец, немалое количество бочек водки. 320 верблюдов были нагружены провиантом для конвоя и 38 — багажом членов посольства и продовольствием для них.

По приказу военного губернатора с киргизскими старейшинами было заключено соглашение о доставке в Оренбург необходимых посольству 358 верблюдов за плату по 110 рублей ассигнациями. 15 сентября они были приведены в Оренбург, чтобы везти на себе по 640 фунтов каждый. Желанный день отъезда наступил, но ни один киргиз не явился. Оренбургский базар оказался не в состоянии доставить необхо-

димое для нашего конвоя количество овса: пришлось посылать в соседние деревни, то есть за 150 верст от Оренбурга. Лишь один хозяин согласился намолотить нужное количество овса, и оно было привезено в Оренбург к 20 сентября.

Содержание эскорта в течение его пребывания за пределами России было определено примерно в 72 тыс. рублей. Эту сумму обязательно надо было иметь звонкой монетой, чтобы получить продовольствие в Бухаре. Так как вывоз русской мелкой монеты был воспрещен, надо было раздобыть червонцы. Но у оренбургских купцов их в достаточном количестве не оказалось: понадобилось искать в Троицке, удаленном от Оренбурга на 600 верст. Эта попытка потерпела неудачу. Кончилось тем, что в Москву, отстоящую на 1500 верст от Оренбурга, был отправлен курьер, который нашел нужную сумму. Итак, непредвиденные обстоятельства откладывали наш отъезд. Благоприятное время года кончилось — середина сентября прошла,— и скоро должны были наступить сильные морозы. Начались дожди; град и снег выпадали каждый день.

Я вспомнил о лишениях, перенесенных войском Тимура на Сейхуне, описанных Шерефеддином[2]. «Одни, — сообщал он, — отморозили нос и уши, другие — ноги и руки; небо было сплошною тучей, а земля — грудой снега». Места, через которые нам предстояло пройти, находились севернее, чем те, где погибла армия этого завоевателя[3]. Я жалел наших плохо одетых солдат, предоставленных невзгодам зимы.

Мы устроили несколько совещаний с киргизами, чтобы обсудить маршрут и ознакомиться с предстоящими трудностями. Пятеро из них были нашими проводниками, самого опытного поставили во главе; остальные 60 киргизов должны были заботиться о верблюдах. Животные принадлежали различным владельцам. Они были объединены в *коши*, или группы, от 20 до 60 голов, сопровождаемые вожаком-киргизом. Произвели пробную загрузку, и тут выяснилось, что продолговатые тюки для перевозки наиболее удобны.

9 октября прибыла последняя группа верблюдов, и наш отъезд был назначен на следующий день.

10 октября губернатор произвел смотр всему конвою, собранному на большой оренбургской площади. Он приказал отслужить молебен и благословить путешественников. Религиозная церемония — духовные песнопения, благословения, предшествовавшие столь долгому пути через необъятные пустыни, — заключала в себе нечто внушительное и торжественное, усугублявшееся предчувствием опасностей, которые могли ожидать экспедицию. Оно не было лишено оснований. Киргизы, недовольные тем, что русские исследуют их пустыни, нередко совершают нападения на проходящие караваны. Так, в 1803 году недалеко от Сырдарьи подверглось нападе-

нию киргизов посольство поручика Гавердовского[4]. Благодаря упорной обороне ему едва удалось спастись самому, но его жена, врач и большая часть отряда остались во власти степных кочевников.

Даже в том случае, если киргизы не осмелятся напасть на такой многочисленный эскорт, как наш, не исключено, что они подожгут траву и камыш в степи, где мы будем проходить, чтобы тем самым умножить трудности путешествия или даже сделать его невозможным. Другой, весьма распространенный вид нападения заключается в том, чтобы, подкравшись ночью к пасущимся лошадям, с невероятной быстротой похитить часть из них. Этих действий следовало опасаться, потому что несколько грабителей, соединившись вместе и напав врасплох на наших часовых, могли причинить нам непоправимый урон.

Генерал Эссен, предвидевший эти опасности, с удовольствием принял предложение влиятельного киргизского султана Арунгазы Абдулгази[5] о сопровождении нашего посольства до Сырдарьи отрядом в несколько сот киргизов. Генерал придавал большое значение этому предложению, особенно ввиду морального влияния, которое оно должно было оказать на киргизов.

Однако мы значительно больше опасались хивинцев, занимавших часть областей к югу от Аральского моря. Они, не менее проворные, чем киргизы, но более сплоченные, неоднократно совершали набеги отрядами в четыре-пять тысяч человек. Правда, подобная численность кавалерии не вызывала особых опасений у наших пехотинцев, однако и эскорт наш вряд ли смог бы прикрыть 700 вьючных животных, в том числе верблюдов, принадлежавших бухарским купцам, которые были поручены нашей охране. Нападения грабителей столь же быстры, сколь и неожиданны. Они наводят панику криком и воем, и верблюды, разбежавшись, легко попадают в их руки. Лучшее средство предупредить такое замешательство — заставить животных опуститься на задние ноги: тогда их с трудом можно поднять. Но часто не остается времени, чтобы прибегнуть к этой предосторожности, и тогда караван пропал: очутиться в киргизской степи без верблюдов — значит погибнуть.

Опасности подстерегают вас и в самой Бухарии, стране, подвластной варварскому и воинственному народу. Как я узнал впоследствии, перед нашим приездом в Оренбург бухарские купцы доверительно говорили своим знакомым: «Может статься, что никто из путешественников-христиан не вернется домой. Если даже хивинский хан разрешит им пройти, то уж наш хан не совершит ошибки, дозволив им отправиться обратно. Мы не хотим, чтобы христиане знакомились с нашей страной».

Маршрут от Оренбурга до Бухары, по которому прошло русское посольство в 1820 году

Дата	Лагерные остановки	Природные условия	Версты и сажени
10 октября	Ручей Бердянка	Вода и трава	20—251
12 »	» Битли-су	Воды мало	25—460
13 »	» Бурте	Вода	33—289
14 »	» Узун-буртех	Вода, трава и кустарник	26—102
16 »	» Кара-бута	Вода, трава, деревья и кустарник	35—302
17 »	Река Илек	»	27—434
19 »	» »	»	31—60
20 »	Ручей Тамды-яман *	»	27—380
21 »	» Суук-су	Кустарники, камни, вода, трава	29—470
23 »	» Талаш-бег	Кустарники, вода, трава	35—37
24 »			
25 »			
27 »			
28 »			
30 »	Гора Бассага	Немного кустарника и травы	31—386
31 »			
1 ноября	Река Кублейлы-темир **	Кустарник, немного травы, солоноватая вода	28—29
2 »			
4 »	Река Тираклу	Хорошая вода, немного травы и кустарника	31—219
6 »	Ручей Кара-акенты ***	Дурная вода, немного травы и кустарника	34—110
7 »	» Тубан	Вода, кустарник, трава	27—123
8 »	Каунджур	»	22—101
	»	»	29—210
9 »	Озеро Ходжа	Вода, камыш, трава	44—454
	Колодец Кул-кудук	То же и кустарник	29—329
11 »	Аще-кудук	Вода, камыш, трава, немного кустарника	24—383
12 »	Чубар-тепе	То же и солоноватая вода	29—35
13 »	Источник Октани ****	Кустарник, трава, дурная вода	26—432
	» Сары-булак	Немного кустарника, трава, дурная вода	39—292
	Гора Дерман-баши	Кустарник, трава, воды нет	30—161
	Колодец Урачай	Кустарник, плохая трава, дурная вода	20—407
	Кулли	Кустарник, плохая трава, соленая вода	30—268

* По Эверсману — Тамбутан.— *Прим. пер.*
** По Эверсману — Яман-темир.— *Прим. пер.*
*** По Эверсману — Караганды.— *Прим. пер.*
**** По Эверсману — Чилик.— *Прим. пер.*

Дата	Лагерные остановки	Природные условия	Версты и сажени
14 ноября	Холм Сапах	Кустарник	26—162
15 »	Залив Камышлы	Рассеянный кустарник, хорошая вода, немного травы	25—219
18 »	Ялтыр-куль	Немного кустарника, хорошая вода и такая же трава	27—19
19 »	Река Сыр	Кустарник, то же	26—12
22 »	Безымянное озерцо	Кустарник, трава, вода	9—378
23 »	Безымянная местность	Кустарник	24—79
24 »	Река Куван	Рассеянный кустарник, камыши, хорошая вода	29—329
25 »	» »	Кустарник, то же	19—304
27 »	» »	Немного кустарника, то же	16—249
28 »	» »	Кустарник, то же	28—14
29 »	Безымянная местность	Кустарник, немного травы, воды нет	30—40
1 декабря	Джанидарья *	Кустарник, дурная вода, немного травы	33—449
3 »	У песков Кызылкума	Кустарник	35—109
4 »	Пески Кызылкума	»	42—162
5 »	» »	»	44—69
6 »	У песков Кызылкума	Кустарник, немного травы	46—5
7 »	Колодец Юз-кудук	Хорошая вода, немного кустарника и травы	43—311
9 »	Безымянная местность	Воды нет, то же	43—300
10 »	У песков Баткак	Воды нет, кустарник, немного травы	43—182
11 »	Горы Сусыз-кара	То же	33—442
12 »	Источник Кара-агач **	Немного кустарника, соленая вода	40—58
13 »	Источник Агатма	Немного кустарника, соленая вода	38—275
15 »	Колодец Одун-кудук	Хорошая вода, немного кустарника	38—386
16 »	Кишлак Кагатан	Возделываемые земли	17—366
17 »	Город Вабкент		17—289
18 »	Кишлак Базарчи		23—169
20 »	Бухара		2
		Итого . . . 1586 верст	179 саженей

* По Сенковскому — Янгидарья, или Новая река.— *Прим. пер.*
** По Эверсману — Кара-ата.— *Прим. пер.*

Глава вторая

Описание степи. — Киргизский аул. — Встреча посольства с султаном Арунгазы. — Охота на сайгаков

Предстоявший маршрут мы решили разбить на три участка. Первый — от Оренбурга до Мугоджарских гор — мы пересекли между ручьями Кара-акенты и Тубан примерно в 434 верстах от Оренбурга; второй — между Мугоджарскими горами и Сырдарьей и третий — от Сырдарьи до Бухары.

Природа первого участка на всем пути довольно однообразна: волнистая местность, изрезанная цепями холмов, склоны которых простираются иногда на 15—20 верст. Отсутствие деревьев и небольшие возвышенности всегда оставляют открытым необъятный горизонт, где взгляд тщетно ищет, на чем бы остановиться. Для степи характерны засушливость, однообразие и тишина. К концу мая лучи палящего солнца сжигают в этих краях травяной покров, и поверхность земли принимает и сохраняет грязно-желтый цвет.

Деревья на всем пути можно найти в двух местах. Повсюду только жалкие колючие кустарники высотой 3 фута и настолько редкие, что, по мнению европейца, они не в состоянии нарушить монотонность этих обширных пустынь.

Мы пересекли довольно много ручьев, которые все кажутся одинаковыми и часто текут в одном и том же направлении. От Урала до Сырдарьи они проходимы вброд, но становятся безводными летом и осенью. Впрочем, Илек, Эмба, Темир, Орь и Иргиз можно назвать реками, тем более что они текут постоянно, хотя и не отличаются большой глубиной. Многие из ручьев пересыхают летом до такой степени, что следами их существования в весеннюю пору остаются только балки. Иные же превращаются в озерки в несколько сажен глубиной, то соединенные друг с другом струйкой воды, то без всякой связи между собой. Ежегодно степь покрывается большим количеством снега, быстро тающего с наступлением весны. В это время реки и вздувшиеся ручьи превращаются в буйно текущие потоки, образующие овраги, тем более глубокие, что почва повсюду глинистая.

В 30 верстах от Оренбурга на наиболее высоком из окрестных холмов, Джиланды-тепе, я нашел белемнит и аммонит [6]. Между Узун-бурте и Кара-бутаком и далее везде до Мугоджарских гор я встречал в огромном количестве те же ископаемые, а также много раковин.

Почва почти всюду глинистая, сухая, твердая, усыпанная разноцветной галькой. Большинство холмов и отлогие склоны имеют округленные вершины, как будто потоки воды сгладили их.

Близ бугров Бассага мы видели много окаменелостей — моллюски и даже зуб акулы — несомненное доказательство существования в древности морского дна. В Бердянке мы заметили остатки заброшенного медного рудника, о котором говорит Паллас[7], и другого — возле Кызыл-ова: несколько неглубоких скважин рядом с грудой камней, смешанных с медной рудой. Примерно в 7 верстах от нашего лагеря, на Узун-бурте, вверх по течению ручья, мы нашли каменный уголь. Мы испытали его в нашей кузнице: он горел очень хорошо.

Прибыв в Кара-бутак, мы были приятно удивлены, увидев небольшое деревце черной ольхи, да и местность показалась нам лучше. В степи нашим взорам пока еще не представлялось хоть сколько-нибудь мощной растительности. Подобное наблюдение мы имели возможность сделать вскоре на берегу Илека. Группы деревьев или кустов тополей и верб радуют здесь путника, утомленного созерцанием голой пустыни. Трава хороша всюду, где разливается река, и здесь киргизы устраивают летние кочевки. Илек — самая большая река из всех, которые встретились нам до Сырдарьи: он имеет в ширину около десяти сажен, очень быстр и течет по песчаному руслу; в нем водится много видов рыб: щука, окунь, пескарь, карп, карась и т. д.

На этих же берегах мы впервые увидели большое селение, или аул, состоящий из киргизских юрт. Наше внимание привлекли стада баранов численностью от 5 тыс. до 6 тыс. голов. Приблизившись к аулу, мы заметили юрты разной величины из белого или коричневого войлока; их было около 50, и они беспорядочно располагались группами в три, четыре и даже шесть юрт.

Мы узнали, что это — становище султана Арунгазы, одного из главных предводителей киргизов. Он ожидал нас, чтобы сопровождать до Сырдарьи и этим доброжелательным актом засвидетельствовать свою приверженность к русскому правительству, в помощи которого он, по правде сказать, сильно нуждался из-за своих раздоров с хивинским ханом. На следующий день после нашего прибытия султан, окруженный свитой из сотни киргизов, прибыл верхом с визитом к г-ну Негри. На голове у него была чалма, что совершенно не принято в этой пустыне, но считается признаком благочестия со стороны магометанина, стремившегося отличить себя от киргизской массы. Все эти кочевники пожелали проникнуть в палатку Негри. Они действительно вошли туда, насколько позволяло место, и уселись на корточки.

У султана был хороший цвет лица, большие красивые черные глаза, приятная и серьезная внешность. На нас он произвел впечатление человека весьма рассудительного. Его визит продлился полтора часа.

На другой день я отправился навестить его. По пути я встретил около 50 киргизов. Подъехав к ним, я узнал, что они собрались для исполнения приговора, вынесенного султаном одному их соплеменнику, укравшему лошадь. Согласно Корану, он был осужден на смерть. Но старики киргизы упрашивали султана помиловать его, дабы провидение обеспечило благоприятный результат похода, который султан намеревался предпринять, и чтобы его милосердие оказалось счастливым предзнаменованием при встрече с русскими. Султан удовлетворил их просьбу, и наказание было смягчено.

Полуобнаженного вора с надетым на шею куском черной кошмы, свисавшей на плечи, два вооруженных нагайками всадника погнали до ближайшей юрты. Там ему вымазали лицо сажей и заставили пройти сквозь группу киргизов. Затем к хвосту лошади привязали веревку, велели вору взять ее в зубы и бежать за лошадью, которую двое гнали вскачь, а мчавшиеся за вором кочевники били его нагайками. Большинство присутствовавших смеялись до слез, некоторые ругались. Наконец спустя несколько минут вора отпустили. Затем он поблагодарил султана и обещал ему более не красть. Лошадь вора подверглась участи, которая первоначально была определена ее хозяину: ей перерезали горло, а затем в одно мгновение она была разъята на части и поделена между присутствовавшими киргизами, причем не обошлось без громких криков, возни и нагаечных ударов.

После того как мне пришлось оказаться свидетелем этой сцены, я отправился к султану, который попросил подождать несколько минут, чтобы приукрасить свое жилище. Наконец я был допущен и нашел султана сидевшим почти в центре большой круглой юрты. С одной стороны полукругом восседали его друзья, с другой — были приготовлены места для нас. Стены были украшены коврами, на веревке развешаны одежды, разостланы тигровые шкуры, виднелась богатая очень высокая диадема из золота, отделанная бирюзой и бледными рубинами,— головное украшение киргизки. На крюку висела мясная туша, стояли большие бурдюки с кобыльим молоком и несколько деревянных чаш. Предметы роскоши помещались рядом с вещами, предназначенными для удовлетворения насущных житейских потребностей, и любовь к пышности уживалась с примитивными вкусами.

Покинув Илек, мы направились к ручью Тамды-яман. Вскоре мы подошли к холму, образованному красноватыми скалами и большими аммонитами диаметром 2,5 фута,— здесь мы обнаружили также много богатых медью камней, которые, вероятно, нанесла сюда вода. Недалеко от устья Суук-су в Илек впадают четыре речки; отсюда пошло название не только этого места, но и всего района — Беш-тамак («Пять рек»).

До вершины Бассаги, откуда открывается весьма обширный вид, мы добрались настолько незаметно, что были удивлены, оказавшись на такой высоте. Эта вершина сложена из кристаллического гипса, покрывающего здесь всю степь. Бассага имеет в высоту только около 30 сажен; пологий склон ее направлен к северо-востоку, а крутой — к юго-востоку.

За Бассагой местность становится все более и более безводной; *ковыль*, который прежде встречался в изобилии, здесь почти исчезает; повсюду видна только глинистая, малоплодородная почва и несколько жалких растений вроде полыни; земля во многих местах растрескалась от летней жары.

Мы переправились вброд через Кублейлы-темир, проломив лед ударами топора. Эта река имеет примерно три сажени в ширину и в нескольких местах до сажени глубины. Вода хороша, дно песчаное, а берега заросли камышами, в которых иногда попадаются кабаны. Я видел здесь одного молодого киргиза, который, стоя в воде, около десяти минут рубил лед; затем он вышел на берег, положил топор и, не боясь холода, снова вошел в реку и окунулся три раза. Доказательство физической выносливости кочевого народа.

Кублейлы-темир — всего лишь ручей, о котором я не стал бы упоминать, если бы мы не обнаружили на одном из его берегов под поднятой до десяти сажен крутизной большое количество белемнитов и мышиных скелетов. Этот берег был сложен несколькими слоями конгломератов гравия и глины.

Я прохаживался вдоль этой крутизны то по льду, то по земле, разыскивая окаменелости или интересные конгломераты, как вдруг заметил вверху крупное животное, которое собиралось прыгнуть с горки и, казалось, хотело броситься на меня. Я отступил, и оно тотчас же упало к моим ногам на лед, проломив его и разбив себе кости. Это был первый сайгак, разновидность антилопы, которого мне пришлось увидеть. Оказывается, за ним охотились конвойные казаки, преследовавшие его до самой пропасти. Сайгаки необычайно трусливы, и киргизы умеют этим пользоваться. Обычно охотники подкарауливают животных вблизи рек, куда стада сайгаков приходят на водопой. Киргизы втыкают в наклонном положении несколько рядов заостренных стеблей камыша, расположив их полукругом один возле другого на расстоянии около фута. Вокруг камышей они насыпают кучки земли в виде дуги, края которой удалены друг от друга примерно сажен на 50. Когда сайгаки появляются, спрятавшиеся киргизы начинают кричать и гонят их по направлению к дуге. Животные, приняв кучки земли за людей, теснятся к стеблям и напарываются на них. Донские казаки ловят их другим способом. Летом во время сильной жары сайгаки собираются в стада от 4 тыс. до 5 тыс. голов и, покидая свои степи в поисках прохлады, переправляются через Дон вплавь.

Тогда казаки бросаются в реку и убивают животных.

Заслуживающие доверия лица уверяли меня, что видели в Губерлинских горах и на Урале примерно в июне, во время больших переселений сайгаков, стада численностью от 8 тыс. до 9 тыс. голов.

Мясо сайгаков восхитительно, а из кожи шьют одежду. Приблизиться к ним, если только нет большой жары, почти невозможно. В поисках тени сайгаки собираются в группы до 20 голов и, опустив головы, держатся один за другим, в то время как вожак стаи прячет голову во впадине или за большим камнем. В этом положении их легко застигнуть врасплох. Когда убивают первого, второй обычно занимает его место, подставляя себя под удар охотника, который таким образом убивает подряд несколько следующих животных.

Морда у сайгака очень своеобразна: она выгнута, как у киргизского барана, с широкими и глубокими ноздрями, покрытыми эластичным и очень мягким хрящом. Ноздри настолько велики, что в них забираются мошки и комары и нередко вынуждают сайгаков останавливаться, чтобы чихнуть. Рога у них не прямые, как это утверждают, а имеют форму лиры. Я не знаю ничего более грациозного, чем бег сайгака: он с необыкновенной легкостью прыгает в разные стороны. Если сайгак молодой, то приручить его довольно легко; в окрестностях Оренбурга видели, как сайгаки следовали за своими хозяевами подобно собакам.

От Темира мы двинулись к высотам Мусевиль, похожим на Бассагу, и увидели вдали, верстах в 60, Мугоджарские горы. Вид этих величественно возвышающихся гор, синеватые контуры которых вырисовываются на горизонте, производит неизгладимое впечатление. Тем не менее мы горячо желали видеть их уже позади, чтобы более не подвергаться морозам и бурям, так как, по словам киргизов, климат южного склона гор значительно мягче. Впрочем, до сих пор мы были довольно счастливы: солнце блистало неизменно, а ночью термометр опускался только до 5—8° ниже нуля; лишь один раз было 10°. Этот холод, каким бы незначительным он ни был, казался все же очень резким, когда его приходилось испытывать в течение целого дня, находясь в войлочной юрте и используя в качестве топлива густой кустарник (счастье, когда его можно было найти!).

В Кара-акенты, что в 15 верстах от Мугоджар, вода была только в нескольких углублениях; солоноватая, мутная, отдающая глиной, она была самой плохой, какую нам приходилось пить. Киргизы смеялись над нами, когда мы делали гримасы, пробуя воду. Едва сносной она становилась лишь после заварки чая. Однако киргизы, привыкшие к кумысу, тоже пристрастились к чаю. Я видел киргизов, выпивавших до 8 фунтов этого напитка.

Глава третья

Описание местности. — Киргизские могилы. — Причины понижения уровня Аральского моря. — Устье Сырдарьи

29 октября мы находились у подножия Мугоджар, каменистых гор, состоящих из своеобразно расположенных конических бугров, покрытых камнями или скалами из порфира, змеевика, кварца, полевого шпата, грюнштейна (при полном отсутствии гранита).

Долины странно контрастируют с этими горами; там, где скапливается и держится некоторое время вода, растительность имеет буйный характер, а земля черна и плодородна. Поэтому киргизы используют долины для выращивания хлеба и для пастбищ. Они ставят свои юрты между холмами, спасаясь от суровой поздней осени.

Высшей точкой Мугоджар (приблизительно 150 сажен от основания) является гора Айрук, что значит «Одинокий». Это название вполне себя оправдывает, так как гора действительно поднимается значительно выше прочих вершин. Ее называют также Айрурук, или «Вилы», так как она имеет две вершины.

Вообще, киргизы обозначают местности, попадающие в поле их зрения, характерными именами. Например, горы, расположенные к югу от Айрук-тага, известны под названием Яман-таг, или «Плохие горы», те же, которые находятся к северу, — Якши-таг, или «Хорошие горы». На склонах первых растет мало травы; на вторых много хороших пастбищ и воды.

Мугоджары, очевидно, являются продолжением Губерлинских гор: их соединение заметно между Губерлинской крепостью и Орском, там, где река Урал прорыла себе ложе через упомянутую скалистую цепь и, сжатая, катит свои волны между каменистыми и крутыми берегами, одинаковыми и по природе, и по очертаниям.

Эти горы в степи называют Ташкичу и Караул-тепе. Сначала, разделенные Кыр-гельды, они соединяются в 30 верстах от реки Урал, откуда направляются к югу в виде возвышенного плато и образуют затем горы Уркач, или «Горы Ур», так как река Ури, или Орь, омывает их подножие.

Возле истоков этой реки горы Уркач соединяются с Мугоджарскими, идущими на юго-запад. К западу от гор Уркач тянутся две цепи холмов: одна — разделяет бассейн Урала и Илека, другая — Илека и Эмбы.

Горы Якши-таг простираются вдоль правого берега реки Ори, а затем отделяются от нее и соединяются с горами Карнадур («Собрание гор»).

Мугоджары, наиболее высокие из степных гор, населенных киргизами Малой орды, представляют собой одно из разветвлений Уральского хребта, ни один отрог которого на востоке не достигает Алтайских гор. Мы пересекли Мугоджары на протяжении 6 верст. Эти горы полностью исчезают только у ручья Тубан, где мы сделали остановку.

Я уже говорил о перемене температуры, причиной которой является Мугоджарская цепь. К югу от этих гор не выпадает обильных снегов: здесь теплее и меньше воды; небольшие серые или черные ростки полыни придают этой земле траурный вид, и на протяжении более чем 400 верст от берегов Каунджура до Сырдарьи мы не встретили ни одной реки.

Покинув эту горную цепь, мы сначала продвигались по ровной местности, потом — по пустыне, покрытой сыпучими песками, наконец, по глинистым, голым, лишенным растительности холмам, поднимающимся на высоту от 10 до 30 сажен и изборожденным и рассеченным водой, которая нередко прерывает их.

Множество солончаков, несколько плоских равнин, почва которых, образованная мягкой синеватой глиной, оседает под ногой путника, и, наконец, все обычные признаки уменьшения и отступления морской воды придают этой местности довольно унылый вид.

Первая равнина, открывшаяся перед нами, простирается от ручья Тубан до Каунджура, на дне которого было видно лишь несколько рытвин с водой. Ручей течет только весной по руслу шириной от 4 до 5 сажен. В такой безводной стране каждая капля воды становится драгоценной, и киргизы никогда не забывают место, где они встретили ее хотя бы раз. Поэтому 2 ноября наш первый проводник, Эманчи-бег, уже десять лет не бывавший в этой местности, посоветовал нам после того, как мы прошли 10 верст, сделать остановку именно у Каунджура. Он был убежден, что воду мы найдем только в озере Ходжа-куле, находящемся более чем в 15 верстах отсюда. Мы не хотели этому верить, потому что киргизы, заинтересованные в том, чтобы наш поход проходил как можно дольше, уже частенько нас обманывали. И мы продолжали свой путь. День кончался, но ничто не предвещало близости озера. В такое время года ночи особенно темны, и ориентироваться в степи было очень трудно. Мы не различали более ни верхушек гор, ни холмов, ни могил — приметы, коими пользуются киргизы при определении маршрута. Благоразумные киргизы советовали нам остановиться и отдохнуть. Но мы настаивали на своем — как можно скорее найти озеро. Киргизы делали все возможное, чтобы не потерять направления: они ехали верхом несколько впереди каравана, стараясь найти какую-нибудь тропинку или примету, кото-

рую обычно оставляют в тех местах, где есть вода. Колодец, впадина, наполненная водой, озеро — это места встречи кочевников в пустынях, и тропы к ним образуются сами собой. Прошло уже несколько часов темной ночи; опасение, что мы сбились с пути, начало нас беспокоить, как вдруг в версте от головы колонны какой-то киргиз ударил по огниву и искрами произвел волшебный эффект. Со всех сторон послышались радостные крики: все бросились к тому, кому пришла в голову счастливая мысль воспользоваться средством, употребляемым киргизами, когда они ночью идут похищать лошадей, и тот, кто находит дорогу, пользуется этим сигналом, чтобы собрать своих товарищей. Мы прошли 2 или 3 версты и наконец в 8 часов вечера прибыли к берегам Ходжа-куля, сделав в этот день почти 45 верст. Это озеро обязано своим названием одному киргизскому ходже, или отшельнику, погребенному близ берега, среди нескольких могил. Ходжа-куль — первое озеро, которое мы встретили в степи.

Могилы здесь сооружены из гончарной глины, смешанной с рубленой соломой, за исключением могилы ходжи, которая построена из высушенных на солнце кирпичей. Внутри этого памятника находится гробница, похожая на все остальные. Киргизы подошли к ней помолиться. Ближе к Сырдарье памятников становится все больше, они образуют кладбища, похожие на города. Богатые киргизы иногда приглашают архитекторов из Бухары для сооружения могил из гончарной глины, они довольно прочны из-за сухости климата. Обычай требует, чтобы отдельные могилы всегда помещались на бугре. Если семья покойного бедна и не в состоянии сделать могилу из гончарной глины, то каждый из друзей или родственников, присутствующих на погребении, возлагает на могилу глыбу земли или камень, чтобы она была выше и выглядела внушительнее.

Киргизы, как и все восточные народы, испытывают большое уважение к мертвым. Обыкновенно на похоронах присутствуют родные и друзья, жены же покойного остаются дома: они рвут на себе волосы и испускают вопли отчаяния. Затем приходят родственники, чтобы выразить соболезнование неутешным вдовам. Успокоившись, жены велят резать баранов и лошадей, чтобы как следует угостить гостей. Любой праздник, обряд или какое-нибудь сборище всегда заканчивается грандиозным ужином.

Одним из самых больших праздников у этих кочевников считается годовщина смерти главы семьи, особенно первая, на которой обычно присутствуют от 300 до 600 человек; трапеза совмещается с религиозными церемониями.

Вскоре мы покинули Ходжа-куль, берега которого покрыты камышом. Осенью оно сильно суживается, но весной, ког-

да Каунджур умножает его воды, озеро становится обширным. Мы направились к Кул-кудуку («Колодец раба»), расположенному на границе с пустыней Барсуки, представляющей в высшей степени своеобразный вид: она покрыта сыпучим песком, который образует многочисленные дюны, очень крутые, достигающие в высоту от 3 до 4 сажен. При каждом более или менее сильном порыве ветра эта пустыня меняет свою конфигурацию. Кое-где встречаются травы, какие-то колючие кусты (в том числе акация), и длинные корни этих растений, напоминающие змей, стелются вокруг этих подвижных холмов.

Мы прошли по пустыне 15 верст, на что потратили уйму времени, так как плохой корм значительно ослабил наших лошадей. Мы сделали остановку у колодца Кул-кудук, где сожгли десяток повозок. Они легко воспламенились и горели почти без дыма в отличие от кустарника, которым мы обычно пользовались. Мы погрузили на верблюдов оставшиеся колеса и доски, чтобы хотя бы еще несколько дней разжигать хороший костер.

Здесь много обильных родников, вода которых имеет привкус серы. Примерно в 100 саженях вправо от этих колодцев находится высохшее озеро, где мы собрали несколько кусков горькой соли. Наши казаки в сопровождении киргизов прошли приблизительно версты 2 влево от Кул-кудука и обнаружили в пластах поваренную соль от одного до двух дюймов толщиной.

Соль степных озер в отличие от нашей поваренной имеет другой вкус и, несмотря на белизну, смешана с множеством земляных частиц. Начиная от Кул-кудука мы часто встречали такие соленые озера: они занимали иногда большие пространства, протяжением более 10 верст, отличались ослепительной белизной и были покрыты тонкой соленой пылью, поднимавшейся при движении по ним.

Пройдя Мугоджарские горы через перевал Сырканатчи и песчаные бугры, или дюны Малые Барсуки, начинающиеся в десяти верстах к северу от нашей стоянки и напоминающие Большие Барсуки, 9 ноября мы остановились у холма Сарыбулак. Мы пересекли Малые Барсуки на протяжении 2 верст, причем промерзший песок показался нам неглубоким. Большие и Малые Барсуки расположены по соседству с Аральским морем; Малые примыкают к северо-западному берегу, а Большие, которые тянутся между Аральским и Каспийским морями, кончаются на расстоянии около десяти дней пути от Хивы.

Местность продолжает оставаться волнистой, и холмы заканчиваются отлогостями. Полынь — единственное растение в этих местах, пригодное для корма лошадей: начиная от Мугоджарских гор трава полностью отсутствует. Возле Аще-ку-

дука мы впервые увидели саксаул, хорошо известный в пустыне.

Киргизы и все обитающие в пустыне народности очень ценят этот кустарник; если вечером развести костер из саксаула, то головешки покрываются золой и всю ночь поддерживают в юрте приятное тепло. Это растение — разновидность тамариска, и листья его похожи на листья можжевельника. Его кора серо-желтоватого цвета, а очень тяжелую и крепкую древесину легче ломать, чем рубить. Саксаул имеет в диаметре самое большее два дюйма и растет вплоть до окрестностей Джанысдарьи. В этих местах саксаул — настоящее дерево толщиной полфута, высотой две сажени и размножается, образуя рощи.

На протяжении 2—3 верст вдоль южной части Сары-булака имеется большое число рытвин. С северной стороны склон этого холма пологий и покрыт полынью, с южной — представляет собою обнаженную глину, изрезанную потоками и загроможденную конусами, окруженными пропастями от 20 до 30 сажен глубиной. Я взбирался на эти высоты и находил в пластах маленькие раковины, рассеянные по склонам холма: одни толщиной 3—4 фута, другие длиной 2—3 дюйма, а также множество рыбьих костей. С вершины Сарыбулака (60 верст) я видел высоты Кук-тырнак; основание их омывается волнами Аральского моря.

Я рассказал сопровождавшим нас киргизам о следах воды на Сары-булаке, и они меня уверяли, что их отцы еще видели, как Аральское море доходило до этого холма, ныне удаленного от моря на 60 верст. Впоследствии я слышал об этом еще много раз и считаю этот факт несомненным: он доказывает, в каких значительных размерах и как быстро происходит отступление Арала. Оно продолжается и теперь, а один из наших проводников вспомнил, что видел, как это море распространилось за Кулли и Сапак, которые мы пересекли 14 и 15 ноября. Не прошло и года после нашего путешествия, как большая бухта Сырдарьи Камышлы-баш увеличилась на 3 версты к востоку.

Приблизительно в 25 верстах вправо от Сары-булака возвышается холм Дерман-баши, который виден с большого расстояния и известен у киргизов под названием «Термембеса»; так его называют все киргизские роды, хотя у них довольно часто принято давать различные имена одним и тем же местам. Склоны самых низких холмов, окружающих Термембес, так же как и все те, которые нам встретились на пути от Сары-булака до Аральского моря, обращены в сторону этого водоема. Пересеченные оврагами и лишенные травы, они совершенно безводны, с округлыми вершинами. В то же время склоны их пологи и покрыты полынью. Следы действия воды на современное сложение всех этих холмов неоспоримы.

Прежде чем добраться до Аральского моря, мы вступили в пустыню Каракумы («Черный песок»). К сожалению, происхождение этого названия мне не удалось выяснить. Все эти песчаные пустыни производят унылое впечатление. В Каракумах наблюдается обилие питьевой воды, которую можно обнаружить на глубине одной-двух саженей. Шедшие впереди нас казаки выкопали в Бехрачай-кудуке семнадцать колодцев, и во всех них было небольшое количество более или менее солоноватой воды.

Каракумы простираются до южных берегов Арала, а в некоторых местах даже до Сырдарьи и продолжаются далее к востоку, где значительно расширяются. Возвращаясь из Бухары, мы пересекли эту пустыню за восемь дней на протяжении 260 верст, направляясь от Сырдарьи к Иргизу.

Пройдя совсем близко от Сары-чаганака* («Желтой бухты»), образуемой Аральским морем, мы вернулись в пустыню Каракум, которую покинули лишь около Камышлы-баша. Берега Аральского моря от Сары-чаганака почти до устья Сырдарьи окаймлены каракумскими холмами. К югу от Кувана нам встретились еще пески, прерываемые время от времени глинистыми пространствами, вплотную примыкающими к озеру. Местность вдоль моря между Сырдарьей и Куваном почти целиком глинистая и ровная и могла бы стать плодородной, если там соорудить оросительные каналы.

Так как в течение долгого времени мы употребляли очень плохую воду, то вода Камышлы-баша показалась нам превосходной, и мы, лежа на животе на льду, пили ее с истинным наслаждением.

Камышлы-баш — большой залив, образованный Сырдарьей, окружностью около 50 верст. Это самое большое скопление пресной воды, которое мы встретили во время путешествия.

На следующий день мы отправились взглянуть на устье Сырдарьи. Объехав больше половины залива, мы заметили два места, где он, суживаясь, соединяется с Сырдарьей. Продвинувшись верст на 20 вдоль реки, замерзшей два дня назад, мы увидели наконец места, где воды Сырдарьи, смешиваясь с аральской, приобретают солоноватый вкус, а река начинает расширяться. Через 15 верст ее ширина достигает 40 верст. Образуемая ею дельта покрыта камышом, глубиной только около 4 футов, тогда как река, судоходная повсюду почти до Коканда, имеет на всем протяжении несколько сажен глубины.

Своей цели — увидеть устье Сырдарьи — мы достигли не сразу. Пригорки Караяр и Он-адам, представляющие собой мысы с обеих сторон этого устья, отчасти закрывали вид на

* Такое же название имеет один из музыкальных инструментов.

Аральское море. До вершин этих пригорков оставалось еще около 15 верст, проехали же мы более 50 и, увидев все же устье Сырдарьи, главную цель нашей экскурсии, вернулись назад.

Возле Камышлы-баша и вдоль Сырдарьи мы встретили много киргизов, вынужденных бежать из северных степей в поисках более мягкого климата. Встретили мы также и других киргизов, у которых хивинцы отобрали скот. Нищета заставила их стать рыбаками и земледельцами. Этими профессиями у киргизов занимаются только бедняки. Эти два народа грабят друг друга уже 30 лет, производя в порядке набега или возмездия то, что у них носит название *баранты*. Вследствие этих смут киргизы начали пользоваться для своего пропитания мукой, и скоро привычка и бережливость приучили их рассматривать ее как предмет первой необходимости, употребляя ее, впрочем, только в небольших количествах[8]. В пограничных русских и бухарских городах они обменивают баранов, кожи, козью и верблюжью шерсть на муку. Этот способ они считают более легким, чем обработка неблагодарной земли. К тому же они боятся привязаться к земле и считают, что счастье в том, чтобы быть свободными как птицы. (Сравнение, которым они пользуются всякий раз, когда говорят о своей свободной жизни.)

Легко понять, почему зажиточные киргизы никогда не бывают земледельцами. Ведь их древнее предание гласит: «Киргизы потеряют свою свободу с того времени, как поселятся в домах и предадутся земледелию». Это предание подкрепляется примером башкир, судьба которых пугает их. Только киргизы-бедняки, не могущие ничего предложить в обмен на хлеб, производят его сами в нескольких местах: возле Илека, Эмбы, Иргиза и Ори, в долинах Мугоджарских гор и Уркача, вдоль Ходжа-куля и Аксакала, у Камышлы-баша и Сырдарьи и особенно между Джаны и Кувандарьею, где не более 15 лет живет племя каракалпаков.

Киргизы-земледельцы отдают предпочтение тем местам, где во время дождей в результате таяния снегов скапливается вода. Поля, расположенные у Сырдарьи и Камышлы-баша, они орошают при помощи небольших каналов. Возле Эмбы и Иргиза они провели речную воду в резервуары, откуда черпают ее для орошения. Эта тяжелая работа не позволяет им иметь поля значительных размеров, отчего там обработаны участки лишь в несколько квадратных сажен. Киргизы сеют здесь просо, дающее стократный урожай и почти никогда не обманывающее ожиданий земледельца.

Возле Сырдарьи есть каналы глубиной от 5 до 6 футов, вырытые в эпоху, предшествовавшую господству киргизов, которых я считал неспособными к столь тяжелому труду. Там как раз и расположены поля гораздо большего размера, где

киргизы обрабатывают пшеницу и ячмень; первую они сеют осенью, последний — весной. Занимаются они и бахчеводством: я видел несколько участков, засеянных дынями; урожай хранят в небольших ямах. Корм для тех немногих лошадей и домашних животных, которыми они располагают, состоит из листьев молодого камыша; рост его они ускоряют, сжигая прошлогодние растения, отчего берега Сырдарьи нередко производят неприглядное впечатление.

После 41-дневного марша 19 ноября посольство прибыло на берег Сырдарьи против высоты Кара-тепе. Последние 15 верст нам пришлось пройти по обширной равнине, покрытой камышом, обычно затопляемой весной. Эта равнина, которая тянется почти на 80 верст от устья Сырдарьи, имеет в ширину от 10 до 15 верст. В некоторых местах, особенно вдоль берегов реки, камыши сменяются превосходной травой. За равниной вновь появляются пески Каракумы, которые тянутся почти до Сырдарьи, простираясь вдоль нее на 150 верст .

Обеспеченные водой районы Каракумов особенно населены зимой: киргизы со своими кибитками размещаются в каком-нибудь углублении, спасаясь от ветра. Прибрежные земли возле Сырдарьи — постоянное убежище бедных. Нищета порождает разбой. Проезжая эти места, мы нередко видели на вершинах холмов киргизов, ожидавших подобного случая, чтобы напасть на кого-нибудь. Проводники предупредили нас, и мы были начеку.

Возле устья Сырдарья имеет около 60 сажен в ширину, а 50 верстами выше — превышает 120. Река имеет быстрое течение и судоходна начиная от Коканда. Киргизы говорили нам, что примерно в 130 верстах от устья она проходима вброд, но только во время самой сильной жары, другие утверждают, что этого нет нигде.

Глава четвертая

Нравы и обычаи киргизов. — Выборы старейшин.— Их усобицы.

Киргизы, гордящиеся тем, что они обладают такой большой рекой, как Сырдарья, считают земли, орошаемые ее водами, степным раем. Холода здесь не такие резкие, как на берегах Илека, Ори, Иргиза, в горах Мугоджар и Уркач и песках Каракумов, морозы никогда не бывают настолько сильны, чтобы от них погибал скот и страдали люди. Поэтому зимовать на берегах Сырдарьи для них — истинное наслаждение. Но вот уже шесть лет как богатые киргизы лишены это-

го удовольствия, так как хивинцы, их враги, повадились сюда. Киргизы также любят зимовать в камышах, достаточно густых, чтобы защищать от буранов.

Эти кочевники склонны к меланхолии, и ропот быстрых вод Сырдарьи доставляет им необычайную радость. Ведь ничто так не располагает к мечтательности, как шум речных волн, текущих, подобно времени, с монотонной быстротой. Часто ночью сидя на камне, они смотрят на луну и поют грустные песни. В этих песнях рассказывается об историческом прошлом киргизов, о славных подвигах народных героев. Эти поэмы обычно исполняются, однако, только профессиональными певцами. Я очень сожалею, что мне не довелось слышать эти песни. Неоднократно я говаривал киргизам, что с удовольствием послушал бы их. То, что я слышал раньше, представляло собой экспромты, содержавшие одни комплименты, адресованные слушателю. Однако несколько отрывков удержались в моей памяти. Один киргизский *бий*[9], человек богатый, умный, глава многочисленного семейства, пропел мне следующую импровизацию: «Вам, который желает, чтоб я спел пред вами песню, я скажу, что бедный, но добрый бий стоит больше, чем хан, не заслуживающий уважения». Эти слова точно передавали его мысль, так как он был ярым врагом ханской власти. Этот же бий, проезжая как-то мимо нас, когда мы обедали, напевал вполголоса: «Посмотрите на этих русских, которые едят свиное мясо и пьют водку. Ну и люди!»

Однажды какой-то молодой киргиз распевал следующую песню, сложенную молодою девушкой: «Видишь ли этот снег? Ну что же! Мое тело белее. Видишь ли, как течет на снег кровь этого зарезанного барана? Ну что же! Мои щеки алее. Влезь на эту гору, ты увидишь там ствол сгоревшего дерева. Ну что же! Мои волосы чернее. У султана есть муллы, которые много пишут. Ну что же! Мои брови чернее, чем их чернила». Другой киргиз пропел мне: «Взгляните на этот аул, принадлежащий богачу; у него — только одна дочь. Днем она остается одна дома, по ночам же, когда она гуляет, ее сопровождает только луна».

Эти экспромты отражают идеологию киргизов: дети пустыни, они за исключением отношения к религии, остались вне зависимости от всякого влияния чужеземной цивилизации. Этот кочевой народ страстно любит свободу и презирает всякого, кто на нее посягает. Необузданный, воинственный, киргиз один верхом скачет по степи с поразительной быстротой 500—600 верст, чтобы повидать родственника или приятеля из другого рода. По дороге он останавливается почти у каждого аула, встречающегося на его пути, чтобы рассказать какую-нибудь новость. Он всегда уверен в том, что будет хорошо принят хозяевами, даже если его не знают. и

разделит с ними пищу. Обычно это — крут*, айран**, мясо, а иногда кумыс, напиток, приготовляемый из кобыльего молока и весьма ценный в пустыне. Кочевник прекрасно запоминает местность, по которой путешествует, и, возвращаясь домой через несколько дней, в часы досуга рассказывает своим женам и детям о том, что видел. Жены — единственная рабочая сила в киргизской семье: они готовят пищу, расставляют юрты, седлают коня; обязанности мужчины ограничиваются присмотром за стадами. Я видел, как брат одного весьма уважаемого среди киргизов султана в течение 15 дней пас своих баранов верхом на лошади в одежде из красного сукна, не думая о том, что это унижает его достоинство.

Киргизы управляются старейшинами, главами семей, биями, батырами, султанами и ханами.

Титул бия обычно переходит по наследству; однако тот, кто не имеет заслуг или достоинств, быстро лишается его. В то же время съезд может пожаловать титул тому, кто сумел внушить к себе уважение, и его уже до присвоения этого почетного звания называют султаном.

Старейшиной выбирают старого киргиза, советам которого привыкли следовать. Он должен иметь состояние и многочисленную семью, ибо эти два условия в сочетании с незаурядным умом обязательны, чтобы повелевать племенами. Каковы бы ни были нравственные качества киргиза, у него всегда будут друзья, если он богат.

Батырами называют людей храбрых, справедливых и предприимчивых; во время войны это наездники.

Султаны — родственники хана; они всегда пользуются некоторым влиянием на киргизов. Их называют также *тюря* (господа). Этот титул способствует большему вниманию к ним, чем к простым киргизам; но если у них нет заслуг, они не найдут никакого повиновения у киргизов, главенствовать над коими можно только не жалея себя.

Хан фактически распоряжается жизнью и смертью киргизов. В случае деспотизма хана они взывают к общественному мнению, которое нигде так не сильно, как у кочевого народа. Недовольные перестают признавать несправедливого государя и избирают себе другого. Следовательно, хан обязан придерживаться установленных обычаев и законоположений Корана. Такое поведение укрепляет его власть. На деле же ему нужно иметь при себе преданного муллу, который сумеет объяснить законы в соответствии с интересами хана. А так как Священная книга и ее комментарии поддаются различным толкованиям, то хану необходимо уметь пользоваться ими, чтобы позволять себе такие шаги, на которые он иначе

* Крут — сорт сыра, известного в Персии, Афганистане и даже у башкир.

** Айран — заквашенное и слегка сгущенное овечье или козье молоко.

1
Государственная библиотека СССР

никогда бы не решился. Он также должен окружить себя советниками, большей частью из старых киргизов, очень уважаемых в орде, и постараться пленить их щедростью и лестью.

Впрочем, все эти меры не гарантируют ему постоянства его подданных: он должен также, когда понадобится, проявить деловитость, мужество, отвагу и справедливость.

И все же власть хана покоится на общем признании: если уж он его приобрел, то может править деспотически, однако лишь тогда, когда он действует в интересах народа. Таким образом, это общественное мнение ограничивает его власть: оно необходимо ему, чтобы удержаться на троне. Горе хану, если он вздумает не обращать на него внимания: та же сила, которая наградила его властью, не замедлит и ниспровергнуть его.

Я видел примеры беспощадности киргизов. Некоторые из сопровождавших нас, заподозрив вора в одном нищем, принадлежавшем к их орде, отобрали у него лошадь и одежду, связали ему руки и хотели отрубить голову, на что не имели никакого права. Чтобы привести приговор в исполнение, они должны были испросить разрешения молодого султана, которому их старейшина доверил свою власть. Султан возразил, и вор был отпущен. Однако спастись ему удалось с большим трудом...

Киргизы очень вспыльчивы: порой достаточно самой незначительной причины, вроде обманутого ожидания, чтобы вызвать их на кровавую месть.

Киргизские племена, в течение нескольких лет многократно подвергавшиеся набегам хивинцев, взывали к помощи бухарцев, немало караванов которых было также расхищено этими разбойниками. Киргизы рассчитывали, что бухарское правительство не сможет отказать им в содействии (против притеснений со стороны Хивы. — *Ред.*). Обманувшись в своих надеждах, они пришли в ярость и решили грабить бухарские караваны. Один из киргизских предводителей отрезал хвост у своего коня, привез его в Бухару к первому визирю и сказал: «Так же как этот хвост отделен от моего коня, так я отделяю себя от вас; отныне я становлюсь вашим непримиримым врагом». Он тотчас же вышел с двумя-тремя своими друзьями и увел восемь верблюдов и двух человек. Так началась война, объявленная всей Бухарии одним человеком. Его дикое и жестокое поведение может дать представление о неукротимом характере этих народов.

Достаточно пустяковой причины, чтобы самый порядочный киргиз предался грабежу, распространенному среди на-

селения Большой и Малой орды. Народ Средней орды, которая более полустолетия имеет лучшее управление, уже привык к известному спокойствию, которого до сих пор не испытывали две первые. Подобная жестокость вызвана присущей последним воинственностью, безразличием к трудностям далеких походов и особенно фанатизмом, который главари этих грубых племен умело используют при организации своих наглых набегов. Поэтому легко понять, что после суровых, тяжелых для киргизов зим, они совершают набеги на аулы, чтобы поселиться в местности, привлекающей их мягкостью климата, например в Бухарии, столь знакомой им и столь прекрасной по сравнению с их пустынями. По той же причине могли возобновляться переселения варваров в те страны, где в малом употреблении пушки и где неизвестны регулярные войска.

Я закончу отступление о киргизах одним замечанием: они не называют себя киргизами, а именуют казаками, что означает «всадник» — по мнению одних, «воин» — по мнению других. Они утверждают, что киргизами их называют башкиры, но им неизвестно, откуда взялось это слово. Им называют только кочевников Большой орды. Во главе этой орды нет никаких ханов, и она находится в зависимости от различных султанов...

Ханы обеих других орд стремятся заслужить доверие России, которая играет большую роль в их назначении и принимает от них присягу на верность. Как кочевые орды туркменов платят дань хивинскому и бухарскому ханам, так киргизы являются подданными российского императора, и следует оказать им содействие в защите от хивинцев.

Глава пятая

Переправа через Сырдарью. — Камышовые мосты. — Охота на кабанов. — Развалины. — Причины высыхания Джанидарьи. — Торная дорога. — Кызылкумы. — Разбои

В июне от таяния снегов на вершинах Алатау воды Сырдарьи поднимаются и заливают берега. Достаточно небольшой обработки, чтобы здесь произрастали хлеб, фрукты, ивы и чинары, быть может, также хлопок и тутовые деревья. Во время нашего путешествия река была подо льдом, и мы переходили через нее с большими предосторожностями. Лед был настолько тонок, что треснул под нашими двумя пушками. Верблюд также проломил его ногой, и его вытащили из воды с невероятным трудом. Киргизы жгли связки камыша и рассыпали золу, чтобы верблюды не скользили по льду. В кон-

це концов после больших волнений и усилий мы переправились через Сырдарью, известную в древности под названием Яксарта. Когда мы возвращались в апреле, переправа оказалась труднее и проходила медленнее. Обе лодки, которые мы везли с собой, были использованы под парóм, на котором наш эскорт и артиллерия переправились с одного берега на другой, в то время как лошади проделали это вплавь. Провиант за небольшое вознаграждение был перевезен на трех больших киргизских барках, находившихся на реке для транспортировки караванов. Эти барки, выстроенные из дерева тополя без железных гвоздей, были весьма хрупки; их доставили из Хивы по Аральскому морю.

Этот каботаж между Сырдарьей и Хивой часто осуществляли бедняки киргизы. Иногда барки привозят на Сырдарью из Туркестана, но они обходятся гораздо дороже, чем хивинские.

Верблюды пересекали реку вплавь. Довольно любопытное зрелище произвел на нас десяток этих животных, привязанных один сзади другого. Полуголые киргизы, поразившие нас своим атлетическим сложением, то держались возле верблюдов, то, плывя в стороне, кричали, заставляя их двигаться вперед; они суетились таким образом в течение целого дня. Трое из этих животных потонули, и их выбросило на берег. Киргизы, перерезав им горло, повернули их по направлению к Мекке, произнеся положенную молитву. Затем верблюды были немедленно съедены.

Во время плавания верблюд поворачивается боком, чтобы предоставить воде большую поверхность, и держится при помощи своих горбов, остающихся вровень с водой. Вторичная переправа через Сырдарью задержала нас на два дня.

Направляясь к Бухаре, мы перешли Кувандарью по льду, не испытывая никаких затруднений. Эта быстрая и окаймленная камышом река имеет от 10 до 15 сажен ширины и от 5 до 10 футов глубины. Вода ее очень прозрачна; это — рукав Сырдарьи.

По возвращении из Бухары мы оказались на том месте берега Кувандарьи, где находились остатки камышового моста. Для его восстановления крупные снопы камыша, соединенные вместе, были связаны и положены на два каната, также сплетенных из камыша и привязанных к кольям, вбитым на обоих берегах. Туда же прикрепили толстые веревки, увеличили число фашин[10] и добились того, что получился мост, по которому легко могли пройти верблюды. При этом нам приходилось все время спешить, чтобы быстрое течение не унесло этот плавучий мост.

Иногда вместо камыша употребляют туго стянутые веревками тюки с хлопком, так что вода только чуть-чуть намачивает их.

Местность между Сырдарьей и Джанидарьей покрыта песчаными буграми от 3 до 4 сажен высотой, покоящимися на глинистой почве, которая нередко чередуется с песками.

Проезжая равнину, покрытую в нескольких местах камышом и водой, мы были вынуждены сделать много объездов. Куван, вдоль которой мы двигались в течение четырех дней, катит свои чистые воды среди песков, которые тянутся к Джанидарье примерно на 25 верст от того места, где мы перешли ее, направляясь в Бухару. Эта местность намного ближе к Кувану, чем другие пункты. Возвращаясь, мы обнаружили вблизи ее берегов озера Аралу-кулляр; они расположены вдоль Кувана и кончаются там, где от нее отходит Джанидарья. Одни из них имеют до десяти верст в окружности, другие представляют собой лишь небольшие впадины, заполненные водой; летом они высыхают, и киргизы разводят в этих ложбинах сельскохозяйственные культуры.

Эта область наименее бесплодна из всех тех, которые мне пришлось наблюдать в степи: здесь видны следы обширных полей, которые обрабатывались каракалпаками еще в 1806 году. Эта народность — калмыцкого происхождения, слабая и бедная — не смогла долго противостоять частым набегам киргизов.

После того как каракалпаки в 1740 году напрасно искали помощи у русского правительства, а также у хивинцев и даже у бухарцев, они покинули в 1807 году свои плодородные поля и в надежде на более спокойную судьбу подчинились хивинцам или бухарцам. Разделенные таким образом, они скитаются ныне одни к югу от Аральского моря, другие — к западу от Самарканда севернее Зеравшана [11]. Будучи небогатыми и располагая лишь ничтожным количеством верблюдов, они пользуются двухколесными арбами, запряженными волами или лошадьми.

По обоим берегам Джанидарьи тянутся плоские глинистые равнины, пересеченные песчаными холмами, которые сообщаются с песками Кувандарьи и Кызылкумов. Здесь встречаются саксауловые рощи, где скрывается много видов зверей, например волки, дикие кошки и даже тигры. Многие киргизы рассказывали мне, что были вынуждены уводить свои стада из этого района, ибо они боятся охотиться на диких животных, особенно когда они собираются в стаи. На них охотятся в том случае, если встречаются с животными. Тогда человек 20, вооруженных фитильными ружьями, собираются возле камышей, где прячется тигр или какое-нибудь другое животное, и поджигают стебли с наветренной стороны. Жара и огонь заставляют зверя покинуть свое убежище и подставить себя под пули охотников. На берегах Аралу-кулляр и Кувандарьи, заросших камышами, нам удалось,

применив подобный способ, убить очень много кабанов. Между прочим, однажды мы уложили на месте 18 кабанов менее чем за три часа.

Такая охота представляла собой своеобразное зрелище. Посередине равнины, покрытой горевшими камышами, поднимался густой дым; сквозь огонь виднелась казачья сотня, галопировавшая справа и слева от нас. Всадники натянули поводья и поджали ноги. Лошади выносили нас то вперед, то назад подчас в непосредственной близости от взбешенных зверей, которые то и дело исчезали в болоте, чтобы внезапно появиться снова. Со всех сторон слышались пистолетные и ружейные выстрелы. Кое-где виднелись раненые лошади, которых киргизы покупали для еды. Разъяренные казаки стремились пронзить кабанов пиками. Один яицкий казачий офицер, обиженный тем, что другой упрекнул его в трусости, слез с коня, спокойно уселся на огромного раненого вепря, схватил его за уши и, чтобы покончить с ним, в упор выстрелил из револьвера: пуля пробила животному череп. Вообразите себе эту сцену, и вы будете иметь представление об охоте на кабанов в пустыне.

Трудно передать читателю удовольствие, которое я испытал, очутившись наконец в лесу: свист ветра, раскачивавшего деревья, четкая линия горизонта — вся эта картина, столь не свойственная этим районам, напомнила мне родину и произвела на меня сильное впечатление. Только в пустыне, среди кочевников, понимаешь, какое счастье быть европейцем.

На равнине мы заметили следы древних каналов: вероятно, эта страна некогда была более заселена, чем теперь.

Хивинский хан Абдулгази[12] обычно проводил несколько летних месяцев на берегах Кызылдарьи, славящихся своими прекрасными пастбищами.

В киргизских степях нет ни одной местности, где было бы больше следов древних поселений, чем на берегах Джаныдарьи. Я видел развалины Куль-чуктам: это груды земли, тянущиеся на 150 сажен; самые возвышенные места, возможно, достигают 3 сажен высоты. Легко определить, что жилища здесь были построены из высушенных на солнце кирпичей. Рядом — остатки каналов шириной в 1 сажень, а глубиной всего в 2 фута. Встречается также много черепков из обожженной глины. Эти развалины находятся в 15 верстах от Джаныдарьи. Киргизы ничего не знают об этих развалинах, кроме того, что тут жили ногайцы: так они называют народы, обитавшие до них в данных степях*. Говорят, что такие развалины весьма многочисленны в восточной части киргизской степи; они встречаются также на Тоболе,

* Башкирцы также утверждают, что их предки назывались ногайцами.

Илеке и Эмбе; лучше всего сохранились и наиболее известны развалины Джанкента, который, как предполагают, был резиденцией главы гузов [13]. Джанкент, расположенный примерно в 40 верстах от устья Сырдарьи, между ней и Куваном, был выстроен из жженого кирпича; его руины окружены оросительными каналами и полями, ныне менее обширными, чем когда-то.

Джаныдарья — вероятно, древняя Қызылдарья. Впрочем, возможно, что последняя текла южнее, потому что верстах в 40 к югу от Джаныдарьи мы обнаружили следы русла какой-то большой реки. Джаныдарья, которая немногим более десяти лет назад была очень крупной рекой и в 1816 году превосходила шириной Куван, в настоящее время представляет собой лишь сухое русло более 100 сажен шириной с берегами от 3 до 5 сажен высотой и множеством ям в 2—3 сажени глубиной, из коих только в некоторых содержится вода. Это единственные сохранившиеся признаки Джаныдарьи, более не существующей. Такое почти внезапное высыхание, причина которого неизвестна, удивило многих киргизов.

Однако некоторые видят причину высыхания в том, что на берегах Кувана для облегчения обработки земли была сооружена деревянная плотина поперек Джаныдарьи, в том месте, где она отделяется от этой реки. Другие утверждают, что Джаныдарья была засыпана песками Қызылкумов, и это более правдоподобно. Может быть, исчезновение воды объясняется тенденцией к испарению или просачиванию сквозь песок. Какова бы ни была причина, факт потрясающий — Джаныдарья исчезла. Вода, сохранившаяся в углублениях древнего русла, имеет неприятный запах и очень вредна, тем более что в течение пяти дней перехода через большую пустыню Қызылкумы, лежащую на пути в Бухару, нет ни одного источника. От этой воды у наших солдат болели животы, а один даже умер.

Покинув Джаныдарью 3 декабря, мы оказались на большой дороге в Бухару. Я называю ее «большой» потому, что ширина ее около 3 сажен и проторена она множеством проезжающих. Эта дорога шла сначала через саксауловый лес; там на глинистой равнине, кончающейся в 57 верстах от Джаныдарьи, она делается менее заметной и снова становится проезжей в Қызылкумах, где проходит по долинам, образуемым песчаными буграми. По дороге часто проходят караваны, идущие из Бухары в Орск или Оренбург, а также киргизы, обитающие в западной части степи, ведут своих животных на бухарские базары. Они стараются пересечь Қызылкумы в наиболее узком месте и на обратном пути запастись водой из знаменитых буканских колодцев, расположенных у южных границ пустыни.

Берега Джанидарьи образуют природную границу страны, раскинувшуюся между Оренбургом и Бухарой. Глинистая местность здесь, несмотря на сухость, тем не менее значительно плодороднее: почва лежит на глинистых породах, тогда как в киргизской степи она покрывает песчаник или известковые породы.

Климат здесь также сильно отличается. Земноводные черепахи, редкие к северу от Джанидарьи, весьма обычны в Кызылкумах. Там зимой выпадает мало снега, и он никогда долго не держится. Одним словом, все свидетельствует о жарком климате. Поэтому берега Кувана и Джанидарьи, особенно в районе Аральского моря, также заселены киргизами, платящими дань Хиве.

Но сухость там поразительна: от Джанидарьи до возделанных земель на протяжении 500 верст не встречается ни одной реки, и воду находят только в более или менее обильных колодцах, по большей части лишь солоноватую.

Кызылкумы в том направлении, в каком мы двигались, имели в ширину 100 верст. Длина их весьма значительна: она начинается от Сырдарьи, где пустыня сильно расширяется, до Аральского моря и Амударьи. Пустыня эта бесплодна: нигде нет воды. Утверждают, что когда-то возле дороги, по которой мы следовали, было три колодца, но их засыпали, чтобы ими более не пользовались разбойники, которые прятались среди соседних холмов. Разбойников изгнали из Кызылкумов, но теперь они скрываются в ущельях Буканских гор и иногда нападают на проезжающих и даже убивают их в случае сопротивления.

Буканские колодцы ныне так же опасны, как в былое время Кызылкумы, тем более что участок дороги между Бухарой и Оренбургом ближе всего к Хиве, а хивинцы постоянно находятся во вражде с бухарцами, или киргизами, или даже с теми и другими, как в 1820 году. Поэтому мы выслали патрули в теснины Букана. К счастью, этот опасный переход прошел без происшествий. Но через десять дней после нас караван бухарцев и киргизов был ограблен хивинцами, спрятавшимися у буканских колодцев. Они преследовали караван до Кызылкумов, где столкнулись с отрядом киргизов и вступили с ним в бой. На обратном пути мы нашли на дороге более сотни трупов, которые стали добычей собак и птиц. Разбросанные по песку осколки фаянса и фарфора, доски от ящиков и поломанные котлы свидетельствовали о месте нападения.

Кызылкумы покрыты песчаными буграми высотой в 3, 4, иногда 10 сажен, а на Беш-тепе, или «Пяти холмах», — около 30. Бугры расположены вдоль дороги, по которой мы следовали. С вершины самого высокого из них открывается огромное пространство, похожее на бурное море, внезапно пре-

вращенное в песок. Найти там какой-либо предмет, на котором мог бы остановиться взор, невозможно; повсюду видна лишь однообразная песчаная пустыня. Очень мало кустарников, несколько колючих растений, отсутствие травы осенью, весной же растительность настолько жалка, что быстро высыхает и превращается в пыль.

Здесь живет множество ящериц различных пород, хамелеонов, черепах, крыс, байбаков, тушканчиков, сорок, ястребов, большое число птиц голубоватого цвета, похожих на ворон, но меньших по размеру. Следующей весной мы их не встретили. Таковы живые существа, отважившиеся обитать в этой бесплодной пустыне.

Почвы Кызылкумов — красноватая глинистая порода, выступающая в нескольких местах. Отсюда название пустыни: «кызыл» — «красный», «кум» — «песок». Эта подпочва размельчается и превращается в желтоватый песок, покрывающий ее, но не залегающий глубоко.

Покинув берега Джаныдарьи, попадаешь в обширную необитаемую область, заканчивающуюся в 40 верстах от Бухары и простирающуюся от берегов Сырдарьи против Туркестана и Ташкента до побережья Амударьи. Это пространство отделяет Бухарию от киргизских степей и Кокандское ханство от Хивинского.

На севере Бухарии расположены плодородные земли. Но страх перед хивинцами, народом смелым и жестоким, мешает киргизам строить здесь поселения. Кроме того, Бухария располагает лучшими пастбищами, и ежегодно много киргизских семей, в основном бедных, оставляют родные края и устраиваются в пустынях Бухарии, спокойствие и более мягкий климат которых обещают им более счастливую участь.

По ту сторону Джаныдарьи мы совершали путешествие, как я уже говорил, по часто посещаемой дороге. Почти ежедневно мы встречали киргизские караваны, направлявшиеся из Бухары. Киргизы, продав баранов, везли из города ячмень, крупу, табак, одежды и хлопчатобумажные ткани. Мы с удовольствием болтали с базарчи, то есть с людьми, возвращающимися с рынка, расспрашивали о новостях в Бухаре, интересовались, когда они выехали из столицы. Таким образом нам удавалось высчитать срок окончания столь долгого и тягостного пути, начинавшего нас сильно утомлять.

Мы проходили по Кызылкумам от 42 до 46 верст в день — переходы очень значительные, если учесть, что нам приходилось все время пересекать пески. Тем не менее нам необходимо было спешить, чтобы не остаться без воды.

Наши лошади, находившие в Кызылкумах весьма скудный корм, заметно похудели; башкирские лошади были истощены: они не в состоянии были везти 6 телег, которые оста-

лись у нас из 24, которыми мы располагали при отъезде из Оренбурга. Этих лошадей пришлось заменить казачьими, ранее нагруженными вьюками. Мы до крайности исхудали, особенно пехотинцы. Одним словом, все желали одного: поскорее закончить путешествие. Лед и джаныдарьинскую воду мы держали в кожаных мешках или бочонках, а между тем было очень трудно везти с собой запас воды, которого могло хватить на четыре с половиной дня.

После прибытия в Юз-кудук одна лошадь начала пить с такой жадностью, что упала и поднялась только через несколько часов. Несмотря на многочисленные трудности, ни одна верховая лошадь не пала. Зато мы потеряли много упряжных лошадей, раз даже восемь за день: изнуренные усталостью, они не могли следовать за нами.

Расстояние от Джаныдарьи до Юз-кудука составляет 211 верст. Мы прошли его за пять дней с артиллерией по песчаной пустыне, лишенной травы и воды, с очень большой быстротой, предварительно сделав более тысячи верст. Правда, наших пехотинцев по очереди везли верблюды, но для военного отряда совершить подобный поход в столь краткий срок было весьма трудно.

Глава шестая

Золотой рудник. — Агатма. — Прекрасная страна. — Встреча с жителями. — Русские пленники. — Свидание с куш-беги. — Торжественная встреча в Бухаре

Пройдя через Кызылкумы, мы пересекли на отрезке в 40 верст равнину, покрытую полынью, справа ограниченную Буканскими горами. Сопровождавшие нас бухарцы, опасаясь неожиданного нападения хивинцев, убеждали нас избегать буканских колодцев — места очень опасного. Следовало держаться самого короткого пути и идти прямо к Юз-кудуку. Это помешало мне видеть Буканские горы вблизи; я смог их исследовать только будущей весной, во время нашего обратного пути. Они поднимались, подобно Мугоджарам, приблизительно сажен на 100 над уровнем равнины; очень крутые и каменистые, они сложены из кварца, смешанного с сиенитом и диабазом [14], и образуют многочисленные и очень узкие ущелья. Возле буканских колодцев имеется небольшой ручей, который вытекает из гор и исчезает, пробежав несколько сот сажен по равнине. Лучшая и вместе с тем более короткая дорога — та, которая ведет из Кызылкумов к буканским колодцам вдоль гор того же названия и доходит до Юз-кудука.

После перехода через равнину, о которой я только что говорил, мы оказались в гористом районе, где тянутся Буканские горы, Юз-кудук, Капкан-таш и т. д. и т. д., которые представляют собой разветвления высоких хребтов, расположенных к югу от Коканда и к востоку от Бухары.

Возле буканских колодцев эта горная цепь поворачивает на запад; она продолжается до Амударьи и образует у ее берегов горы Чавасвали и Василькара[15], известные своими золотыми жилами. Они прельстили, говорят, Петра Великого, когда он повелел осуществить экспедицию Бековича[16]. Хивинский хан противился тому, чтобы разрабатывали золото Василькары, боясь вызвать интерес русских. Эти рассказы, возможно, несколько преувеличены; я видел в Оренбурге кусок серного колчедана, найденного в Василькаре, который можно принять за золото.

Горы были сложены из сиенита, диабаза или кварца, смешанного с известняком, и были в основном темно-зеленого цвета. Эти камни расслаивались на пластинки, подобно шиферу. Данные горы более округлой и менее конической формы, чем Мугоджарские; долины и грунт здесь гораздо суше, даже полынь редка в них.

Дорога в нескольких местах очень крута, но широка и удобна. Юз-кудук, или «Сто колодцев», — узкая долина, в которой находятся два колодца примерно в три сажени глубиной. Вода в них превосходна и обильна. Есть еще 30 других, поменьше; большинство из них высохли.

Гористая область начинается в 7 верстах не доходя Юз-кудука. Она простирается на 34 версты до Капкан-таша, где мы снова вышли на равнину, оставив слева невысокие холмы Беш-булак и Букбульдук. Название «Букбульдук» буквально «перепелка», и киргизы образовали его путем звукоподражания, имитируя крик этой птицы.

В Капкан-таше много серных источников, вода которых плохо пахнет и очень соленая. Наши лошади почти не пили ее; но на обратном пути в марте одна лошадь осушила пять ведер этой гнилой воды. Так как было очень жарко и все страдали от жажды, нам стоило большого труда в течение нескольких минут сдерживать солдат, прежде чем позволить им пить эту отвратительную, но очень холодную воду.

В 22 верстах от Капкан-таша начинаются пески Баткаккумы, которые тянутся на 27 верст: они глубоки только на протяжении последних 4 верст. В 26 верстах от этих песков мы снова вступили в гористую область; ее называют «Сусызкара», то есть «черная, безводная». В самом деле, эти горы черного цвета, а поверхность их обнажена. Вода здесь имеется только в двух колодцах, оставшихся приблизительно в 10 верстах слева от нас. Когда наша вода кончилась, ее заменили снегом, который лежал на холмах, где, несмотря

на небольшую высоту, ощущалась заметная разница в температуре. Мы прибыли наконец в Кара-агач, сделав последние 40 верст по ровной местности, окруженной высотами.

В двух верстах от Кара-агача навстречу посольству вышли четыре бухарских таможенника. Они приветствовали нас, произнеся в наш адрес обычную формулу «Хуш амедид!» («Добро пожаловать!»), и уведомили, что хан, их государь, выслал продовольствие для нас в Агатму, в 38 верстах от Кара-агача. Г-н Негри учтиво выразил нашу признательность, и мы снова пустились в путь вместе с таможенниками.

В Кара-агаче мы впервые увидели деревья: сотня старых тутов окружала серный источник, где температура воды была примерно 15°. Эти деревья были посажены каким-то мусульманским святым, который жил и погребен здесь. Вода эта слывет чудотворной, и все сопровождавшие нас мусульмане искупались в ней. Источник вытекает из глинистого холмика. В большом количестве виднелись лоскутки и кусочки материи, развешанные на деревьях в качестве жертвоприношений святому.

Вода этого источника обильно бьет ключом и образует быстро исчезающий ручей, поглощаемый глинистым грунтом, по которому он протекает. Хотя мы совершали переход без отдыха в течение четырех дней, однако продолжали его и на пятый день, чтобы как можно скорее покинуть столь безводную местность и наконец отведать пищу, которую для нас приготовил бухарский хан.

В Агатму мы прибыли 13 декабря, перевалив в Кара-агаче через довольно высокую гору; ее склон очень отлог по направлению к Агатме. Бухарцы говорили, что в этом месте когда-то был город. Соседний холм, покрытый обломками кирпичей, кажется, подтверждает этот рассказ. Агатма находится в воронке, где, как полагают, видны следы озера, которое, вероятно, снабжало водой жителей. Подле озера видны два обильных источника; их сернистые воды менее теплы, чем в Кара-агаче.

В Агатме мы обратили внимание на небольшую глиняную башню, или дом со сводчатой крышей; он служит аванпостом бухарцев. Там они содержат отряд солдат, то ли опасаясь набега хивинцев, то ли поджидая караван из России. Часовой, помещающийся на возвышении, видит местность на большое расстояние.

Перед прибытием в Агатму бухарский *юз-баши* (начальник сотни) в сопровождении 20 всадников явился к г-ну поверенному в делах с сообщением, что хан послал его встретить посольство и предложить любую провизию, какую только пожелают члены посольства. Затем несколько всадников

подъехали к г-ну Негри, взяли его руку на восточный манер и хором повторяли: «Хуш амедид». Этот небольшой отряд вскоре ускакал обратно. Большинство его лошадей были весьма хороши: крупны, легки, полны огня и быстры. В одежду бухарских солдат в качестве формы входили только белые чалмы. На них были халаты, или длинные и широкие одеяния различных цветов. На одних они были из узорного или полосатого шелка, на других — из сукна; одни были одеты в материи из верблюжьей шерсти, а другие — облачены в кольчуги, едва доходившие до пояса.

Мы нашли в Агатме свежий белый хлеб, восхитительный виноград, арбузы и гранаты. Можно судить об удовольствии, которое испытывал каждый из нас, угощаясь хлебом и фруктами, если вспомнить, что в продолжение 70 дней нам пришлось питаться исключительно сухарями, становившимися с каждым днем все черствее. Наши лошади получили сытый корм и джугару. Последняя — род белых зерен, величиной и формой похожих на чечевицу; ее дают лошадям вместо ячменя.

Уже давно мы не встречали травы, даже полыни, и наши лошади чахли. Предоставленный им фураж произрастал на искусственных лугах — иные в Бухарии неизвестны. Наши животные были непривычны к нему, и несколько из них заболели оттого, что поели его слишком много, а может быть, оттого, что их поили более раза в день, чего бухарцы стараются не делать, если кормят лошадей ячменем. Мы потеряли в Бухаре 50 лошадей: без сомнения, этому способствовала скорее перемена корма, чем усталость.

Выйдя из Агатмы, мы пересекли равнину, которая показалась мне незаметно повышающейся вплоть до возделываемых пространств. Равнина эта глиниста; на пути, по которому мы двигались к Одун-кудуку, ее поверхность покрыта песком только в некоторых местах. Значительно больше песка было на дороге, по которой мы следовали обратно, в нескольких верстах к западу от первой.

Возле Одун-кудука мы видели следы древних каналов и развалины дома. Это, вероятно, свидетельствует о том, что некогда культурная часть Бухарии простиралась к северу много дальше, чем теперь, и что Агатма была по эту сторону границы, как в настоящее время Кагатан. В 17 верстах от Одун-кудука мы прошли сотню шагов среди песчаных бугров, между коими заметили остатки стен и глиняных жилищ. Пройдя через эти холмы, мы, к нашему большому удивлению, вступили в совершенно иную область: можно было подумать, что находишься за 1000 верст от однообразных мест, по которым мы только что двигались в течение 70 дней. Этими песчаными буграми заканчивалась пустыня. За нею простираются поля, видны каналы, древесные аллеи; со всех

сторон дома, селения, рощи, фруктовые сады, мечети и минареты. Одним словом, кажется, что тебя перенесли в какую-то волшебную страну.

Если вид этой местности вызывал чувство удивления у европейцев, глаза которых привыкли к лицезрению плодородных полей и заселенных мест, то какое же впечатление должна она производить на киргизов и других обитателей пустыни? Как же не будут они пытаться захватить столь облагодетельствованную природой страну, располагающую летом обширными равнинами для их кочевых передвижений, а зимой — городами и кишлаками для устройства убежищ от непостоянства сурового климата.

Мы находились в стране, едва знакомой европейцам; все здесь вызывало наше любопытство. Представьте себе тот интерес, с каким разглядывали нас жители, одетые в синие одежды и увенчанные белыми чалмами, сбежавшиеся нам навстречу: одни — пешком, другие — верхом, сидя на ослах или лошадях, теснясь вокруг нас и приветствуя нас по-своему. Многие свидетельствовали живейшим образом свою радость, обращая к нам по-русски несколько учтивых слов. Их выражения удивления, их крики, наконец, шумное движение, одушевлявшее всю эту толпу, придавали нашему въезду в Бухару вид народного празднества, веселье которого мы бы разделили, если бы не огорчавшее нас присутствие агентов полиции. Голоса их раздавались среди этого шума, и, вооруженные толстыми палками, они били без разбору направо и налево, заставляя уступить нам место и напоминая, что весь этот беспорядок причинил наш приезд и что старание увидеть столько урусов* влекло за собой опасение получить удар.

Мы испытывали тягостное чувство, заметив среди азиатского населения русских солдат, доведенных до печального состояния рабов. Большей частью это были 60-летние немощные старики; при виде своих соотечественников они не могли удержать слез и, невнятно бормоча несколько слов на родном языке, пытались броситься к нам. Чрезмерная радость оттого, что они снова увидели наших солдат, вызвала у них большое волнение. Эти трогательные душераздирающие сцены не поддаются описанию.

В Хатун-кудуке мы узнали, что куш-беги, один из важнейших чиновников бухарского правительства, ожидает нас в ближайшем селении. Почти в версте от возделанной местности нас встретил пенжа-баши (начальник пяти сотен) с двумя сотнями кавалеристов. Он проводил нас через толпу, и наша пехота с барабанным боем прошла к палатке, где находился куш-беги. Мы слезли с лошадей приблизительно

* Имя, которым большая часть восточных народов называет русских.

саженях в 30, чтобы пройти вперед между рядами пехотинцев, сидевших на земле и вставших, когда проходил поверенный в делах. Несколько разноцветных палаток представилось нашему взору; большое число лошадей, покрытых богатыми попонами и шитыми золотом чепраками, были привязаны к столбикам за шею и задние ноги. Много рабов и чиновников окружали палатки. Одним словом, все, что находилось вокруг нас, умножало торжественность этой первой встречи.

Куш-беги, которого звали Хаким-бек, сидел в палатке с четырьмя бухарскими сановниками. Когда г-н Негри занял приготовленное для него место, куш-беги, обращаясь к прикомандированным к посольству лицам, сказал: «Садитесь, ведь вы иностранцы. Мне доставляет большое удовольствие видеть вас». Г-н Негри, поговорив затем о церемониале, подлежащем соблюдению во время представления хану, совершенно не был согласен с куш-беги. Данная аудиенция началась при благоприятных условиях; прежде чем она окончилась, характер бухарцев разоблачился полностью. Куш-беги имел неосторожность просить г-на Негри подарить хану две наши пушки. Поняв, что не сможет этого добиться, он без зазрения совести стал просить для хана коляску г-на Негри. Впрочем, он не знал, что у нас было несколько верблюдов, нагруженных подарками для бухарского двора.

Куш-беги выглядел лет на пятьдесят; его длинная темно-каштановая борода начинала седеть, он был высокого роста, с приятным и добрым лицом. Объяснялся он по-персидски с большой легкостью. На голове у куш-беги была чалма из белого кашемира, а одет он был в халат из той же материи с крупными букетами и шубу на собольем меху, покрытую полосатым кашемиром.

Наше путешествие прошло так благоприятно, как только этого можно было пожелать. За исключением нескольких туманных дней и нескольких часов, когда шел снег и очень мелкий дождь, погода была в общем настолько хороша, что киргизы говорили, что среди нас, без сомнения, есть святые. Это постоянство ясной погоды значительно облегчило наш поход, предохранив от всех неприятностей, которые могли причинить дождь, снег и мороз.

17 декабря ночью мы проследовали мимо небольшого городка Вабкента, проехав по хорошо возделанной и густонаселенной местности. Мы пересекли столь же прекрасные места 18-го и прибыли в Базарчи, большое селение, расположенное в 2 верстах от Бухары. С момента нашего свидания с куш-беги мы проехали 40 верст и в продолжение этих двух дней были беспрестанно окружены многочисленной толпой: полицейские постоянно разгоняли людей палочными ударами; любопытные не пугались, убегали и снова возвраща-

лись. Наши солдаты маршировали в величайшем порядке и были в полной форме. Звуки барабана вызывали возгласы удивления жителей. Таким образом мы продвигались вперед среди шума и выражений общего веселья, возбужденного нашим прибытием.

Недалеко от Вабкента четыре местных сановника явились приветствовать г-на Негри и вручили ему поздравительное письмо хана. Один из них был его родственником; он не знал персидского языка. Это был единственный из узбекских вельмож, встреченных мною, который не говорил на этом языке. Два других были рабами хана: один — афганец, другой — перс. Последний был одет в материю из верблюжьей шерсти, в то время как прочие облачены в красные или синие шелковые халаты, вытканные золотыми цветами.

В 15 верстах от Бухары появился глава ханских есаулов с 30 всадниками приветствовать г-на Негри. Он сопровождал нас до Базарчи, где мы остановились в загородном доме куш-беги. Комнаты оказались настолько сырыми, что мы предпочли оставаться в кибитках, несмотря на горячее желание покинуть их.

После 36-часовой дискуссии по поводу соблюдения церемониала дело закончилось к общему удовольствию: хан не возражал против того, чтобы г-н Негри сидел в его присутствии.

В полдень 20 декабря мы совершили торжественный въезд в Бухару: перед нами ехал казачий отряд и везли подарки, состоявшие из мехов, фарфора, хрусталя, часов и ружей. Другая часть казаков и часть пехоты замыкала шествие. Один сановник, узбек, весьма представительной наружности, превосходно говоривший по-персидски, опередил посольство, чтобы проводить его во дворец.

Медленно подвигаясь вперед вместе с кортежем, мы проследовали под большим порталом и, пройдя по извилистой, тесной и окаймленной печальными глинобитными зданиями с плоскими крышами улице, прибыли наконец на большую площадь, окруженную мечетями и колледжами, или медресе, где увидели ворота дворца.

Мы поднялись в сводчатый, сложенный из кирпичей коридор; с каждой стороны стояла шеренга солдат — приблизительно человек 400, вооруженных разнообразными ружьями. Затем мы вступили в маленький двор, далее прошли по переходу, где находился десяток пушек, и вошли в квадратный двор, окруженный стенами, вдоль которых сидели 300—400 бухарцев в белых чалмах и халатах из золотой парчи. Затем, повернув направо, мы прошли в переднюю и, наконец, в приемный зал, где на подушках, покрытых ковром из красного сукна, богато расшитым золотом, сидел хан[17]. На помосте был расстелен персидский ковер довольно посред-

ственного качества; стены были оштукатурены гипсом, а потолок покрыт раскрашенными досками.

Длина зала была в два раза больше его ширины. Хан занимал место у стены против входной двери; слева от него находились двое его сыновей, старшему из которых можно было дать лет 15, а справа — куш-беги. По обеим сторонам двери — пять сановников. Два камергера символически поддерживали г-на Негри. Приблизившись к хану на десять шагов и произнеся речь на персидском языке, он вручил куш-беги верительную грамоту и сел на отведенное ему место. Особы, состоявшие при посольстве, остались стоять у стены по обеим сторонам двери. Куш-беги немедленно представил письмо императора хану, и тот прочитал его вслух. Затем он попросил г-на Негри ввести в переднюю несколько наших солдат без оружия; увидя их, хан принялся хохотать как ребенок: в выражении его лица было нечто не совсем умное. Хану было 45 лет, у него красивая борода, черные глаза и оливковый цвет лица; он казался истощенным гаремными удовольствиями. На нем был черный бархатный халат, украшенный драгоценными камнями, и муслиновая чалма, увенчанная султаном из перьев цапли; золотая петлица пересекала по диагонали чалму, похожую на калеви, церемониальный головной убор великого визиря, капудан-паши и кизляр-агаси Оттоманской империи. У куш-беги и трех других вельмож на голове вместо чалмы были шапки из собольего меха в форме цилиндра. Церемониймейстер держал в руке что-то похожее на алебарду, заканчивавшуюся наверху серебряным топориком. Подарки были унесены в другую комнату в присутствии хана. Аудиенция продолжалась около 20 минут. Затем мы вышли из дворца и вновь присоединились к нашему конвою, который вернулся в Базарчи, где находился на бивуаке в саду в продолжение всей зимы. Г-н Негри и состоявшие при посольстве лица разместились в Бухаре в большом доме, принадлежащем куш-беги.

Мы оставались в городе с 20 декабря 1820 года до 10 марта 1821 года. Так как погода была отличной, то мы возвратились в Базарчи. Бивуак в садах этого местечка казался нам приятнее, чем пребывание в унылых бухарских домах[18].

Мы вышли из Базарчи 22 марта; 25-го покинули пределы Бухары, довольные тем, что познакомились с этой страной, но еще более довольные тем, что покинули ее.

Книга вторая

Заметки о ханствах, соседних с Бухарией

Глава первая

Преобладающая раса Средней Азии

Азиатские народы, которых мы в России называем татарами, имеют несколько приплюснутый нос, выдающиеся скулы, подбородок с редкой растительностью и узкие, часто слегка роскосые глаза. Чингисхан во главе монголов покорил татар, которые были включены в войска как его самого, так и его преемников. Ввиду того что татары были в них весьма многочисленны, победители восприняли тюркский язык. От этого смешения татар с расами, сходными с монголами*, произошли, я полагаю, все те народности, которые следует рассматривать как единую монголо-татарскую расу. Им должно быть присвоено это имя, которое вполне им соответствует. Они-то и являются преобладающим населением Туркестана.

В самом деле, какая разница между лицом киргиза, узбека, туркмена, хезарейца, аймака и лицом османского турка, казанского или крымского татарина!

Некоторые современные географы утверждают без достаточных, по-моему, оснований, что лица киргизов очень схожи с татарскими, напоминающими европейские. Но едва ли допустимо сравнивать киргизов и прочих монголо-татар с

* Автор считает своим долгом придерживаться в этом вопросе мнения лиц, которые принимают татар и монголов за два разных народа. Это мнение опровергнуто г-ном Клапротом, который в своих ученых «Записках об Азии» (стр. 461 и 473) достаточно ясно доказал, согласно свидетельству китайских и маньчжурских писателей, так же как и Абулгази, что оба эти обозначения — синонимы и что оба народа идентичны. То, что утверждает г. Мейендорф по поводу татар, должно относиться, по нашему мнению, исключительно к племенам тюркской расы, смешанной с монгольской и покоренной Туши-ханом [1], сыном Чингисхана, и обитающей в обширных странах, известных под названием Дешти-кипчака и Туркестана.— *Прим. г-на А. Жобера.*

калмыками, потому что у последних нет ни дородности, ни ярко выраженных черт лица, свойственных первым.

Бегство калмыков-торгоутов из приволжских степей в 1770 году через киргизские степи, где часть их была вынуждена остановиться, без сомнения, содействовало умножению числа калмыцких лиц, встречающихся нынче у киргизов.

Когда я однажды спросил одного киргиза, имевшего абсолютно монгольскую внешность, не калмак ли он (так киргизы называют калмыков), то все его соотечественники, присутствовавшие при этом, принялись хохотать. Я осведомился, что́ забавного нашли они в моем вопросе, и узнал, что калмыки-торгоуты были обращены в рабство киргизами, и последние считают позорным происходить от этого народа. Тогда я понял, что вызвало их смех по адресу этого киргиза, которого я невольно обидел.

Размеры, приписываемые обычно Татарии в этнографическом смысле, мне кажутся не совсем точными, так как в это понятие входит только область, населенная сибирскими, казанскими, астраханскими и крымскими татарами, а также страна, простирающаяся от гор Белур [2] до Каспийского моря. Но к этой же расе должны быть причислены также османские турки. В Джунгарии, в Малой Кульдже 500 населенных пунктов принадлежат дунганским татарам, являющимся такими же татарами; они занимают тысячи населенных мест в Большой Кульдже и говорят по-татарски и по-монгольски.

Татары, живущие и преобладающие в стране, которую мы неправильно называем Малой Бухарией (имя не известное никому из азиатов; в дальнейшем я заменю его названием «Китайский Туркестан»), хотя и покоренные калмыками, не были окончательно истреблены. Скорее это произошло с джунгарскими калмыками, которые были уничтожены в Китайском Туркестане маньчжурами в 1759 году. Татарский язык до сих пор преобладает в Кашгаре, Яркенде, Хотане и Аксу — странах, принадлежащих Татарии в этнографическом смысле.

Я не разделяю мнения тех, кто утверждает, что география должна считать Татарию страной, которая простирается на восток до гор Белур и на юго-восток до Гиндукуша, хребта, отделяющего Татарию от Афганистана. Действительно, хотя татарская раса не распространяется так далеко к югу, тем не менее в наименование «Татария» в географическом смысле будут включаться страны совершенно не татарские, в то время как в нее не войдет Китайский Туркестан, область фактически татарская. Если в географии принято давать стране имя народа, то следует по крайней мере, чтобы она была заселена этим народом, иначе это обозначение окажется неопределенным и приведет к недоразумениям.

Итак, мне кажется, что было бы лучше заменить название «Татария» именем «Средняя Азия», каковое я нахожу более точным и более правильным с географической точки зрения.

Глава вторая

Средняя Азия. — Деление. — Общий вид. — Горы. — Реки. — Аральское море. — Болота. — Климат

Я называю Средней Азией область, расположенную между Иртышом, Алтаем, Тарбагатаем, Музартом, или Мус-тагом, Белуром, Гиндукушем, горами Гаур[3], лежащими к северу от Персии, восточным берегом Каспийского моря, Уралом и северными границами киргизской степи.

Наименование «независимая Татария», обозначающее независимые татарские государства, относится к области политической географии. Впрочем, чтобы быть последовательным, я должен говорить о независимой Монголо-Татарии.

Обширное плато, населенное монголами, можно назвать «Монголией», дабы избежать какой бы то ни было неточности. Я допускаю также обозначения Большой и Малый Тибет, Китайский Туркестан и Джунгария, или Илийская провинция, как ее именуют китайцы.

Ту часть Азии, которую я проехал или на которую распространились мои исследования, можно разделить так: к северу — страна киргизов, к западу — Хивинское ханство, где живут каракалпаки, аральцы и туркмены, к востоку — Кокандское ханство — Фергана, как называют ее арабские географы, — включающее также города Ташкент и Туркестан, к югу — Бухария, туркменские пустыни, ханства Меймене, Андхой, Балх, Хульм, Бадахшан, Куляб, Хиссар, Шерсабес, или Шахрисябз, и страна, населенная гальчами, или восточными персами[4], элеутами и хезарейцами, кочевниками шиитами, шигани и дервазе, кочевниками-язычниками[5].

Уровень киргизской степи очень низок: по нашим наблюдениям, барометр во время постоянно ясной погоды поднимался там только на 27 дюймов и от 7 до 9 линий[6]. Температура воздуха была приблизительно от 8 до 10°.

На севере степи до 52-й параллели встречаются сосновые и березовые леса, превосходная трава и почва, годная для обработки. Чем дальше на юг, тем грунт становится суше. Только в некоторых местах Улу-тага, горной цепи, состоящей из лишенных растительности долин, гранитных скал и свинцовых рудников, совсем мало сосен.

На западе степи, т. е. на пути из Оренбурга в Бухару, трава не встречается вплоть до Мугоджарских гор. За Орском она попадается лишь на расстоянии 250 верст от Урала. Далее, на всем этом пространстве, не видно ни единого кустика, так что караваны, идущие из Орска, должны запастись дровами для приготовления пищи. Коровьим пометом можно пользоваться только в сухое время.

Большая часть поверхности киргизской степи представляет собой глинистые равнины, слегка волнистые и покрытые полынью, колючими кустарниками и дальше на юг саксаулом. В этой печальной стране много песчаных областей, из коих самая обширная, Каракумы, ограничена с юга Сырдарьей и Бетпак-Дала — областью, которая тянется к северу и северо-западу от Туркестана. Ввиду того что я уже описывал эти пустыни, считаю ненужным рисовать картину еще раз.

Мы видели, что в этих пустынных местах существуют возделываемые участки вдоль Сырдарьи и между Куваном и Джаныдарьей. Они находятся также вокруг всех городов, например Туркестана, Ташкента и др. Наконец, огромную площадь между Сыр- и Амударьей занимают пески Кызылкумы. Они ограничены с севера и юга глинистыми пространствами, менее смешанными с песчаными частицами, чем киргизская степь, но зато более сухими, а следовательно, более бесплодными.

Между Каспийским и Аральским морями местность в основном песчаная. Там имеются колодцы глубиной, как говорят, от шести до девяти сажен. Вдоль Аральского моря простирается цепь скалистых гор под названием «Карагумбет». От берегов залива Барсук, или Кул-Маджар, к наиболее близким берегам Каспия тянутся земли, покрытые раковинами, указывающими, по-видимому, на древнее соединение этих морей.

Возделанные площади возле городов и рек в этой части Азии — это только маленькие оазисы, обязанные своим плодородием оросительным каналам. Большая же часть области — пустыня, где обитает лишь несколько кочевых племен.

Кое-где горные цепи прерывают огромные равнины Средней Азии.

В середине киргизской степи над всеми горами господствует группа Улу-таг. Она заканчивает цепь Аргамак, направляющуюся с востока на запад.

Два отрога Уральских гор выдвигаются в степь: один проходит возле Губерлинска (о нем мы уже говорили), другой — у Акто-карагая, к северу от Верхнеуральска. Последний сохраняет свое название до истоков Тузака, где понижается, приняв наименование «Даджабук-карагай», после чего поднимается на большую высоту. Возле истоков Сунду-

ка он понижается еще раз и уже под названием «Караадыртаг» направляется к отрогу Мугоджарских гор.

Горы Караадыртаг тянутся к востоку до Тупалагтага, кончающегося высотами Теке-турмаз и Кутуртаг, подле Сары-тургая. Примечательно, что к западу от Акто-карагая, Джабаз-карагая и гор Караадыр нет ни одного соленого озера, в то время как они находятся тут же к востоку от этой цепи.

К югу от Кызылкумов Буканские горы простираются к западу до Амударьи в районе Хивы. Там они образуют горную цепь, хорошо известную под названием Василькара, и, суживая Амударью, быть может, дают начало Джаны-ширу, или «Душе льва». Это наименование встречается в турецкой географии Хаджи Хальфы, но в Бухарии в настоящее время неизвестно.

На востоке Буканские горы соединяются с Кукертли; вполне возможно, что вместе со всей горной страной Букбульдук, Сусыз-кара, Кульчуком, или Куль-чуктамом, и Арслантагом они являются отрогом, отделяющимся от снеговых гор, расположенных к северо-востоку от Самарканда, вероятно, между этим городом и Джизаком. Южная часть этого отрога, разветвляясь, направляется с востока на запад и заканчивается очень высокой горой Нуратаг. Находясь примерно за 100 верст от этой горы, мы заметили в декабре месяце, что ее вершина была покрыта снегом, тогда как в долине его не было. Мы увидим далее, что местоположение Нуратага способствует плодородию земель, лежащих между его склонами и Бухарой.

Самая возвышенная часть этого плато — юго-восточная. Там между Коканд ом, Хиссаром и Дарвазом вздымаются горы, покрытые вечным снегом, названия которых не знал ни один бухарец. Самые высокие из этих цепей находятся к северу от Дарваза; те, что лежат к югу от Коканда, несколько ниже; они сначала тянутся вдоль дороги, ведущей в Кашгар, затем перерезают ее на перевале Терек, почти всегда покрытом снегом, и уходят влево от этой дороги. Г-н Назаров называет эти горы «Кашкар-Диван»[7]. В 1814 году, побывав в Коканде и Маргилане, он написал отчет о своем путешествии. Посредством Терека они соединяются с Алатагом («Пестрыми горами»), откуда берет начало Сырдарья. Алатаг простирается от Туркестана, Ташкента и Коканда к границам Джунгарии.

Горы заселены киргизами Большой орды, называемыми «дикими, или черными». Эти горы именуются «пестрыми», потому что некоторые из их вершин покрыты вечным снегом, на других снега никогда не бывает, в результате получается смешение белого и черного, что напоминает масть лошадей «в яблоках»; люди, живущие в постоянной близости к ло-

шадям, естественно, дали это название горам подобной окраски.

К северу от города Рометан, расположенного на востоке Бухарии, находится очень высокая гора, соединяющаяся цепью, идущей к северу от Ягнау. С этой горной системой сливаются бухарские горы, разделяющиеся на несколько отрогов, которые я попытался показать на карте. Между Самаркандом и Шерсабесом, или Шахрисябзом, находится перевал через высокие горы, которые далее сглаживаются и раздвигаются, не доходя до Карши. По дороге от Гузара через Денау в Хиссар, севернее, остается горная страна, понижающаяся к Амударье между Карши и Денау. Я ничего не могу сказать о горах, лежащих к югу от Амударьи, но далее опишу путь, которым следуют караваны, идущие из Балха в Кабул. Знакомство с ним может пролить некоторый свет на топографию этих стран.

Две большие реки, Аму и Сыр, орошают области, о которых мы говорили. Аму принимает свое имя только после слияния Сурхаба, или Вахша, с Бадахшаном[8]. Амударья начинается на юго-востоке, Сыр — на северо-востоке. Аму принимает в себя затем Кафирниган, Тупаланг, Гулум и другие реки и величественно катит свои воды в русле шириной от 200 до 300 сажен. В конце она разделяется на два рукава и впадает в Аральское море, пройдя примерно 1400 верст от слияния Сурхаба с Бадахшаном. Я не допускаю, чтобы река Мургаб могла доходить до Аму, так как песчаные пустыни, по которым она течет, вероятно, поглощают ее. Известно, что самаркандская река, которую здесь называют «Куван», а в районе Бухары — «Зеравшан», теряется в озере Каракуль, не имеющем видимого сообщения с Амударьей, от которой она удалена на 30 верст.

Много споров было о древнем русле Оксуса[9]. Некоторые географы полагали, что путешественники XVI и XVII столетий сами не видели русла, а руководствовались сведениями, почерпнутыми из «Географии» Птолемея. Следовательно, эти географы, по-видимому, не допускали мысли о том, что Оксус когда-либо впадал в Каспийское море, хотя Дженкинсон[10], Брюс, Ханвей и Бекович — все упоминают об одном рукаве этой реки, по которому в море вливалась по крайней мере часть ее вод. Тем не менее кажется, что должна быть некоторая доля вероятности в утверждении этих путешественников, особенно после того, как русский полковник Муравьев, совершив в 1820 году путешествие из Балханского залива в Хиву, видел те же следы, о которых сообщают упомянутые путешественники[11]. Г-н Муравьев полагает, что Аму приблизительно в 160 верстах к северу от Хивы поворачивала на запад перед впадением в Балханский залив, разделяясь на два рукава. Впрочем, в том, что между Каспий-

ским морем и Хивой в нескольких местах видно сухое русло, где растут кустарники, сообщает не один г-н Муравьев: некий казачий майор, человек образованный, уроженец Хивы, считает, что Амударье можно вернуть ее древнее течение, и это, по его предположению, известно всем. Утверждают, что Амударья была повернута хивинцами во время походов казака Степана Разина в 1670 году [12]. Однако Дженкинсон писал в 1559 году: «Надо отметить, что в прошлые времена великая река Оксус впадала в этот залив Каспийского моря... теперь она не доходит так далеко... но впадает в Аральское море... Вода, которой пользуется вся эта страна, берется из каналов, проведенных из реки Оксус, к великому истощению этой реки; вот почему она не впадает больше в Каспийское море...» [13]. Наиболее распространенное среди жителей Хивы мнение по этому поводу заключается в том, что течение Амударьи изменилось под влиянием землетрясения, которое произошло более 500 лет назад. Это утверждение не представляет собою ничего невероятного, так как Бухара и Хива действительно подвержены сотрясению земной коры. Весьма возможно также, что река Оксус, некогда разделяясь на севере Хивы на два рукава, имела одно устье в Каспийском море, другое — в Аральском. Это предположение примирит различные мнения географов.

Ширина верхней Амударьи, или Сурхаба, возле Дарваза — 40 сажен; она необычайно быстра вплоть до слияния с Каратегином [14], несет в своих водах частицы золота, окаймлена пропастями и с грохотом падает со скалы на скалу.

Оставим на долю г-на Эльфинстона определение истоков Амударьи, мне же по этому поводу не известно ничего заслуживающего внимания.

Сырдарья, длина которой приблизительно 1200 верст, становится внушительной только после слияния с Акбурой, протекающей подле Тадж-, или Тахти-Сулейман, горы, называющейся также Ош [15]. В этом месте она выходит на пространство более широкой долины и течение ее становится быстрее. Ее истоки скрыты в высоких горах Белура, или Алатага. Ни разу путешественники, ходившие из Коканда в Кашгар, не могли сообщить мне ни малейших сведений по этому вопросу. Много потоков, ручьев, рек впадают в Сырдарью между Кокандом и Ходжентом, где она шире, чем в устье у Аральского моря, потому что Куван и пески, по которым она течет, отнимают у нее значительное количество воды. Примерно в 350 верстах от Аральского моря Сырдарья образует Куван, как об этом уже говорилось. В Бешузаке Куван разделяется на пять рукавов, которые соединяются и чуть дальше образуют множество различных размеров озер, называемых Аралу-кулляр. Окружающая местность плодородна

и хорошо обработана. Невдалеке от устья Сырдарья соединяется с Куваном маленьким ручьем, а немного выше — другим, текущим только во время половодья; первый из них, без сомнения, способствует облегчению земледельческих работ.

Прибрежные жители Аму и Сыра утверждают, что эти реки во многих местах проходимы вброд. Однако я не встречал никого, кто меня заверил бы, что действительно переправлялся через них таким образом. Чтобы переправиться с одного берега на другой, на этих реках прибегают к самым различным способам. Я переплывал через Сыр на весельной лодке. Назаров пересек ее возле Коканда на барке, которую вплавь тащили две лошади. Существует еще один, довольно своеобразный способ: путешественник надувает два козьих меха, с помощью которых он держится на воде; на них он складывает свою одежду. Мехи привязываются к хвосту лошади, которая переправляется через реку вплавь. В Бухаре мне рассказывали, что таким образом переправляются даже через Амударью. Меня уверяли, что не умеющие плавать ложатся на один из мехов и, отталкиваясь рукой, переправляются без всякой опасности. Что касается киргизов, то они, будучи прекрасными пловцами, правой рукой хватаются за гриву коня, а левой гребут, переплывая таким образом Сырдарью.

Иргиз и Тургай, слияние которых я видел в Тонгуз-хане, в некоторых местах почти высохли. Они образуют озера Аксакал, которые тянутся к северо-востоку; самое западное из них, удаленное примерно верст на 130 от Аральского моря, вероятно, не имеет подземного сообщения с морем, так как отделено от него цепью глинистых холмов, лежащих посреди песчаных пустынь. Названия «Тараз» и «Талаз» ныне неизвестны.

Аральское море, называемое на востоке Ургенджским или Ургенчским морем, на востоке и северо-западе окружено песчаными буграми и глинистыми равнинами, на северо-востоке — холмами, возвышающимися на 20—30 сажен над его уровнем; на северо-западе находятся залив и озера Кульмагур. Поблизости находятся остатки древнего укрепления, колодец с пресной водой и следы морского ложа, которые с этой стороны видны далеко. На западе Аральское море окружено цепью гор Карагумбет, склоны которых круто спускаются к морю и отлого — в противоположную сторону, где зарождаются ручьи. Верстах в 5, 10 и 15 от Аральского моря вдоль этих гор русские войска смогли бы иметь легчайший доступ к Хиве. Путь проходит вблизи Аксуата[16] и Ходжабека, озер, отстоящих одно от другого на 40 верст; последнее находится в 100 верстах от Хивы. Только начиная от этого озера аральскую воду можно пить. Здесь заметно изменение ее цвета: она становится беловатой вследствие смеше-

ния с водами Амударьи. Южная часть Аральского моря наполнена островами, на которых обитают аральцы, народ, питающийся рыбой и довольно способный к искусству судовождения. Они пользуются парусами; киргизы, напротив, путешествуют вдоль берегов на весельных лодках. Меня уверяли, что они не употребляют парусов, отличаясь в этом отношении от киргизов, обитающих в районе устья Эмбы, которые с недавнего времени совершают плавания. Рыболовством на Аральском море занимаются только аральцы; киргизы довольствуются рыбной ловлей в Сырдарье. В Аральском море водятся, вероятно, те же виды рыб, что и в Каспийском. В Бухаре мы видели маленького осетра 3—4 футов длиной, пойманного в Арале. Я предполагаю, что западная часть моря глубже, потому что там его берега гористы.

В степи, как правило, болота не встречаются. Сырдарья верстах в 50 от устья, разливаясь, образует озера; некоторые из них высыхают от палящего солнца, и в 10 верстах от обоих берегов реки находятся покрытые камышом равнины. Углубления, в которых задерживается вода, напоминают болота. Кроме того, воды повсюду просачиваются в песок и поэтому никогда не превращаются в стоячие. Тем не менее в степи попадаются отдельные вязкие влажные глинистые пространства, пропитанные солью, хотя и здесь совсем не видно воды.

Климат киргизской степи очень здоровый. Почти все чужеземцы, живущие здесь некоторое время, полнеют. Воздух исключительно чист, и, вдыхая его, я часто испытывал невыразимое наслаждение. Киргизы почти никогда не страдают болезнями груди и в своей стране не знают, что такое оспа, хотя легко заболевают ею в России и Бухарии. Они страшатся ее, и с полным основанием, потому что заражаются обычно по прошествии детского возраста, когда опасность бывает наибольшей.

Сильно заблуждаются те, кто думает, что в киргизской степи прохладное лето и умеренный климат: жара здесь удушливая, а глинистые равнины и песчаные, выжженные солнцем, лишенные тени пустыни долго сохраняют сильный зной.

С первых дней мая я очень мучился от жары; в течение знойного периода двигаешься лишь поневоле, животные прячутся, вся природа погружается в полный покой, всюду царит угрюмое безмолвие. Приятная и благодетельная роса совершенно не освежает ночей, не оживляет растений. В конце апреля в Каракумах трава уже желтеет.

В июне месяце 1821 года я видел в Оренбурге термометр, показывавший 49° по Реомюру на солнце и 27° в 10 часов вечера, тогда как зимой он опускается нередко до 30° ниже нуля. Летом киргизы ходят почти голые, особенно во время

работы: они свертывают до пояса свои халаты, служащие им рубашкой, и подставляют свои спины солнечным лучам.

За жгучим летом следует суровая зима; такова она, впрочем, только до Мугоджарских гор и песков Каракумов[17].

Глава третья

Хивинское ханство. — Маршрут Сарайчик — Хива. — Кокандское ханство. — Дикие киргизы.— Горы Алатаг

Я не буду много останавливаться на описании Хивинского ханства. Г-н Муравьев, посетивший эту страну в 1820 году, опубликовал подробное сообщение о своем путешествии. Дочь бухарского хана, современника Надир-шаха Абулфайза, вышла замуж за хивинского хана по имени Каип, родом киргиза. Один из его потомков — нынешний хан Мухаммед Рахим[18]. Столь же счастливый, сколь и предприимчивый, он подчинил многие туркменские орды, обитавшие на юго-востоке и западе. Его власть распространяется от берегов Каспийского моря до границ Бухарии. К югу от Хезариста, или Хазараспа, самого южного города Хивинского ханства, а также к западу приблизительно до 40-й параллели обретаются неподвластные Хиве и враждебные ей туркменские племена, живущие вдоль северных границ Хорасана и Дахистана. Туркмены вновь отстроили город Серахс, расположенный приблизительно в 200 верстах на юго-запад от Мерва.

Захватив Мерв, нынешний хивинский хан овладел Серахсом, но, не имея возможности оборонять этот город, поручил его охрану своим туркменам, чтобы защитить государство от нападений персов. Туркменские племена были изгнаны из Мангышлака киргизами, распространившимися ныне с этой стороны до 44° северной широты.

Туркмены, обитающие на восточных берегах Каспийского моря, поддерживают связь с Россией, получая оттуда муку. Почти все они заклятые враги персов. В 1813 году туркмены послали депутацию к генералу Ртищеву[19] с просьбой не заключать сепаратного мира с персами, надеясь вскоре одержать успешную победу над общим врагом. Хивинскому хану несколько лет назад удалось вырвать туркменские орды из-под власти бухарского хана, и теперь те нападают на своих старых друзей — бухарцев, чтобы доказать свою преданность новому государю.

Жадный Мухаммед Рахим, по-видимому, благосклонно относится к грабежам русских и бухарских караванов. Хи-

винцы совершают походы даже в самую Бухарию, хотя у них нет сил бороться против этой страны, имеющей в шесть раз больше населения, чем их ханство. В 1808 году бухарский хан захватил Хиву, но немного времени спустя вернул ее тому же хану, которого только что покорил. Веледи-Нассар[20] был убит и оставил трон своему брату Мухаммеду Рахиму, который не замедлил возобновить свои разбойничьи набеги на Бухарию; он еще продолжает их и воздает таким образом злом за добро, которое было оказано его брату. Он также частенько нападает на киргизов, живущих вдоль Сырдарьи, и захватывает много пленных, принуждая их оседать в его владениях и заниматься земледелием. Мухаммед Рахим проводит новые ирригационные каналы и недавно приказал удлинить один из них на расстояние 120 верст от Амударьи, из которой он выведен.

Из всех городов Хивинского ханства самый оживленный в торговом отношении — Новый Ургенч: в нем обычно встречаются караваны, хотя город и не располагает караван-сараями для хранения товаров.

Жители Хивы — узбеки, покорители и хозяева страны, кочевые и полукочевые туркмены, каракалпаки, аральцы, небольшое число евреев, наконец, таджики, или сарты, о которых мы расскажем при описании обитателей Бухарии.

Хотя жители этих двух стран относятся к одной и той же расе и исповедуют одну и ту же веру, хивинские медресе (школы) никогда не могли сравниться по своей известности с бухарскими. Хивинцы отличаются также бо́льшим варварством, чем обитатели Бухарии, о чем свидетельствуют менее тщательная обработка земли, более бедные селения, более ограниченная торговля и меньшие богатства.

Климат в Хиве несколько холоднее, чем в Бухарии. Природные условия сходны, обе страны изготовляют одинаковую продукцию, и все же Хива производит ее в значительно меньшем количестве. Особенно слабо развито в Хиве производство шелка, поэтому из страны не вывозят ни сырца, ни тканей. Хлеб там обычно дороже, чем в Бухаре. Мы еще будем говорить о торговле Хивы с Россией. А сейчас перейдем к описанию маршрута Сарайчик — Хива.

	Дни
От Сарайчика до колодцев Белаули (в них много воды)	4
Попадается несколько колодцев до Эмбы или Джема	3
До сернистых источников Юч-каната	2
До многоводных колодцев Мансульмас	3
Здесь начинаются песчаные холмы, которые можно пройти лишь за девять дней; три из них кладут на пересечение глубочайших песков; два или три дня полностью уходят на поиски воды; когда холмы кон-	

чаются, то доходят до колодца Айбугир 9
Подле этого колодца течет река, вытекающая из Аму и образующая озеро в песках. Воды нет до Старого Ургенча 3

Этот маршрут, который составляет 24 дня, значительно тяжелее, чем путь вдоль Аральского моря, хотя последний намного длиннее. От Хивы до Бухары 350 верст. Через Амударью переправляются против Нового Ургенча, или в Ханка, на 25 верст выше по реке, или в Хазараспе, в 50 верстах ниже Ханка. На юг от Хазараспа и вдоль Амударьи поля занимают пространство в 20 верст.

Из Хивы в Бухару чаще всего переправляются через Амударью в Кукертли, что по-тюркски означает «серный»; правый берег Амударьи там очень крут. Через 80 верст, возле Чарджуя, Амударью можно перейти в нескольких местах.

Затем, выйдя из Хивы и передвигаясь вдоль левого берега Амударьи, в течение одного дня можно пересечь поля, расположенные лишь на расстоянии 5 верст от реки. Пески начинаются лишь в Кукертли. Переправившись через Амударью и направляясь к Чучаку (по-татарски «треножник»), названному так по подходящим там близко к берегу трем холмам, пересекают пустыню. Из-за нагроможденных буграми подвижных песков часто приходится переносить ужасные бури. Это — кратчайшая дорога.

В Кукертли следует запастись водой, чтобы добраться до возделанных земель Бухарии. С этой стороны они начинаются в 40 верстах от Бухары, около Чаркуша. За день пути до этого селения встречается вода, пригодная только для лошадей. Значительно меньше песка вдоль по течению Амударьи до места, расположенного в 80 верстах от Чарджуя. Лучшая дорога та, которая ведет прямо к этому городу и оттуда в Бухару через Каракуль, но при этом надо делать объезд в 150 верст.

Кокандское ханство лежит к востоку и северо-востоку от Бухарии. Эта страна значительно расширилась со времени присоединения Ташкента в 1805 году и Туркестана и соседних городов в 1815-м. Границами ее на западе служат пустыни или Сырдарья, на юге — Кашкар-Диван, на востоке — Алатаг, на севере — Казакли-Джулак и Сузак. На юге пограничными городами являются Ош, Тахти-Сулейман. Через Ак-Мечеть[21], расположенный на Сырдарье, проходят все караваны, идущие из Бухары в Петропавловск. Свое название городок получил в связи с находившейся там древней мечетью, от которой остались одни развалины. Меня уверяли, что в этом районе обычно кочует род исун[22], принадлежащий к Большой орде.

В 100 верстах к востоку от Ак-Мечети находится Казакли-

Джулак, небольшой городок на Сырдарье[23]. Издалека виднеются северные оконечности Алатага, которые, удаляясь от Сырдарьи, теряются в степи и начиная от окрестностей города Туркестан называются Каратаг.

Сузак — маленькая крепость в горах. К югу от нее — город Туркестан, который до 1798 года находился в зависимости от киргизских султанов. Последний из них, Тогай, низложенный ташкентским ханом Юнусом-ходжой, убежал в Бухарию.

В Туркестане есть крепость, окруженная рвом шириной в две с половиной сажени, который может быть наполнен водой при приближении неприятеля. Протекающий в пяти верстах оттуда Карачик орошает поля. В городе 22 колодца и около 1000 глинобитных домов, обнаруживающих признаки ветхости.

Из всех святых, погребенных в Туркестане, Кара-Ахмед-ходжа[24] наиболее почитаем; перед мечетью, носящей его имя, находится огромный котел, имеющий в ширину по меньшей мере две сажени. Он покоится на чугунной подставке и используется для приготовления пищи, которую состоятельные люди в определенные дни раздают беднякам.

Население Туркестана состоит из киргизов и небольшого числа узбеков.

Ташкент, в котором минимум 3000 домов, окружен глиняной стеной, пришедшей в упадок, так же как и дома; последние построены гораздо хуже, чем в Бухаре. В Ташкенте десять медресе: три из них выстроены по образцу бухарских. Каналы, выведенные из Чирчика, протекающего в 20 верстах к югу от города, доставляют сюда воду и орошают поля.

Ташкентский район производит хлопок и шелк, в то время как в туркестанском их добывается очень мало.

Артиллерия ташкентского бека состоит из пушек, навьюченных на верблюдов, как в Персии. Вокруг этого города расположены селения Джетыкент, Сайрам, Карабура, Чимган, Икан и пр. и пр., населенные узбеками. Там встречается лишь небольшое число таджиков и туркестанцев и совсем нет евреев.

В соответствии с пройденным мной маршрутом и сообщенными мне сведениями о расстояниях от Туркестана до устьев Сырдарьи и до Бухары; между Туркестаном, Ак-Мечетью и Ташкентом; Ташкентом — Кокандом — Ходжентом — Ура-тюбе — Самаркандом; Самаркандом — Бухарою и, наконец, на основании собранных мною данных я убежден в том, что в русской карте Средней Азии допущено много ошибок. Для киргизской степи она гораздо точнее карты Арроусмита[25], но менее верна, чем та, в отношении Самарканда, направления Сырдарьи между Кокандом и Туркестаном, местоположения Коканда и пр. Поэтому я подвинул к западу

часть Сырдарьи, заключающуюся между Туркестаном и Ходжентом, впрочем не относя ее так далеко, как Арроусмит, потому что это противоречило бы указанным мне расстояниям.

Я не согласен с положением, данным на русской карте Коканду и Ходженту, и во многом приближаюсь к сведениям Арроусмита, не стремясь, впрочем, точно им следовать.

Ходжент лежит на берегах Сыра, и нужно пройти через этот город, чтобы попасть на Ура-тюбе, в Коканд. Вследствие этого приходится делать большой крюк, чтобы избежать опасной горной местности. Впрочем, можно попасть в Самарканд и из Маргилана, если бы не киргизы-чеишки, подчиненные бухарскому хану, которые грабят путешественников в этом районе. Ходжент — крепость, окруженная, как и Бухара, полями и садами.

Коканд, расположенный в десяти верстах от Сырдарьи, заключает в себе по крайней мере 6000 домов и по величине равен Бухаре. Воду в него доставляют каналы, проведенные из Сырдарьи. Вокруг города не видно стен, кроме глиняной стены, окружающей дворец. В ней двое кирпичных ворот: одни — около базара Кистан, другие называются Калмак.

В Коканде четыре караван-сарая, и немало чужеземных купцов постоянно останавливаются там. Вся торговля Ташкента и Кашгара с Бухарой производится через Коканд. Продукция Бухары широко распространена в Кокандском ханстве, которое менее обширно и не так могущественно, как первая. Обе страны враждебны друг другу и часто пребывают в состоянии войны. Лет десять назад бухарцы захватили Ура-тюбе, которая до этого была независимой областью.

Нынешний кокандский хан Омар, сын своего предшественника Нарбуты[26], пользуется большим уважением. Он живет в добром согласии с хивинским ханом, которому приходится родственником, так же как и бадахшанскому владетелю, на дочери которого женат.

Маргилан, говорят, по размеру равен Коканду; это весьма древний город, так же как Андижан и Наманган.

Ош, расположенный под горой Тахти-Сулейман, название которой означает «Трон Соломона», менее значителен. Паломничество, достигшее здесь огромных размеров, способствует притоку сюда больших денежных средств. Паломники приходят в Ош, чтобы посетить невысокую гору, где находится небольшое квадратное здание: по преданию, возле этого места Соломон зарезал верблюда, кровь которого еще до сих пор алеет на скале. Если кто-то страдает ревматизмом или другими болезнями, то стоит только вытянуться на плоском камне — и боль обязательно проходит. Все, кто побывал там, рассказывают об этом. Многие уверяли меня, что там нет никаких следов колонн, а г-н Назаров утверждает, что он видел остатки двух древних зданий, под кото-

рыми находится пещера[27]. Тем не менее суеверие постоянно привлекает в Ош множество людей.

От Оша до Кашгара не встречается более ни городов, ни возделанных полей: это — страна гор. Со своими стадами в Алатаге кочуют каракиргизы, или дикоплеменные киргизы. У этого народа глаза посажены еще ближе и более раскосые, чем у прочих киргизов. Лицом они очень похожи на калмыков, отличаются храбростью, а лошади их столь же быстры, как и черкесские.

Китайские купцы[28], собираясь в небольшие караваны, ведут торговлю с алатагскими киргизами. Они отправляются из Кашгара или Кульджи... Эти киргизы проводят зиму в горах и покидают их летом. Они сеют ячмень и просо. Область Джетысу («Семь рек») киргизы посещают охотнее всего.

Весной 1818 года каракиргизы ограбили несколько кишлаков около Ташкента. Для наказания за набег вскоре было отправлено 5000 кокандцев, которые совершили весьма удачный поход в горы, где обитают киргизы. Данные об этих кочевниках я заимствую у одного татарина, бывшего у них в плену и прожившего в горах семь лет. Он меня уверял, что многие вершины Алатага покрыты вечным снегом и что в той стране встречаются береза и один из видов ели. Однажды татарин был выменен на 13 лошадей, а затем включен в состав приданого. Ему удалось бежать с китайскими купцами, и, проведя некоторое время в Кашгаре, он попал в Бухару. Мы взяли его с собой в Россию.

По дороге из Кашгара в Ош татарин перешел вброд несколько рек, и путь его проходил по чрезвычайно гористой стране. На горах он видел снег, но на дороге его не было. Деревья были огромны, но он не заметил среди них ни ели, ни дуба. Склоны гор, по которым он спускался, длиннее, чем те, по которым поднимался; мороз был сильный.

Другой путешественник уверял меня, что на Тереке царит постоянная зима. Хотя до перевала через этот хребет, добавил он, можно выбрать одну из трех дорог, по ущельям идти невозможно из-за лежащего в них обильного снега. Эти три перевала следующие: Белаули, или Талдык, — на севере; Терек — в середине; Шарт — на юге.

Глава четвертая

Кашгар

Согласно данным, которые мне удалось собрать, бухарцы называют Китайский Туркестан «Алты-шаар» («Страной шести городов»), т. е.: Кашгар, Яркенд, Хотан, Аксу и два города на Или[29].

Кашгар — большой город, охраняемый китайским гарнизоном; в него входят и из него выходят совершенно свободно. Город лежит на реке Кашгар, которая сливается с Кызылсу («Красная вода»), текущей между Кашгаром и Яркендом. Чтобы попасть из Кашгара в Кашмир, нужно пройти через Яркенд, где все еще говорят по-татарски, и далее через города Большой и Малый Тибет. Так как эта страна гориста, то караваны совершают только небольшие дневные переходы. Путешествовать там можно только верхом на лошади, на верблюдах же — нельзя. Яркенд находится в четырех днях пути от Кашгара, Большой Тибет — в 35 или 40, а Кашмир — в 22 днях от Большого Тибета. В середине пути надо пройти через Малый Тибет. Река, омывающая стены этого города, течет к северу от Кашмира или, вернее, впадает в кашмирскую реку.

Мне кажется вероятным, что города, которые называются «Тибет», — те же самые, что известны под названиями «Ладак» и «Драус», или «Дервазе». Однако удивительно, что ни одному бухарцу не знакомы эти наименования, в то время как различные купцы, с которыми я говорил, называют их Большим и Малым Тибетом *. Русские купцы из Семипалатинска, побывавшие в Кашмире, именуют их так же.

Между Кашгаром и Кашмиром нет других городов, кроме только что упомянутых, по соседству с которыми встречается несколько селений, разбросанных на горных склонах. Большой и Малый Тибет окружены садами; мне рассказывали, что дома там сделаны из дерева, как в России, с очень высокими крышами. Живут в них ламаисты, поклоняющиеся идолам **. Я установил, что Большой Тибет лежит под 35°50′ с. ш. и 76°35′ долготы к востоку от Парижа.

---

* Обозначения Большой и Малый Тибет, в приложении к городам, происходят, несомненно, от того, что бухарцы, так же как и другие восточные народы, придают название шехр или белад безразлично — области, стране и городу.— *Прим. А. Жобера* [30].

** Уже давно была закончена подготовка настоящей рукописи, когда я нашел в С.-Петербурге в июне месяце 1823 г. описание путешествия в Индию Рафаила Данибегова, грузинского дворянина. Посвященное е. в. императору Александру, оно переведено с грузинского на русский и напечатано в 1815 г. Этот труд не представляет ничего интересного вплоть до рассказа о прибытии автора в Кашмир, но описание пути этого города до Семипалатинска через Кашгар приятно удивило меня тем, что содержащиеся в нем сведения почти совпадают с теми, которые раздобыл я Вот выдержки из этого описания:

«Из Кашмира я отправился в город Тибет, куда прибыл, сделав приблизительно 200 верст в 20 дней. Он построен на холмах и окружен скалистыми горами, на которых растет лишь немного овса. Жители смешивают овсяную муку с молоком и пекут ее, добавляя масло. Они настолько бедны, что это их единственная пища. Я обратил там внимание на достойный осуждения и противоречащий здравому смыслу обычай: если в одном доме живут несколько братьев, то супругой для всех является одна женщина. В случае рождения мальчика он получает имя старшего брата, и

Расстояния и направления, которые мне сообщили, вызвали у меня желание свести их в таблицу, где я пометил ряд долгот и широт, извлеченных из рукописных таблиц Улугбека[33], которые я достал в Бухаре. Для сравнения привожу данные, которые были напечатаны в издании Гравиуса 1652 года (см. таблицу).

только его одного будут считать отцом (этот обычай, как всем известно, распространен в Тибете.— *Прим. франц. пер.*). Здесь пьют много чая, а шерсть для шалей привозят из Лхассы. Все товары перевозятся на баранах, которых нагружают до отказа. От этого города в Кашмир товары перевозят на лошадях.

В Тибете можно будет продавать большое количество русских товаров, например серебряных изделий и шелковых тканей: чаба[31] станут их охотно покупать. Это племя привозит из Лхассы много козьей шерсти, которую отсюда отправляют в Кашмир. Чтобы пройти из Тибета в Лхассу[32], нужно три месяца.

Я находился в пути десять дней, прежде чем добрался из Тибета в Яркенд. Это путешествие было весьма тоскливым: бесплодие почв, необычайная глубина пропастей, чрезмерная высота гор, между которыми расположены ледники, вызывали у меня грусть, возраставшую еще от постоянного одиночества, так как эти места необитаемы. Наконец мы увидели Яркенд: этот город, окруженный ветвистыми деревьями, произвел на меня довольно приятное впечатление.

Китайский гарнизон состоит более чем из 2000 человек; их глава называется «амбань». В Яркенде более 3000 китайцев занимаются торговлей. Климат здесь хороший, но вода дурна. Красивых зданий я не заметил; обитатели довольно зажиточны. Хотя, как я уже говорил, климат там здоровый, должен добавить: за исключением осени — нигде не находил я ее столь скверною. В течение почти всего осеннего периода небо покрыто облаками и какая-то странная пыль, происхождение которой мне неизвестно, падает наподобие дождя и делает это время года до крайности неприятным.

Нередко большая влажность воздуха способствует зарождению каких-то красноватых насекомых, которых жители зовух *карбитами*. Укус этих насекомых почти всегда смертелен. Если вместо дождя жители видят падающую пыль, то надеются на хороший урожай, зато ждут плохого, если идет обыкновенный дождь. Эта пыль настолько густа, что солнечные лучи не могут пробиться через нее. Такое явление продолжается иной раз семь-восемь дней. Вместе с тем пыль эта настолько мелка, что проникает сквозь малейшее отверстие.

Помимо Яркенда китайцы господствуют в Худаме (Хотане), Гашгире (Кашгаре), Аксу, Дуробане [Турфане] и Или. В каждом из этих городов имеется губернатор, обязательно китаец. Китайцы очень многочисленны в Или, или Кульдже: считается, что там их более десяти тысяч. Они очень высокомерны и весьма ленивы, проводя все время за курением табака. Ни один житель не смеет оставить город без паспорта, так как надзор администрации очень строг. Это — одно из средств, которое используют китайцы, чтобы положить конец всевозможным беспорядкам. Из Яркенда я прибыл через 13 дней в Аксу. Этот город невелик, состоит из большого числа довольно хорошо выстроенных домов и расположен в долине; он разделен на две части: в одной живут китайцы, в другой — мусульмане. Они ведут между собой очень деятельную торговлю.

Из Аксу в три дня я доехал до Турфана [Уч-Турфана], маленького, довольно невзрачного городка. Так как его жители очень бедны, то в нем нет ничего любопытного. В 20 верстах — границы страны киргизов.

Пройдя Турфан, я пересек кочевья калмыков, киргизов, кайсаков и по истечении трех месяцев путешествия прибыл наконец в Семипалатинск».

Географические положения

	По бухарской рукописи				По таблицам Гравиуса	
	широта		долгота		долгота	
	градус	минута	градус	минута	градус	минута
Бухара	39	50	97	30	96	30
Самарканд	39	37	99	16		
Карши, или Несеф	39	37	98	16		
Ходжент	41	55	105	35	100	35
Бадахшан	37	10	104	24		
Андераб	36	10	108	45	103	45
Кеш	39	30	99	30		
Кобадиан	37	45	102	30		
Таликан	37	25	102	50		
Ховарезм, или Новый Ургенч	42	35	93	45		
Дарган-ата, или Ургенч	42	17	94	30		
Хазарасп	41	17	95	30		
Кят	41	36	95	30		
Дарган	39	30	94	15	95	5
Исфиджаб	43	36	99	50		
Тараз	44	31	99	50		
Урушна, или Осрушна	40	31	105	50	100	5
Саганиан	38	14	105	30	100	30
Бешкент, или Пенкат	43	14	101	30		
Илак, или Тункат	43	25	101	30		
Фергана, или Ахсекат	43	25	101	20		
Узгент	44	25	102	50		
Ош	43	20	102	20		
Кашгар	44	20	106	30		
Хушаш, или Чадж	42	30	109	30		

* Графа «широта» не заполнена.

Из всех определений широта Бухары единственная, которую я проверил и вычислил с точностью до двух минут.

Определения, данные Улугбеком, не совпадают с теми, которые я добыл из других источников, однако они любопытны, потому что этот автор упоминает о таких городах, которые более не существуют и следы которых мне даже не могли указать. Быть может, я был бы в состоянии дать какие-либо интересные объяснения по поводу развалин этих городов и истории их гибели, если бы имел возможность консультироваться с более образованными бухарцами, чем те, к которым я обращался. От Кашгара до Семипалатинска — 55 дневных переходов, из них 12 до Аксу и 25 до Кульджи.

Из превосходного труда г-на Риттера[34] ** мы узнаем, что

** «Die Erdkunde in Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen von Carl Ritter», Berlin, 1817—1818.

Появилось еще два тома этой книги; 2-е издание первого тома опубликовано в 1823 г.

самый удобный перевал в горах к северу от Кашгара находится возле Аксу [Бедель]. Это мне подтвердили; тем не менее караваны делают объезд и не без основания пользуются другим путем. Двигаясь из Кульджи в Аксу, они идут вдоль китайской границы, чтобы не подвергнуться ограблению. Точно так же хивинские караваны, идя в Оренбург, проходят через Сарайчик или Сарайчикову [крепость] и далее вдоль Урала, вместо того чтобы идти из Хивы в Оренбург, пересекая напрямик киргизскую степь.

Между Кульджой и Семипалатинском наиболее широкая река — Алагуз; она течет к северу от Тарбагатайских гор. Самые высокие горы — Чулк-карагай в 100 верстах от Кульджи; требуется четыре дня, чтобы их пересечь.

Существуют две Кульджи — Малая и Большая; обе расположены на Или, и расстояние между ними 40 верст. Караваны проходят через Малую Кульджу, которая лежит севернее Большой. Это — крепость, нисколько не похожа на бухарские, и ее можно скорее сравнить с европейской, так как она имеет выступающие углы и род бастионов. Ворота запираются каждый вечер при заходе солнца, после чего производится пушечный выстрел. Комендант крепости носит титул *цзяньцзюня*, а начальник полиции — *галай да*. В течение трех месяцев за различные преступления отрубили головы трем киргизам и пяти китайцам. Возле храмов стоят глиняные истуканы различной величины, они облачены в вышитые одежды и держат руки на животе. Внутри храма — идолы, обычно золотые, укрепленные в застекленных нишах, к подножию которых возлагают хлеб.

Кульджа в китайской Джунгарии охраняется гарнизоном примерно в 2000 *чанпанов*, или китайских пехотинцев. В этом городе шесть ворот и около 9000 глинобитных и деревянных домов; есть также и каменные с такими же крышами, как в России. В окрестностях Кульджи нет полей; верстах в 30 от города встречается с полдюжины деревень, населенных китайцами.

Горы Талку покрыты великолепным лесом, снабжающим Кульджу деревом. В горах живут какие-то калмыки, большинство из них — кочевники, а некоторые состоят на службе у китайцев. Вообще же среди них мало оседлых.

Кроме дунганских татар в Кульдже проживает много китайцев, среди которых есть каракитайцы, или «черные китайцы». Их женщины имеют очень маленькие ступни.

Недалеко от Кульджи Или имеет всего только 100 футов в ширину, и летом ее переходят вброд во многих местах.

Глава пятая

Ханства Хиссар, Куляб, Рамит и Бадахшан. — Гальча. — Золото, добываемое в реке Дарвазе. — Сияхпуши. — Ханство Шахрисябз. — Маршрут из Балха в Кабул и из Бухары в Герат

Пройдемся теперь по странам, лежащим к югу от Коканда и к востоку от Бухарии. Мы найдем там мусульманские ханства, независимые племена, также исповедующие веру в лжепророка, и такие, которые его не признают и которых мусульмане считают неверными. Все эти народы обитают в горной местности.

Наиболее богатая из них — Хиссарское ханство. Его хан, тесть аталыка[35] и верный союзник бухарского эмира, живет в городе того же названия, расположенном в 15 верстах к западу от берегов Сарыджуя или Кафирнигана.

Хиссар расположен в хорошо возделанной долине, изобилующей пастбищами, насчитывает примерно 3000 домов. Жители этой страны почти все узбеки. Среди них лишь немного таджиков, в большинстве очень богатых. Говорят, что там несколько раз видели, как узбеки продавали просо; если зерно никто не покупал, то они выбрасывали его, чтобы не везти обратно. Узбеки владеют большими стадами и живут в достатке.

Хиссарскому хану подвластны Денау, самый большой после Хиссара город, Сарыджуй, Тупалак, Регар, или Регара, Каратаг, Дештабад, Чокмазар и Ходжа-Таман. В последнем погребен святой, весьма почитаемый мусульманами.

Рамит — довольно большой город, примерно в 100 верстах к северу от Хиссара. Его хан во время войны может иметь в распоряжении около 10 000 человек. Недалеко от Рамита поднимается одна из высочайших гор в этой стране[36].

Куляб, вмещающий приблизительно 3000 домов, расположен восточнее Хиссара, на пути из Бадахшана в Коканд. Он независим.

Все эти города населены узбеками, большая часть которых — земледельцы.

Хан Оби-гарма часто воюет с хиссарским ханом. Южнее всех этих городов расположено ханство Бадахшан. Его столица, носящая то же наименование, известна еще под названием Файзабад и лежит на берегах Бадахшана[37], который впадает в Амударью. Это одно из крупнейших ханств в стране. Впрочем, отсюда вывозят только ляпис-лазурь; помимо того, по всему этому пути следуют только обычные караваны.

Чтобы попасть из Бадахшана в Кашмир, нужно проехать через Кашгар или через Пешавар, ибо горы, отделяющие Бадахшан от Кашмира, непроходимы.

В горной области к востоку от Бухарии и к северу от Хиссара обитают гальча, бедный, но независимый народ. Гальча — мусульмане-сунниты; русские путешественники называют их восточными персами, так как они говорят по-персидски и не знают никакого другого языка. Чертами лица они сильно отличаются от таджиков. Цвет их кожи смуглый и даже темнее, чем у бухарских арабов. Жилищем им служат жалкие хижины, выстроенные в лощинах между гор. Они занимаются земледелием, имеют немного быков и очень мало лошадей.

Матча и Ягнау — города, населенные гальча и расположенные к югу от Коканда, в котором встречается много гальча, приходящих туда для обмена своих продуктов на кокандские товары.

Продвигаясь далее на восток, можно попасть в гористую страну, почти никому не известную. Говорят, что здесь живут какие-то кяфиры, или неверные, народ весьма свирепый.

Начиная с Каратегина мусульмане не встречаются. Жители города[38] не жестоки. Страшные кяфиры[39] живут в Калаихуме, городе, называемом также Дарваз и лежащем на реке того же наименования. Между Хиссаром и Дарвазом местность настолько гориста, что лошадей часто приходится вести под уздцы. Дороги круты, пропасти обрывисты, и на дне их с грохотом катит свои воды Дарваз; аналогичная картина встречается на каждом шагу.

Дарваз несет в своих волнах золото, которое возбуждает жадность бухарцев, время от времени рискующих жизнью, чтобы собрать крупицы драгоценного металла. Вот как они его добывают: воду в Бухаре носят в бурдюках, наполненных воздухом и сохраняющих форму животного, с которого они содраны. Наилучшими считаются бурдюки из кожи баранов или диких козлов. Там, где у животного шея, в бурдюке — отверстие. Привязав к бурдюку веревку, бухарцы бросают его в Дарваз[40], где он быстро наполняется тиной, песком и золотом, которое затем легко извлекают. Но так как оно никогда не бывает без примеси, то цена его относится к цене чистого золота, как 18 : 21. Не может ли этот прием облегчить объяснение того места у Геродота, в котором историк сообщает о способах, употреблявшихся индийцами, для извлечения золота из песка? *.

К югу и востоку от Бадахшана живут сикпаны, или сиях-пуши[41], полукочевые и наполовину дикие народы: они немусульмане. «Сикпан» в переводе означает «черная одеж-

* Геродот, кн. III, гл. 102—105.

да», так как они носят только шкуры черных баранов. Через их страну проезжают, направляясь прямо из Хульма в Пешавар: при этом путь идет через их главный город Четрар[42], через Кундуз и далее по гористой местности. Поэтому этим путем пользуются редко. Бадахшанский хан часто воюет с сияхпушами, а его купцы продают пленных в Бухаре.

В центре Бухарии существует независимое ханство — Шерсабес, или Шахрисябз, именуемое так по главному городу. Последний лежит на одноименной реке: эта та самая Кашка, которая протекает через Карши, один из самых больших городов Бухарии. Река эта много раз способствовала сохранению независимости Шахрисябзского ханства. Дело в том, что при помощи плотин можно на большое расстояние затопить окружающую город и крепость местность, что достаточно для того, чтобы помешать бухарцам овладеть ими. К тому же шахрисябзские узбеки известны своим мужеством.

Шахрисябзское ханство, присоединенное к Бухарии Мухаммед-Рахим-ханом, отпало от нее после его смерти в 1751 году*. Потеря этой территории должна была быть весьма чувствительной для бухарцев. Богатое различной продукцией, ханство направляет в Бухарию отличный хлопок и красильные корни. Там же добывают железо, кожу и другие товары, идущие в Россию.

Шахрисябзский хан может выставить армию или, скорее, произвести набор около 20 000 всадников. Ему подчиняются две крепости, Дуаб и Китаб, и города Джауз, Питахане[43], Яккобаг, Утакурган. Кроме того, Шахрисябз заслуживает внимания потому, что он воздвигнут на месте селения Кеша, где родился знаменитый Тимур.

Теперь я намерен предложить читателю два маршрута: один из Балха в Кабул, другой — из Бухары в Герат. Добавив несколько слов по поводу владений, лежащих на этом пути, я исчерпаю все данные, которые были мне сообщены относительно ханств, расположенных вокруг Бухарии.

Нет ничего более непостоянного, чем границы азиатского ханства. Так, Балх, вероятно древняя Бактра, принадлежал балхскому хану. Лет 15 назад его изгнал афганский шах, но Килич-атаи, балхский хан, вскоре вернул свою независимость. Перед смертью, в 1820 году, он поручил своих двух сыновей бухарскому хану. На следующий год некий Катаган, глава узбекского рода чильминар («сорок башен»), совершил удачный набег на владения молодых людей и изгнал их оттуда. Тогда бухарский хан направил против Катагана 12 000 человек, которые вынудили его искать убежища в

* В 1751 г. умер Убайдулла II. Мухаммед Рахим умер в 1753 г.— *Прим. переводчика.*

балхской крепости, где его надеялись вскоре захватить. Таково было положение вещей в этом городе в то время, когда я уезжал из Бухары.

На пути из Балха в Кабул первую остановку обычно делают у могилы шаха Мердана, где находится небольшая горка. Второй день уходит на то, чтобы добраться до независимого города Хульма. Когда он принадлежал афганцам, они взимали, так же как в Балхе и Бамиане, по два с половиной процента стоимости товаров, принадлежащих проходившим караванам.

Килич-Али, хульмский хан, с тех пор как освободился из-под владычества афганского шаха, не налагает никаких пошлин на караваны. Мусульманский закон запрещает любому государю, который не в состоянии содержать 12 000 вооруженных людей, взимать иную подать, кроме *зякета и ушра*[44], и, следовательно, требовать плату с проезжающих.

Сын Килич-Али, менее религиозный, чем его отец, умерший три года назад, восстановил налог на караваны.

Говорят, что в Хульме сливаются пять рек и образуют водопад. Река Хульм впадает в Амударью. Меня уверяли, что древний Хульм был разрушен, а тот город, который носит это название сейчас, назывался некогда Ташкурганом; он отстоит от Балха примерно на 65 верст.

От Хульма до крепости Айбак — один дневной переход. Дорога идет вдоль реки Хульм, вытекающей из Дуаба, страны, которая отстоит на четыре дня пути. Берега этой реки покрыты полями и садами.

Из Файзабадского владения течет река, сливающаяся у Айбака с Хульмом.

От Айбака до Дуаба — 56 верст. В 4 верстах от Айбака начинается великолепная, покрытая садами долина Ализандана, а в 15 верстах находится город Сербаг.

В 12 верстах от Эйбы[45] раскинулась многонаселенная страна Гуррам. Вдоль реки Хульм тянется долина, которая в 15 верстах от Гуррама, около селения Руи, поворачивает налево и достигает Дуаба, находящегося в 14 верстах.

Там возвышается гора Каракотал; ее можно пересечь только за полдня. Далее встречается несколько маленьких укреплений или обнесенных стенами селений, обитатели которых снабжают караваны съестными припасами.

Эти укрепления известны под названием «мадер». Восемью верстами дальше расположены другие укрепленные селения, называемые «камедер» и окруженные полями и виноградниками. Их снабжают водой источники Энден, находящиеся к югу от этих фортов.

От Камедера полдня пути до Сейгана после перевала через очень высокую гору Налифар.

В 20 верстах от Сейгана возвышается гора Аграбад, у подножия которой разместилась крепость того же названия. Это богатая и хорошо возделанная местность, где имеются медные, серебряные и золотые рудники. Страну охраняют пастухи, иными словами, все ее жители являются воинами. Впрочем, они не могли добиться сохранения своей независимости, так как крепость поочередно принадлежала то афганскому шаху, то хульмскому хану. Таким образом, в отдельные периоды владения последнего достигали весьма обширных размеров.

Перевалив Аграбад и пройдя 20 верст по холмистой местности, путешественник прибывает в Бамиан, очень древний город, насчитывающий около 20 000 жителей и окруженный множеством селений. Там можно увидеть многочисленные развалины и пещеры с изваянными фигурами. У вершины соседней горы возвышаются две каменные статуи огромных размеров. Меня уверяли, что каждая имеет 20 сажен высоты. Знакомый индиец говорил мне, что одна из этих статуй изображает бога Раму. Эти колоссальные статуи с давних пор известны в Европе и сохранились до настоящего времени [46].

Некий кашмирец рассказывал мне с самым серьезным видом, что шах Мердан, вероятно тот самый, который погребен между Балхом и Хульмом, убил жившего на вершине одной из бамианских гор дракона и что слезы, которые текли из глаз чудовища, были источником зарождения вод, еще до сих пор орошающих Бамианскую область. Последняя охраняется 56 укреплениями.

К северу от Бамиана виден лежащий в развалинах город Муджа, или Миджа *. В трех верстах к востоку от Бамиана течет река того же названия. Через две версты находится форт Топчи, затем следует перевалить через Шутургардан, самую высокую гору, расположенную между Балхом и Кабулом. Далее можно попасть в горную крепость Калу, вмещающую около 200 домов. Через десять верст находится форт Хаджихаб, а за ним гора и селение, название которого, кажется, арабского происхождения и где только 40 домов.

Пройдя 40 верст по гористой местности, путешественник достигает трех фортов Бикалы, или Гардан-дивани. Совершив затем полудневный переход через слегка всхолмленную местность, прибывает к источникам Сер-чашме, образующим большой бассейн, в котором, если доверять всегда верящим в чудеса восточным путешественникам, живут удивительные рыбы с жемчужинами в ноздрях, причиняющие бо-

* Это древний Бамиан, разрушенный в 1221 г. монголами, которые вырезали его жителей. Поэтому его развалинам дали название «мау билиг» или «город печали».— *Прим. г-на Клапрота.*

лезни всякому, кто захочет их поймать. Там находится ныне существующая афганская граница: отсюда до Кабула 9 фарсахов, или примерно 70 верст.

Согласно этому маршруту, сообщенному мне купцом, который более 30 раз совершал путь из Бухары в Кабул, расстояние от Балха до этого города равняется 392 верстам; караваны проходят его за 12 дней.

Узбеки живут вдоль этого пути вплоть до местности за Бамианом. Далее встречаются хезарейцы, большинство которых населяют горную страну, предшествующую Гарандивани. За этой крепостью начинается страна афганцев.

Что касается афганских государей, мне известно о них следующее. Правитель Герата Камран — сын Махмуда. Визирем отца, бывшего шахом Афганистана, был Фатх-хан. Он принадлежал к влиятельному семейству и имел 17 братьев, старший из которых — Мухаммед Азим-хан — был правителем Кашмира. Камран, завидуя могуществу визиря, сумел заманить его в Герат и там зарезал. Это жестокое деяние, происшедшее в 1819 году, послужило сигналом к восстанию в пользу влиятельной семьи визиря.

Махмуд бежал из Кабула в Герат, где находится до сих пор. Там он образовал независимое от Афганистана государство.

Мухаммед Азим-хан убежал в Кабул и обосновался там в качестве первого визиря, захватив всю власть в свои руки, а титул номинального шаха предоставил одному из родственников Махмуд-шаха [47].

Быть может, англичане не совсем чужды этим смутам, ослабляющим Афганистан. С другой стороны, его население, разделенное на несколько группировок, могло бы легко подпасть под власть персидского шаха, который в таком случае окажется грозным соседом для Индии.

Сикхи использовали отсутствие Мухаммед Азим-хана для того, чтобы завладеть Кашмиром, и ныне этот смелый народ господствует в прекрасной долине Сринагара.

Путь, которым обычно пользуются, чтобы попасть из Бухары в Герат, состоящий примерно из 4000 домов, проходит через Керки, Амударью и Андхой. Возделанные поля простираются вдоль этого пути лишь верст на 25 за Бухару. Далее начинается степь, в которой киргизы, с коими мы до этого шли, пасут своих верблюдов.

Пройдя около 150 верст, Карши оставляют влево и прибывают в Керки. Через этот пункт и Чарджуй идут главные пути от Амударьи в Герат: чарджуйский маршрут ведет через Мерв, и в этом случае приходится преодолевать в два раза больше песков, чтобы добраться до Мерва, чем направляясь в Андхой через Керки, небольшое укрепление в 100 домов, окруженное зубчатой стеной и рвом.

Говорят, что здесь ширина Амударьи более 200 сажен, а глубина от 4 до 5; ее каменистые берега круты и подняты на 3—4 сажени.

Независимый город Андхой очень велик и вмещает до 4000 домов, в которых живут главным образом арабы, а также узбеки и таджики.

Небольшая, пересыхающая летом речка течет недалеко от города, жители которого вынуждены рыть колодцы, чтобы обеспечить себя водой. Андхой отстоит примерно на 100 верст от Балха и на 120 от Керки.

В 80 верстах от Андхоя находится Меймене. По дороге встречается несколько селений. Меймене заключает в себе около 1000 домов, где живут только узбеки, кочующие летом... Они нередко грабят караваны, воюют со своими соседями, совершают набеги на Хорасан и доставляют пленников на невольничьи рынки Бухары.

От Меймене до Герата раскинулась горная страна, по которой, однако, проходят дороги, доступные для артиллерии. От Меймене до реки Мургаб, имеющей около 6 сажен в ширину и текущей среди каменистых берегов, примерно 60 верст. Около этой реки попадается несколько ив и тополей, но на всем пути растут кустарники, особенно фисташки.

Аймаки и ялунтуши бродят в этих городах и вдоль Мургаба; они мусульмане суннитского толка и говорят по-персидски, чертами лица они напоминают скорее татар, чем узбеков, обитают приблизительно в 3000 войлочных палатках или кибитках и весьма склонны к грабежу. Если маленький караван желает совершить свой путь по этой стране в безопасности, то ему нужно подкупить одного из вождей этих кочевников. Тогда тот сопровождает караван и всячески покровительствует ему.

Почти в 30 верстах за Мургабом оставляют вправо город Меручак, отстоящий на 180 верст от Мерва.

От берегов Мургаба до Герата лишь 50 верст. Итак, согласно этому маршруту, Герат находится на расстоянии 310 верст от Керки.

Среди народов, обитающих в соседних с Бухарой странах, перечень которых я только что привел, может быть, живут неизвестные мне народности. Однако я буду считать свою цель достигнутой, содействуя расширению географических сведений об этих отдаленных местностях.

Перейдем теперь к описанию Бухарии. При чтении его благосклонный читатель пусть вспомнит, что я не в состоянии предложить ему много подробностей об этой стране, потому что проехал только 120 верст, причем местное правительство чинило нам все мыслимые препятствия, мешая собирать нужные сведения.

Глава первая

Границы Бухарии. — Описание страны. — Реки. — Климат.— Города

Будучи страной, окруженной пустынями, и заключая в себе немалое их количество, Бухария не может иметь четко выраженных границ. Возделанная область на пути, по которому мы следовали, простирается лишь верст на 40 от Бухары. Во всяком случае, границы этого государства следует отодвинуть дальше на север, так как хан часто доводит свои аванпосты до Агатмы, где небольшое здание служит пристанищем для его солдат.

Его подданные часто отгоняют свои стада пастись на север от Агатмы, а таджики направляются к северо-западу рубить кустарники, которые привозят на верблюдах на бухарские базары. Наконец, бухарские таможенники доходят до Карагаты для осмотра караванов, прибывающих из России. Бухарцы никогда не проходят через Карагату, если не предпринимают далекого путешествия. Поэтому этот пункт я и буду считать лежащим на северной границе Бухарии.

Крепость Ура-тюбе находится к северо-востоку от Самарканда и служит пограничным пунктом Бухарии с этой стороны. Проведя прямую линию от Карагаты до Ура-тюбе, я приблизительно определяю северную границу. От Карагаты я намечаю западную границу по линии, внутри которой расположен Ич-берды, колодец на пути из Бухары в Хиву, возле которого находится бухарский аванпост Ёйчи, селение на Амударье. Некогда знаменитый, а ныне заброшенный Мерв — как раз то место, где расположен бухарский аванпост, наиболее выдвинутый на запад.

Южную границу Бухарии я образую, проводя от Мерва к Амударье линию, проходящую севернее независимых ханств Андхоя и Балха и включающую Ахчу; затем я веду эту линию к Денау, пограничному городу владений хиссарского хана. Восточная граница примерно обозначается ли-

нией, идущей от Денау к Ура-тюбе и включающей город Фан, расположенный дальше всего на восток от Бухары.

Бухария расположена между 41° и 37° с. ш. и 61° и 66°30′ в. д. от Парижа. Пространство, занимаемое ею, составляет площадь в 40 000 кв. верст.

Восточная часть Бухарии гориста; высоты кончаются к северу от Бухары, к западу — от Самарканда возле Карши и на юге — у Амударьи. Вся западная часть страны представляет собой, насколько хватает взгляд, плоскую равнину, на которой поднимаются отдельные холмики, имеющие от 1 до 3 сажен высоты и 3, 4 и до 100 сажен в длину и ширину. Они сложены из глины, из которой состоит и почва пустынь, особенно тех, по которым протекает Амударья. Эта глина покрыта подвижными песками, которые также образуют холмы; по форме они отличаются от указанных выше холмов и являются, кроме того, более низкими. Это можно наблюдать в Кызылкумах.

В Бухарии только две реки, замечательные как своей величиной, так и значением для сельского хозяйства: это Зеравшан и Кашка. Первая течет далеко на восток от Самарканда и называется также Куван. Она протекает в 12 верстах к северу от Бухары, где имеет примерно 9 сажен в ширину и от 3 до 4 футов глубины. Далее она разделяется на два рукава, северный из коих теряется в полях к западу от Вабкента. Около Бухары Зеравшан направляется на юг и образует верстах в 40 от Амударьи озеро Каракуль; его окружность равна приблизительно 50 верстам, и вода вытекает из него лишь через небольшие оросительные каналы, доходящие до Чарджуя. Зеравшан с помощью многочисленных каналов на много верст с каждой стороны оплодотворяет еще и всю территорию между Муджаном на востоке от Самарканда и Чарджуем, и особенно Миankаль, район между Бухарой и Самаркандом. Он более всего заселен, так как является самым богатым и плодородным во всей Бухарии. Наиболее значительный из этих каналов имеет 5 сажен ширины и тянется на 20 верст от Бухары с востока на юго-запад. Возле Самарканда несут свою водную дань Зеравшану спускающиеся с гор речки вроде Карабалыка, то есть «Черной рыбы».

Очень высокая гора Нуратау, о которой шла уже речь, расположена в 70 верстах к северу от Бухары; в ней зарождается маленькая речка, пересыхающая в летнюю пору. Чем интенсивнее тает снег на Нуратау, тем больше эта речка прибавляет воды в Вабкентдарье и способствует таким образом плодородию окружающих Бухару полей. Этим объясняется обычай давать денежное вознаграждение тому, кто первый приходит осенью с сообщением, что Нуратау начинает покрываться снегом.

Так как Нуратау единственная гора, видимая из Бухары, то жители не преминули сочинить на ее счет серию историй, которым они очень верят: например, они весьма серьезно рассказывают, что на вершине Нуратау останавливался Ноев ковчег.

Водами реки Кашка пользуются для орошения полей и садов, окружающих Карши. Это чрезвычайно плодородная страна, откуда в Бухару доставляют рис, хлопок и фрукты. Использование вод для орошения совершенно истощает Кашка. Реки Тупаланг, Зухраб[1], впадающие в Амударью около Термеза, почти не имеют хозяйственного значения.

Бухарский оазис производит самое приятное и радостное впечатление; едва ли удастся встретить лучше возделанную местность, чем эти равнины, покрытые домами, садами и полями, разделенными на маленькие квадраты, называемые «танапами», обсаженные дерном, стороны которых приподняты на фут для задержания поступающей в них для орошения воды. Тысячи оросительных каналов перерезают равнину; подобно очень узким дорогам, они обычно обсажены деревьями. Так как уровень воды в этих каналах не везде одинаков, то при ее слиянии образуются небольшие водопадики, журчание которых приятно ласкает слух. Множество деревьев, посаженных по их берегам, образует заслон, мешающий глядеть вдаль. Однако это является доказательством того, что обитатели страны принимают меры по увеличению плодородия своих земель.

Многочисленность населенных пунктов позволяет судить о большом количестве населения, быть может слишком значительном для того, чтобы обеспечить всеобщий достаток. Населенные пункты обычно представляют собой селения, наполовину скрытые фруктовыми садами. Я видел селения, целиком окруженные стенами: одни имели вид укреплений; другие открыты, огорожены только сады. Эти стены, нередко зубчатые и защищаемые небольшими башенками, придают стране живописный вид, но означают также, что жители опасаются грабежей. Напоминая о частых набегах кочевников на Мавераннахр, эти укрепления заставляют предполагать, что их существование лишь результат печальной необходимости.

Бухарское селение заключает в себе обыкновенно до сотни глинобитных домов, отделенных друг от друга улочками не уже, чем в городах. В середине селения нередко находится колодец или небольшой бассейн, вода в который поступает из канала. Каждое селение расположено возле канала, чтобы из него можно было поливать сады.

Климат горных частей Бухарии, естественно, отличается от климата западной, равнинной части страны. Я ограничусь описанием последней.

Времена года весьма четко разграничены: в середине февраля начинают цвести фруктовые деревья; в первых числах марта распускаются почки на деревьях. Наступает прекрасная пора, и прекращаются сильные дожди, шедшие недели три. Вскоре жара становится изнурительной; она тем более чувствительна, что воздух редко освежается грозами. Хорошая погода стоит до октября, то есть до того периода, когда обычно две-три недели идут дожди. В ноябре и декабре легкие заморозки и порой небольшой снег предвещают приближение зимы. 20 декабря мы еще встречали на полях дыни — свидетельство того, что морозы не могли быть сильными. Январь — самый суровый месяц: мороз обычно достигает 2°, но несколько раз доходил и до 8°. Вода замерзала, образуя слой льда толщиной 3 или 4 дюйма. Нерастаявший снег лежал две недели.

Зима, проведенная нами в Бухаре, была очень мягкой: вода промерзла всего на 2 дюйма. Лед спешно разбивали и засыпали землей для сохранения.

Дожди возобновляются между 7 и 15 февраля и продолжаются до конца месяца. Через несколько дней все становится зеленым и внезапно расцветает. Доказательство жаркого климата Бухарии — температура в январе в тени +10°, на солнце +22°.

Сильные ветры дуют главным образом зимой и летом. Они очень высоко поднимают тонкую пыль, о которой я уже говорил: за нею ничего не видно, а атмосфера принимает в это время сероватый оттенок. Облака пыли, распространяющиеся по всему району, можно видеть в 20 верстах. Климат Бухарии в общем полезен для здоровья; зима и дождливые времена года освежают и очищают воздух. Многочисленные случаи ревматизма вызваны сыростью зданий, частые случаи глазных заболеваний — результат сильных ветров, поднимающих пыль, опасную для зрения. Слепота, по-видимому,— нередкое явление в этой стране: отец нынешнего хана приказал построить в Бухаре Фатхабад, госпиталь или, скорее, монастырь для слепых, где находится около 50 этих несчастных, размещенных по 2—3 человека в маленьких кельях вокруг одной из мечетей.

Все города в Бухарии построены около рек и, следовательно, окружены возделываемыми полями. Летом бывает так сухо, что жители могут достать воду лишь в ямах: бухарская равнина настолько низменна, что воду находят на глубине 5, 7 или 8 футов*. В стоячей воде водятся черви, вызывающие болезнь, называемую бухарцами ришта. Тело покрывается гнойными пузырьками, из которых образуются

* Колодец Хатун-кудук на севере возделанной долины имеет глубину около 2 сажен.

язвы. Из них выходит червь из породы аннелидов. Бухарцы совершенно не умеют лечить эту болезнь.

Один русский пленник-раб, рассказывая мне о недостатке воды, испытываемом в Бухаре, с выражением досады воскликнул: «Это страна, которую бог сотворил во гневе!».

Бухарские города, расположенные на южном берегу Амударьи,— Керки, Ахча, Мерв и Чарджуй.

Мерв, ранее принадлежавший персам, был цветущим городом; им завладел Мурад-бек, отец нынешнего бухарского хана, что было наиболее блестящим результатом его многочисленных вторжений в Хорасан. Сын его, эмир Хайдар, должно быть опасаясь влияния, которым пользовался в Мерве правитель Насыр-бек, приказал перевести всех жителей этого города в количестве 25 000 человек внутрь Бухарии. Насыр-бек бежал в Персию, в Мешхед, а Мерв превратился в пустыню.

Эмир Хайдар содержит в Мерве гарнизон 400—500 человек, который обновляется три раза в год. Мерв считается местом ссылки, туда отправляют злоумышленников, которых не хотят наказывать смертью. В этом городе уже 500 жителей, не считая гарнизона, и окрестности его начинают снова возделывать. Лишь небольшое число оросительных каналов отведено из реки Мургаб, текущей в 20 верстах от Мерва и, вероятно, теряющейся в песках к северу от него.

С тем, чтобы воспрепятствовать новому заселению Мерва и помешать жителям, использовав его изолированное положение, добиться независимости, бухарский хан не разрешает брать из Мургаба много воды для орошения.

Чарджуй насчитывает около тысячи домов. Из-за постоянного страха перед нападением хивинцев здесь содержится довольно сильный гарнизон. Рассказывают, что осенью 1821 года хивинцы пытались взять город.

Бухару окружают города Каракуль, Хайрабад, Душамбе, Зендани, Чаршамбе, Рометан, Зармитан, Пенджшамбе-базар, Вапкан, или Вабкент, Урдензей[2], Гиждуван.

После Бухары, Самарканда и Карши самым большим городом в Бухарии является Каракуль: в нем приблизительно 30 000 жителей.

Урдензей — маленькая крепость, которую я видел во время нашего возвращения в Россию, но не смог добиться разрешения проникнуть в нее: ворота были заперты, вероятно, по приказу свыше. Крепостью Урдензей называют потому, что он окружен глиняной стеной примерно сажени 4 в высоту.

Обрабатываемая местность кончается приблизительно верстах в 5 к северу от Урдензея. Нам пришлось на расстоянии 8 верст пересечь песчаный район, покрытый несколькими холмами, развалинами глинобитных домов и остатками

древних каналов: все показывало, что это была местность, где еще не очень давно царило плодородие. Некогда возделанная территория, следы которой мы впервые заметили возле Кагатана, продолжалась за Урдензеем много дальше: нельзя вообразить себе более грустной картины. Развалившаяся деревня подле Кагатана каких-нибудь шесть-семь лет как захвачена песками, которые налетевший с северо-востока ураган натащил и нагромоздил в течение пяти дней. Местность, возделывающаяся возле Урдензея, лежит севернее, чем Кагатан, и, следовательно, более подвержена последствиям северо-восточных ветров. В течение десяти лет эти ветры приносят разорение жителям. В продолжение нашего путешествия ветер давал себя чувствовать.

Мы прошли мимо Урдензея 25 марта; ветер был сильный, однако не стремительный. Но едва мы покинули глинистую равнину и очутились среди песчаных бугров, как ветер подул сильнее, песок поднялся в воздух, образуя вихри и проникая всюду. Я надел специальные очки. Песок образовал нечто вроде облака, совершенно затмившего дневной свет, так что видимость была ограничена очень небольшим пространством и наши проводники-киргизы не распознавали более дороги. К счастью, один всадник из бухарского гарнизона Урдензея следовал за нами с целью установить, не примешались ли к нашему конвою русские рабы. Мы, приставив револьвер к горлу, вынудили его стать нашим проводником. Хотя эту услугу он оказал нам против желания, тем не менее не дал нам заблудиться.

Нельзя представить себе ничего докучнее, чем этот песок: хоть и очень крупный, он проникал в глаза, в рот, в уши. Глаза у всех были воспалены, и теперь я понимаю, как армия Надир-шаха, пересекая пустыни к западу от Амударьи во время бури, потеряла много людей вследствие офтальмии. Таким образом, пустыни Бухарии служат природной защитой.

Гонимый ветром песок легко заполняет канавы, задерживается у стен, быстро поднимается во всю их высоту, засыпает улицы и покрывает дома, подобно пеплу Везувия, похоронившего Геркуланум и Помпею.

Около Урдензея песок ежегодно захватывает возделанные земли, приходится основательно трудиться над расчисткой каналов, но в общем это не удается, и даже вероятно, что когда-нибудь плодородные и оживленные оазисы Бухарии сделаются сухими и необитаемыми, как в Сеистане, цветущее состояние которого в древности подтверждается великолепными развалинами, тогда как нынче там пустыни, покрытые песком и гравием.

Прочие города, расположенные вокруг Бухары, менее значительны: каждый из них насчитывает от 300 до 500 до-

мов и базар; бывают и ярмарки. Проезжая мимо Вабкента в направлении к Бухаре, я смог себе точно представить эти маленькие города, которые должны быть очень похожи друг на друга. В Вабкенте около 300 расположенных без всякого порядка домов и бараков и довольно красивые минарет и мечеть.

Эти города обычно отличаются от селений только управлением и базаром, куда является много бухарских купцов за товарами, которые они вывозят за пределы страны.

В Миankале расположены Кермине, Пенджшамбе, Зияуддин, Хатырчи, Катта-курган, Янги-курган, Карши-гельды-курган, Чалак. Находящиеся в плодородной местности, все эти города довольно обширны, богатые узбеки имеют там дома, куда отправляются летом пасти стада.

К югу от Нуратау видны Нур-атасы, Митан, Дюрт-аул, Яр-баши и Кара-казан.

Самарканд стал частью Бухарии со времени завоевания этого ханства ханом Кермине Абдуллой, знаменитым тем, что соорудил много зданий; он правил с 1557 по 1598 год.

Бухарский хан каждый год ездит в Самарканд. При своем восшествии на престол он должен воссесть в Самарканде на кукташ: это кусок голубоватого мрамора, находящийся в медресе Мирзы Улугбека. Он четырехугольной формы, полторы сажени длиной и аршин толщиной. Белая кошма покрывает этот камень. Хана поднимают три раза на этой кошме, углы которой держат *улемы, букара* (бедные), *фазала* (ученые) и *сейиды*. Говорят, что было специальное намерение сделать из этого камня трон. Камень добыт из горы Газган *.

В Самарканде насчитывается около 50 000 жителей. Мечети и медресе там красивее, чем в Бухаре: они выстроены из белого мрамора, который нашли неподалеку от этой древней резиденции Тимура. Фасады зданий облицованы глазурованными плитками, такими же, как в Бухаре, где они, говорят, менее красивы. Гробница Тимура, сделанная из яшмы, еще существует в Самарканде. В этом городе тщетно ищут остатки обсерватории Улугбека. Цивилизация Тимуридов должна была отступить перед варварством узбеков.

К северу от Самарканда находятся форты Ура-тюбе, Заамин и Джизак, где всегда содержатся сильные гарнизоны, и города Джам, Кара-тепе и Янги-курган.

Фан — маленький городок к востоку от Самарканда, недалеко от истоков реки Зеравшан, который, как говорили, не

---

* См. работу О. И. Сенковского по поводу всего, что касается истории Бухарии при узбеках [3].

образует озер до Каракуля, что противоречит сведениям арабских географов. Вдоль этой же реки расположены Фальгар, Магиан и Кштут.

К югу от Самарканда находятся Ургут, Пенджикент, Урмитан, Кара-тепе, Катилас. Ограничиваюсь лишь упоминанием о них, так как мне не указали ничего, кроме их местонахождения.

Карши, или Нахшеб, — значительный по размеру город; он лежит на главной торговой дороге. Часть караванов, идущих из Герата или Кабула, останавливается в Карши, откуда направляется к Самарканду, минуя Бухару. В Карши также хранятся куньи, лисьи и каракулевые шкурки, которые доставляются с юга Бухарии и продаются затем в столице. Из Карши вывозится много сухих фруктов, хлопка-сырца, хлопковой пряжи, табака и немного шелка.

К востоку от Карши находятся довольно крупные города Чирагчи и Гузар; возле первого раскинулись несколько ханских вотчин, около второго — обитает много полукочевых узбеков. Поэтому место правителя Гузара — одно из важнейших в ханстве. Эмир Хайдар занимал его при жизни отца. Торака, старший сын нынешнего хана, был правителем, хакимом или беком в городе Кермине, населенном по преимуществу узбеками, в большом числе живущими также в его окрестностях. Он поссорился с отцом, и тот его отозвал.

Термез, или Термуз, на Амударье — город, лежащий ныне в развалинах. Он расположен против Шермеда на левом берегу Амударьи. Там виднеются лишь груды щебня и камней, существующие же жилища построены из глины. Все доказывает, что Согдиана, или Мавераннахр, когда-то были богаче, чем нынешняя Бухария. Чтобы закончить перечисление городов Бухарии, мне остается только упомянуть о Байсуне и Ширабаде, расположенных к северу от Термеза.

Один бухарец уверял меня, что древний город Оструш находился на полдороге между Балхом и Шахрисябзом. Этот город, по утверждению бухарца, был расположен не на том месте, где арабские географы помещают область Осрушну[4].

Никто не мог дать мне сведений по поводу осрушнаской пещеры[5], откуда поднимается пар, который ночью кажется горящим. Впрочем, если Фергана переменила свое название, то таким же образом и Осрушна вполне может более не быть известной под своим древним наименованием.

Глава вторая

Исторические данные о Бухаре. — Дома. — Улицы. — Население. — Дворцы. — Мечети. — Медресе. — Караван-сараи. — Лавки. — Базары. — Бани. — Упадок Бухары

Рассказав о некоторых городах Бухарии, я приступаю к описанию столицы этой страны. Как мне говорили, название «Бухара» впервые упоминается у одного из арабских писателей X столетия. Этот автор говорит о стране Бухарии, расположенной в Мавераннахре, о том, что она в 684 году была покорена арабами, которые овладели ее столицей лишь в 699 году[6]. Почти в центре города возвышается Нумишкенд, где находится ханский дворец — одно из самых древних зданий Бухары. Это естественный холм, поднятый в высоту руками человека; он имеет высоту 35—40 сажен, и его поверхность образует усеченный конус, обнаруживая в нескольких местах стены, сделанные из высушенных на солнце кирпичей и сооруженные для придания холму более правильной формы; он очень крут, но не отвесен. Окружность основания этого усеченного конуса имеет в диаметре около 400—500 шагов. Наращивание холма было произведено в эпоху Саманидов[7]. Кажется, дворцовые ворота выстроены Рахим-ханом в 1742 году; их называют «Нагарахани»[8].

В городе Гиждуван также виден холм Кумишкенд. Слово «*кенд*» значит «местечко», «город», «деревня»; вероятно, Кумишкенд и Нумишкенд — древние названия Гиждувана и Бухары.

Бухара была весьма цветущим городом с 896 по 999 год, во время правления династии Саманидов, которые сделали ее своей резиденцией. Расположенная в очень удачном для торговли месте, она быстро разбогатела, возбудила алчность варваров, была ограблена, затем сожжена ордами Чингисхана, не разрешавшего восстанавливать ее до конца своей жизни. При Тимуре она расцвела снова, несмотря на то что этот завоеватель оказал предпочтение Самарканду, где обыкновенно пребывал. Со времени окончания господства Тимуридов в Самарканде узбекские ханы обосновались в Бухаре, и некоторые из них велели построить там мечети и медресе, начисто вытравливая в то же время любовь к наукам и искусствам и стирая следы цивилизации, чуждой нравам этих кочевых народов.

Известно, что восточные народы часто смешивают свою историю с легендами; у бухарцев также есть предание о происхождении их столицы, не лишенное, впрочем, доли истины. Рассказывают, что в окрестностях Бухары было некогда

много озер. Рыбаки, привлеченные обилием рыбы, разбогатели и вскоре превратились в земледельцев. В связи с этим население стало увеличиваться, хижины сменились домами, возник город: это и была Бухара. Прославившаяся затем и ставшая почитаемой на Востоке благодаря своим многочисленным школам, ученым муллам и погребенным в ее стенах святым, она сделалась местом паломничества мусульман. Вероятно, это и принесло ей эпитет «аш-шерифа» («благородная или святая»).

Я вычитал в одной восточной книге, что по-монгольски «бух» значит «знание», а «ара» — «сокровищница». Таким образом, о Бухаре хотели сказать, что она «сокровищница знаний».

Абулгази[9] дает этому подобную же этимологию; он говорит, что «Бухара» означает ученого человека, потому что все желающие изучить чужие языки или познать науки отправляются в Бухарию *.

Многие авторы, мнение которых разделяют наши географы, утверждают, что столица Мавераннахра называлась «Бикенд»[10] и что ее развалины еще видны возле Зеравшана в направлении к Каракулю, верстах в 30 от Бухары.

Вследствие того что оазисы Бухарии покрыты аллеями деревьев и многочисленными садами, взор не в состоянии проникнуть далеко. Поэтому Бухара становится заметной только с расстояния около 3 верст, если ехать со стороны Вабкента. Вид этот поражает европейца. Купола, мечети, высокие фасады, медресе, минареты, дворцы, возвышающиеся среди города, зубчатая стена вокруг них, пруд, расположенный возле стен и окруженный домами с плоскими кровлями или красивыми дачками, опоясанными зубчатыми стенами, наконец, поля, сады, деревья и движение, господствующее всюду в окрестностях столицы, — все способствует весьма приятному впечатлению. Но эта иллюзия исчезает тотчас же, как вступаешь в город, так как, за исключением бань, мечетей и медресе, видны только глинобитные строения сероватого цвета, нагроможденные без всякого порядка друг подле друга и образующие узкие, извилистые, грязные и проведенные кое-как улицы. Дома, обращенные фасадами во двор, представляют со стороны улицы сплошь однообразные стены, без окон, без чего-либо, что могло бы привлечь внимание и порадовать прохожих. Все, что встречается в

---

* Вот что можно прочесть по этому поводу в географии Хаджи Хальфы (стр. 351 константинопольского издания, отпечатанного по-турецки): «Бухара — знаменитый город, расположенный под 97°50′ [восточной] долготы и 39°50′ [северной] широты и окруженный садами и виноградниками... Автор книги, озаглавленной «Хабиб-ус-сейяр» («Друг путешествий»), сообщает, что имя этого города произошло от слова *бухар*, что на языке неверных означает *место собрания наук*».— *Прим. г-на А. Жобера.*

этом столь населенном городе, кажется, говорит о подозрительности. На лицах жителей почти никогда не увидишь радостного выражения; никогда никаких шумных праздников, не услышишь никакого пения, музыки, ничто не показывает, что здесь когда-нибудь веселятся, ничто не обнаруживает, что город обитаем людьми, наслаждающимися приятностями жизни. Поэтому известные любопытство и интерес, которые мы ощущали сначала при виде зданий восточной архитектуры, вскоре сменились впечатлениями грусти и меланхолии.

Самые большие улицы Бухары не шире одной сажени, а самые маленькие доступны только для пешеходов, так как некоторые из них едва имеют 3—4 шага от стены одного дома до стены противоположного. Верблюды, нагруженные хворостом, занимающим много места, вынуждают прохожих даже на самых широких улицах подвергаться опасности. Улицы обычно заполнены людьми, лошадьми, верблюдами и ослами, и когда по ним едут верхом, то приходится беспрерывно кричать «пош, пош!», чтобы продвигаться вперед. Множество лошадей и верблюдов, шествующих по улицам, оставляют следы, что еще больше увеличивает их неопрятность. Некоторые улицы сохранили остатки былого великолепия, то есть, наполовину замощенные, они загромождены большими камнями, стесняющими всадников.

Дома выстроены из глины, смешанной с рубленой соломой. Чтобы придать этой смеси бо́льшую прочность, в стенах помещают, особенно по углам, столбы из тополевого дерева от 4 до 5 дюймов толщиной. Потолки делают обычно из твердого дерева и перекрывают землей так, что они образуют плоские крыши. В богатых домах потолки главных комнат покрыты досками, расписанными разноцветными красками. У людей попроще пол из гончарной глины, у богатых — из кирпичей. Фасад и окна обращены всегда во двор, на улицу ведет только одна дверь. Окна представляют собой либо отверстия, просто закрывающиеся деревянными ставнями (они всегда в нижнем этаже), либо арки, никогда не запирающиеся и лишь забранные алебастровой решеткой.

Этот вид окон пропускает очень мало света, поэтому, чтобы было хорошо видно, нужно открывать ставни. Но зимой в Бухаре мороз часто доходит до —7—8°, и помещения без печей, куда проникает воздух, холодны и сыры. Не удивительно, что ревматизм не редок в этом городе, особенно среди бедноты. Чтобы спастись от холода, бухарцы пользуются жаровнями, на которые они ставят, как в Турции, маленький деревянный стол, покрытый подбитым ватой ковром, садятся, скрестив ноги, и закрываются этим ковром до подбородка. Тепло от горячих углей предохраняет тело от холода, но писать в таком положении невозможно без риска отморозить руки.

Хотя оконные стекла и известны в Бухаре, они не в ходу и имеются только в одном доме. Жилища зажиточных людей состоят из маленьких домов, окруженных стеной. Дом, в котором мы жили, стоил 16 000 рублей, что составляет огромную сумму для этого города, тем не менее в нем не было ни железного крюка, ни гвоздя; если двери и ставни затворялись, то всегда оставались щели. Многие из наших комнат были побелены и снаружи и изнутри, а некоторые были украшены раскрашенными рисунками, сделанными по штукатурке. Все городские дома выстроены с учетом сильной летней жары: край крыши образует значительный выступ, поддерживаемый деревянными колоннами, и препятствует солнечным лучам проникать в комнаты.

Высота и толщина окружающей Бухару стены — 4 сажени. Она суживается на три слоя кверху, где ее ширина составляет только 4 фута; по бокам на определенном расстоянии находятся круглые башни и образуют выдающиеся углы, как это делают, когда сооружают бастионы. Между прочим, одна из сторон этой стены имеет более 2 верст в длину, и очевидно, что направление этих валов носит порой случайный характер и обусловлено лишь размещением домов в городе.

В Бухаре 11 ворот: Имам, Самарканд, Маназар, Карши, Сабахан, Намазгя, Шах-Джеляль, Каракуль, Ширгаран, Толпалак и Углан [11]. Все они сложены из кирпича, имеют по круглой башне с каждой стороны и обычно охраняются отрядом солдат. Они открываются при восходе и закрываются при заходе солнца.

Эмир Хайдар приказал восстановить эти ворота, их отремонтировали, сделали выше. Стена Бухары похожа на стены, окружающие большую часть городов Персии.

Однажды я совершил верховую прогулку по Бухаре и определил, что этот город имеет в окружности приблизительно 14 верст [12]. Мне сообщили, что в нем около 8000 домов и до 70 000 жителей [13], три четверти которых таджики, в основном ремесленники. Остальное население состоит из узбеков, евреев, татар, афганцев, калмыков, индусов, а также купцов из соседних стран, некоторого числа паломников, персидских и русских рабов и незначительного количества негров и сияхпушей.

Евреи занимают в Бухаре 800 домов; они рассказывают, что пришли сюда из Самарканда лет 700 тому назад, покинув Багдад.

Из всех азиатских городов евреев больше всего в Бухаре, и ее можно считать основным местом их расселения в этой части Востока. В Мешхеде — 300 еврейских домов, в Шахрисябзе — 30, в Балхе — столько же, в Самарканде и Герате — только 10, в Хиве — 4, в Бадахшане, Коканде и Кашгаре еврейского населения нет.

В Бухаре евреям дозволено жить только на трех улицах; среди них всего два богатых капиталиста, остальные живут в довольстве и в большинстве случаев являются владельцами заводов, красильщиками, торговцами шелком-сырцом и шелковыми материями.

Евреи в Бухаре утверждают, что с ними обращаются здесь лучше, чем в других азиатских городах. Впрочем, их все же презирают и притесняют: правительство требует с них довольно большие налоги. Например, еврей, собственник дома, должен в месяц платить налог в размере 40 тенег (3 рубля банковскими ассигнациями). Достигнув 16 лет, еврей, обладающий средним состоянием, ежемесячно платит 2 теньги, бедный — половину этой суммы. Это приносит эмиру приблизительно 24 000 рублей дохода в год.

В городе евреям запрещено ездить верхом и носить шелковую одежду. Их головной убор должен иметь опушку из черного бараньего меха шириной только 2 дюйма. Им не разрешают строить новую синагогу, но предоставлено право ремонтировать старую.

Впрочем, эти унизительные для евреев законы те же самые, каким должны подчиняться еврейские и христианские подданные в Оттоманской империи, где подобные законы действуют в течение очень долгого времени.

У бухарских евреев очень красивая голова, слегка продолговатое лицо, необыкновенно белый цвет кожи, большие живые и выразительные глаза. Узнав, что бухарское правительство опасается приезда посольства с его многочисленным конвоем, они рассматривали нас как посланцев неба, которые, быть может, явились затем, чтобы облегчить их страдания.

Как же должны были надеяться наши соотечественники-рабы. Несчастье всегда так доверчиво и так склонно к надежде!

Евреи страшатся скомпрометировать себя в глазах бухарцев. Всякий раз, попадаясь нам навстречу, они приветствовали нас предупредительно, дружески, но тем не менее с опаской.

Бухарский раввин, родом из Алжира, еще немного помнивший испанский язык, рассказывал мне, что, прибыв в Бухару, он нашел своих единоверцев в состоянии глубочайшего невежества: только очень немногие умели читать. Они располагали лишь двумя экземплярами священного писания, и в его рукописях заключались только три первые книги Пятикнижия. Раввин уверял меня, что рукопись не старше 100 лет и ничем не отличается от печатного текста. Этот алжирский еврей, старец, исполненный ума, чуть не плакавший от радости, что встретился с европейцами, не упускал ничего, чтобы распространять образование среди сво-

их единоверцев: он основал школу и выписывал книги из России, Багдада и Константинополя. В настоящее время все бухарские евреи умеют читать и писать и изучают талмуд. Старый раввин бесконечно наслаждался, слушая, как я читал выдержки из сочинения Вениамина Тудельского, которое у него оказалось; он называл этого автора Массул Вениамин[14]. Бухарские евреи воздерживаются от некоторых обычаев, предписанных талмудом, например они не моют курицы в горячей воде перед тем, как ее варить, не отрезают волос у невесты и не возлагают ей на голову особый род фаты во время свадебного обряда.

В Бухаре насчитывается около 3000 татар, русских подданных по рождению; это по большей части преступники и дезертиры. Иные явились сюда искать счастья, а человек 300 занимаются изучением религии.

Число афганцев в Бухаре сильно возросло с 1817 года благодаря прибытию эмигрантов из Кабула, бежавших от происходивших на их родине смут. Их насчитывается около 2000.

В Бухаре живет несколько сот калмыков. Некоторые из них владеют землей возле города, но большинство — военные. За последние четыре-пять лет число индусов в Бухаре сильно выросло: около 300 — коммерсанты, часть которых прочно осела там, часть же уезжает и приезжает с караванами из Кабула. У них на лбу и между глаз оранжевое или красное пятно: у одних — вертикальное, у других — горизонтальное, в зависимости от секты, к которой принадлежат. Большинство этих индусов из Мултана и Кабула, некоторые приезжают из Шикарпура и привозят индиго, называемое ими «нил», кашмирские и персидские шали; последние закупаются в Кабуле.

Среди купцов представители всех стран, прибывающие в Бухару по различным делам: там можно встретить купцов из России (за исключением татар), немного кокандцев и ташкентцев, персов, но нет ни китайцев, ни тибетцев. Встречаются иногда кашмирцы, отличающиеся прекрасной фигурой. У одного из них, высокого и хорошо сложенного, были черные гордые глаза, орлиный нос, великолепная борода. Я ему сказал, что он похож на красивого еврея, и он был очень недоволен, как этого и следовало ожидать. Тем не менее я оказался прав: сходство было столь поразительно, что при виде этого человека легко можно согласиться с мнением тех, кто рассматривает кашмирцев как еврейских колонистов.

Я видел в бухарских караван-сараях несколько афганцев из восточных горных частей страны. Эти люди отличались прекрасной фигурой, весьма выразительны, но дики. Если их спросить, из какой они страны, то услышишь грубый ответ,

содержащий богохульства. Эти афганцы, точно так же как и киргизы, игнорируют распоряжения полиции. Один афганец, раб бухарца, сбежал в караван-сарай, где находилось несколько его соотечественников. Хозяин вскоре обнаружил его и захотел вернуть обратно. Афганцы избили бухарца и подняли грандиозный переполох. Несмотря на появление нескольких полицейских, бухарцы вынуждены были покинуть караван-сарай. Поведение этих афганцев доказывает их смелость в чужой стране; кроме того, они были по-своему правы, ибо мусульманам воспрещается иметь рабов из числа правоверных, а афганцы такие же сунниты, как и бухарцы.

Афганцы, о которых я только что говорил, одеты иначе, чем кабульцы: они закутываются в длинный кусок холста, как римские сенаторы в свои тоги. Помимо этого они, хотя и являются мусульманами, бреют себе только макушку, волосы их очень длинны около ушей и на затылке, поэтому бухарцы называют их «кяфирами» («неверными»).

Являющиеся в Бухару паломники-нищие, очень хорошо, но странно одетые, напоминают колдунов-шаманов; они кривляются и подделываются под безумных, потому что народ приписывает известную степень святости тем, чей рассудок расстроен.

У каждого знатного человека есть рабы, чаще всего персы; во время нашего пребывания в столице в их числе был только один сияхпуш, не знавший еще местного языка. Русских рабов — около десяти. Многие откупились и стали заниматься ремеслами; их презирают, как «неверных». Искренность тех, кто принял ислам, весьма подозрительна. В общем, число находящихся в Бухаре рабов составляет несколько тысяч.

Замечательным зданием в городе является ханский дворец; бухарцы его называют «арк». Говорят, что он был построен Арслан-ханом более десяти столетий назад. Он расположен на возвышенности и окружен стеной высотой в 10 сажен, имеющей лишь одни ворота; вход сделан из кирпича и с каждой стороны имеет по башне около 15 сажен в ширину, каждая из которых когда-то была украшена зелеными глазурованными плитками; некоторые из них еще видны. К воротам примыкает большой коридор, своды которого имеют весьма древний вид. Через коридор можно попасть на вершину холма, где находятся глинобитные дома, принадлежащие хану и его двору. Это огороженное пространство вмещает мечеть, жилище хана и его детей, гарем, окруженный садом и скрытый деревьями, здание, где работает и дает аудиенции куш-беги, и еще одно, где он живет, что является признаком высочайшего благоволения, и, наконец, помещения для охраны и рабов, конюшню и пр.

Аисты устроили себе гнезда на вершине башен, находя-

щихся у ворот, что не соответствует представлению европейца о дворце восточного владыки.

После вечерней молитвы дворцовая стража удваивается, большие ворота запираются одновременно с городскими.

Минарет Мир-Араб мне кажется самым красивым памятником архитектуры города. Эта башня построена по повелению Тимура, а по другим данным, Кызыл-Арслан-ханом. Она находится между мечетью того же имени и главною мечетью, или *меджиди-калан*. Мир-Араб имеет высоту 30 сажен, а его основание около 12 сажен в окружности; он сужается кверху, и его пропорции создают очень приятное впечатление. Кирпичи, из которых он выстроен, положены со вкусом и, несмотря на свою древность, прекрасно сохранились. В Бухаре насчитывается 360 мечетей; они расположены рядом или против каждой из существующих в городе медресе.

Архитектура мечетей разнообразнее, чем медресе. Впрочем, все постройки по форме сводов носят следы мавританского стиля. Нефы некоторых из них сведены в своды только к концу; в других в середине помещен купол; наконец, третьи располагают ярусами аркад, простирающихся вдоль четырех стен, тогда как вымощенный большими каменными плитами внутренний двор остается открытым. Мечеть Намазгя, в полуверсте от города, построена из кирпичей и расположена в саду, окруженном стеной; последняя очень высока, а возвышение, на которое взбирается мулла, красиво, на здании нет крыши, и вмещает оно только сотню человек, прочие же размещаются в саду внизу лестницы, ведущей в мечеть, которая состоит из одного фасада.

Самая большая мечеть — напротив дворца, на базаре и на большой площади, называемой «Регистан». Наиболее разукрашен фасад главной мечети. Разноцветные плитки расположены так, что составляют разнообразные букеты цветов и даже содержат несколько изречений из Корана. Преимущественный цвет этих плиток — синий, надписи же выложены белыми. Я видел несколько куполов, покрытых зелеными плитками, и букеты цветов из желтых, синих и зеленых черепиц.

Помимо больших мечетей существует много маленьких, построенных из глины, а частично из кирпича.

Медресе мало отличаются одно от другого. Это обычно двухэтажные здания, имеющие форму параллелограмма: постройки расположены вокруг двора; по ширине они разбиты на две комнаты, из коих у одной окно и дверь обращены на двор, у другой — на улицу. Верхняя часть портала обычно покрыта штукатурным орнаментом и цветными плитками и, возвышаясь над стеной, поднимается выше, чем все остальное здание. Середина каждого крыла во внутреннем

дворе обычно имеет подобное украшение. Красивее и богаче других разукрашено расписными плитками медресе Субхан-кули-хана, умершего в Бухаре в 1702 году. Можно отметить еще медресе Мир-Араб, Абулгази и Абдул-Мумина, бухарского хана в 1650 году[15]. У этого медресе цоколь сделан из белого резного мрамора и доставлен по воде из Самарканда.

Самое крупное медресе — Кукельташ, состоящее из трех, одно из которых называется медресе Аль-Нассар-ильчи. Эта школа обязана своим сооружением щедротам императрицы Екатерины II, пославшей для этого 40 000 рублей. Жители Бухары говорят об этой великой государыне исключительно с чувством уважения и обожания[16].

Своды порталов медресе нередко имеют трещины из-за частых землетрясений, которым подвержены эти страны.

Я видел в 6 верстах от Бухары медресе, мазар и кладбище Чахарбекр; мне это здание представляется самым красивым в Бухаре и ее окрестностях. Это большое здание, к которому пристроены два крыла, образующие две мечети, увенчанные куполом.

В Бухаре существует 14 караван-сараев[17], а именно: Абдулла-Джана, Куш-беги, индийский, ногайский, Ходжа-Джуйбар, Ташкентский, Каршинский, Мирагуль, Эмирский, Куллата, Фишана, Данкулла-шира и два ургенчских; эти последние — самые маленькие. Самый большой из них — Абдулла-Джан-сарай — построен в 1819 году. Все они сооружены по одному и тому же плану, и их постройки расположены квадратом вокруг двора. На каждой из сторон имеются комнаты или лавки, над которыми обычно возвышается еще этаж. Плата за комнату составляет примерно 16 рублей в месяц. Несмотря на незначительный размер, они служат одновременно и амбаром и местом жилья. Так как караван-сараи (по большей части) основаны на средства, завещанные на благочестивые дела, или вакуфы, то доходы с них принадлежат медресе или муллам, настоятелям мечети.

Я знал в Бухаре татарского купца, который нанимал склад в одном караван-сарае, а жил в другом, где он нашел комнату более теплую и менее сырую, чем та, где он держал свои товары. Я имел случай убедиться, насколько неприятно находиться в караван-сарае: из комнаты в комнату шныряют праздношатающиеся с целью поболтать и убить время. Это неудобство обитатели караван-сарая вынуждены терпеть, потому что обычай не дозволяет отказывать кому-либо в приеме.

Значительное число лавок доказывает, что Бухара — город коммерческий и густонаселенный. Независимо от складов, находящихся в караван-сараях, большие сводчатые здания с несколькими входами хранят сотни шкафов, стоя-

щих в ряд один за другим и наполненных только шелковыми материями, сотканными в городе. Каждому купцу принадлежит один или несколько из этих шкафов. Другое подобное здание содержит маленькие кельи, в которых купцы раскладывают на столах чужеземные товары; далее видны богатые и драгоценные индийские, персидские и русские парчи, персидские, русские, английские и индийские набойки, предназначенные для соблазна прекрасного пола. Ежедневно к 11 часам утра товары доставляют в эти лавки, а в 3 часа пополудни — уносят. Их упаковывают в тюки, некоторые из коих весят до 8 пудов, или 320 фунтов; один человек за небольшую плату относит их на спине за версту или более в караван-сарай, где складывает в амбар, принадлежащий купцу.

В Бухаре можно видеть улицы длиной в полверсты, по обеим сторонам которых стоят лавки: один ряд заполнен исключительно женскими туфлями, другой — москательными товарами и ароматическими веществами, наполняющими воздух благовониями, третий — драгоценными камнями, обычно небольшой ценности, например бирюзой из Персии, татарскими рубинами из Бадахшана и Аравии, золотыми диадемами, украшенными посредственной бирюзой для киргизок. Одни своды забиты сухими фруктами и табаком, иные — засахаренными фисташками, розовыми или зелеными сливами, виноградом, гранатами, дынями, развешанными вдоль стен на камышовых подвесках. Между этими амбарами размещаются съестные лавки, где готовится плов, часто окрашиваемый в желтый цвет шафраном, и другие блюда, приготовляемые из рубленого мяса.

Некоторые лавки располагаются в палатках всевозможных расцветок, как, например, в одной из частей Регистана, вокруг большого бассейна. Остальная часть этой площади служит рынком для продажи дров, овощей, риса, ячменя, джугары, хлопковых семян, кунжутного масла, верблюжьего корма, приготовленного из выжатых кунжутных семян, наконец, для сбыта всевозможных фруктов, хлеба, свечей и всего, что нужно для повседневных потребностей многочисленного населения. Ввиду того что Регистан является часто посещаемым местом, там приводятся в исполнение приговоры: здесь вешают преступников и выставляют головы врагов, убитых в сражениях.

Во время моего пребывания в Бухаре шесть воров, рабов персидского происхождения, и два таджика были повешены на виселицах; головы хивинцев, узбеков из Коканда, окрестностей Балха и других были разложены на столбах или выставлены напоказ на земле подле виселиц. Привыкшие к подобным зрелищам местные жители продолжают свою торговлю, не обращая никакого внимания на эти ужасаю-

щие картины. Точно так же вели себя и наши солдаты, хотя видели подобное впервые.

На других площадях продаются бумажные материи, крашеные холсты, сено, рубленая солома и все, что пригодно для корма лошадей. Есть перекрестки, покрытые большими сводами, поддерживаемыми толстыми колоннами. Под этим кровом располагаются торговцы крашеным шелком, вышитыми тюбетейками, лентами, ножами, огнивами, плохим чаем, лошадиными попонами, кольчугами и пр.

Бани выстроены из кирпича; они состоят из многих сводчатых комнат, расположенных вокруг большого прямоугольного чана, наполненного водой, что облегчает посетителям возможность пользоваться банями. Эти комнаты, освещенные маленькой лампочкой, напоминают наши тюрьмы. Как и в Турции, бани нагреваются снизу таким образом, что пол становится почти горячим. Общественных бань 14, и все они обширны.

В Бухаре насчитывается 68 водоемов; это маленькие резервуары, окружность которых приблизительно 120 футов. Туда спускаются по дюжине ступеней из тесаных камней. Вода там стоячая; она обновляется посредством канала, который пересекает весь город и сообщается с водоемами различными разветвлениями.

Из всего видно, что Бухара была когда-то более цветущей страной, чем теперь. Медресе и мечети частично разрушаются или плохо содержатся: я видел широкие трещины в сводах совсем нового медресе. Это приписывают землетрясениям, но я думаю, что здесь скорее следует винить невежество нынешних архитекторов. В 12 верстах от Бухары, со стороны Вабкента, на Зеравшане, существует весьма древний кирпичный мост, состоящий только из одной арки: он разрушился и не был восстановлен. Каменные ступени, ведущие в водоемы, сломаны, и их починкой никто не занимается. Предано забвению изготовление лазурных изразцов, которые украшают общественные здания. Не выстроено ни одного нового здания, которое бы обнаруживало вкус или свидетельствовало о богатстве. Часть самых красивых улиц Бухары загромождена камнями, которыми они были когда-то вымощены. Наконец, частные дома, из которых только старые имеют цоколь, доказывают, что эта столица не так богата и не столь хорошо содержится, как это было в прежние времена.

Глава третья

Население Бухарии. — Узбеки. — Таджики. — Туркмены. — Арабы. — Калмыки. — Киргизы. — Каракалпаки. — Афганцы. — Лезгины. — Цыгане. — Русские и персидские рабы

Бухарский народ разделяется на две основные группы: одна — победившая и господствующая, другая — побежденная и подчиненная. Первую составляют узбеки, вторую — таджики. Последние рассматривают себя как первоначальное население страны и происходят, вероятно, от древних согдийцев. Таджики отличаются коренастой фигурой, европейскими чертами лица, красивым цветом кожи. Они значительно менее смуглы, чем персы, и черноволосы.

Узбеки, утверждающие, что они явились из окрестностей Астрахани, как об этом также сообщает Абулгази, разделяются на много племен, из которых наиболее значительное в Бухаре — мангыт: оно делится на кара-мангыт, фок-мангыт и ак-мангыт. Члены этого племени кичатся своей принадлежностью к нему, и из него же происходит хан. Основные племена узбеков — джабу, карлук, калмак, мангыт, найман, китай, кипчак, кырк, джай [18] и минг.

Помимо узбеков и таджиков в Бухаре обитают туркмены, арабы, калмыки, киргизы, каракалпаки, афганцы, лезгины, евреи, цыгане и, наконец, несколько тысяч персов, бо́льшая часть которых является рабами. Трудно, я думаю, встретить ма́ленькое государство, которое включало бы в себя такое множество национальностей.

Мы уже говорили о том, что узбеки похожи и на татар и на калмыков. Они расселились преимущественно в окрестностях Самарканда, Бухары, Каракуля, Карши, Гузара и в Миankале.

Туркмены в отличие от узбеков имеют более широкое лицо и более коренастую фигуру, поэтому они скорее похожи на калмыков. Самое сильное племя у них — теке; все они кочевники и предпочитают жить на левом берегу Амударьи, от Карши до хивинской границы. Правый берег севернее Ёйчи [19] покрыт песками, и поэтому здесь нет пастбищ. Орошение вдоль Амударьи во многих местах легкоосуществимо, и туркмены выращивают здесь в больших количествах рис, который требует много воды.

Поля, расположенные недалеко от Мерва, они считают слишком ограниченными; это позволяет думать, что число туркменов-земледельцев растет. Они не так богаты, как киргизы; у них нет крупных стад: самые значительные — не более 60 лошадей, зато они ценятся гораздо дороже киргизских. Туркменские начальники называются беками и платят ушр

и зякет бухарскому хану, к которому относятся враждебно и не очень стараются уплачивать упомянутые налоги, являющиеся выражением подчинения данного племени какому-нибудь правителю. Если Российская империя, согласившись, например, оказывать покровительство Малой и Средней киргизской орде, защищает их против любого нашествия со стороны, то она могла бы требовать с них эти налоги, предписанные Кораном.

Арабы поселились в Бухарии в то время, когда халифы овладели этой страной. Их можно распознать с первого взгляда по смуглому цвету лица; живут они в селениях, часть которых расположена в окрестностях Бухары. Некоторые арабы — кочевники, прочие же ведут полукочевой образ жизни и бродят около Карши и в окрестностях Термеза. Многие арабы-земледельцы располагают стадами, которые пасут в степях; они — главные поставщики знаменитых каракулевых шкурок.

Бо́льшая часть бухарских калмыков происходит от орд Чингисхана, прочие же калмыки — торгоуты, которые в 1771 году покинули берега Волги, причем несколько семейств поселилось в Бухарии. Первые почти совсем забыли свой язык и между собой говорят по-татарски; их можно узнать только по физиономиям. Они известны своей храбростью, восприняли обычаи узбеков и живут среди них в особых селениях в Миankале и других районах Бухарии.

Киргизы, живущие в Бухарии, пришли из Малой и Средней орды искать счастья в новых пустынях. Не боясь далеких расстояний, они периодически возвращаются в родные степи, чтобы через некоторое время покинуть их снова. Подобные долгие и утомительные путешествия никогда не пугают этих людей, которым свойствен бродячий образ жизни. Кочевник располагается всюду, где находит свободное место. Мы видели киргизов на северо-востоке Бухарии, около Карши, на севере Миankаля, где они приходят в соприкосновение с каракалпаками, которых считают соотечественниками.

Часть афганцев и лезгин в Бухаре происходит от заложников, взятых Тимуром. Мне передавали, что в этой стране есть также китайцы подобного же происхождения. Лезгины весьма немногочисленны; они живут вокруг Самарканда и еще говорят на родном языке. Об этом я узнал в Бухаре от одного армянина, понимающего по-лезгински.

Происхождение цыган, или зингари, называемых в Бухарии «мазане», не выяснено с достоверностью. Их можно встретить во всех частях страны; как и в других местах, они ворожат и занимаются продажей лошадей; объединенные в таборы, они влачат жалкое существование. Когда бухар-

ская полиция была менее сурова, их женщины открывали лица и торговали своим телом.

Низкий и скрытный характер заметен у бухарцев, так же как и у всех восточных народов, стонущих под игом деспотизма.

Лицо таджика всегда выражает самые совершенные кротость и безмятежность... Таджики деятельны, трудолюбивы и имеют немалые способности к различным профессиям: они — купцы, ремесленники и земледельцы; кочевая жизнь не доставляет им никакой радости. Большинство умеет читать и писать, и, кроме духовенства, составляют наиболее цивилизованную часть бухарского населения.

Узбеки, весьма воинственны; эта черта характера выработалась у них вследствие частых столкновений с соседями. Любой узбек считает себя победителем. Такую точку зрения они унаследовали от турецкой расы. Правда, это нередко порождает высокомерие, но одновременно говорит и о благородстве...

Я слышал от узбеков горькие жалобы на то, что хан запрещает им мстить хивинцам за грабежи их соотечественников. «Нам стыдно, — говорили они чужестранцам, — что мы допускаем так оскорблять себя. Мы воины, мы смелы, у нас превосходные кони, и если бы хан позволил нам мстить тем, кто на нас нападает, мы сумели бы убить, разорить или взять в плен хивинцев, как мы это делали лет десять назад...»

Отличаясь друг от друга во многих отношениях, таджики и узбеки имеют много общего... Многие узбеки ведут торговлю, особенно правительственные чиновники. Соблазн наживы и жажда богатства способствуют росту их продажности и увеличивают неправосудие. Более того, доносы, интриги, зависть, столь распространенные при восточных дворах, оказывают на нравы ханских фаворитов пагубное влияние; они владеют искусством тонкого обмана и униженного раболепия, если этого требуют обстоятельства.

В стране, где ложь расценивается как талант, недоверие как обязанность, притворство как добродетель, не могут существовать радости искренней дружбы, неизвестны откровенность и доверие.

В высшей степени трудно исчислить население страны, где обитают столь разнообразные народности, часть которых кочевники; здесь никогда не производилось никакой переписи. Чтобы предложить в этом отношении нечто удовлетворительное, мы советовались в Бухарии со всеми, кто мог снабдить нас сведениями, способными обосновать наши соображения. Возделываемая часть ханства может быть определена в 4800 кв. верст, или в 300 кв. миль. Если допустить, что каждая из последних обладает населением в 5000 душ,

как в богатейших областях Италии, то окажется, что в Бухарии 1,5 млн. жителей, живущих земледелием, или полукочевников, и обитателей городов. Прибавив к этому приблизительно 1 млн. кочевников, найдем, что население Бухарии состоит более чем из 2 млн. душ.

Вот так может быть [приблизительно] распределено это население: всего 2 478 000.

Узбеки	1 500 000
Таджики	650 000
Туркмены	200 000
Арабы	50 000
Персы	40 000
Калмыки	20 000
Киргизы и каракалпаки	6 000
Евреи	4 000
Афганцы	4 000
Лезгины	2 000
Цыгане	2 000

Глава четвертая

Сельское хозяйство. — Леса. — Охота. — Рыболовство. — Скотоводство. — Горное дело

Сельское хозяйство в Бухарии — важнейший источник народного богатства; его многочисленная и разнообразная продукция удовлетворяет нужды населения и обеспечивает торговлю. Эта отрасль была бы более цветущей, если бы характер и нравы жителей страны, привыкших к кочевой жизни, не противились ее улучшению. В то же время важнейшее препятствие, тормозящее развитие сельского хозяйства, заключается в недостатке воды, тогда как природные условия почвы и климат требуют обильного орошения. Более современные методы севооборота могли бы ликвидировать эти затруднения, но как можно надеяться на усовершенствования, если просвещение не проникает в страну, если продолжают следовать рутине, которая ведет к подражанию, рабскому труду? Здесь ничего не изобретают, а слепо и упрямо отвергают самую полезную практику и новые методы.

Рост всей промышленности неизбежно замедляется в государстве, где правительство часто творит несправедливости и где власть в руках людей, которые занимаются только тем, что притесняют подданных. Впрочем, привычка к подобному положению вещей делает ее менее тягостной: восточные люди стонут под игом, не думая о возможности лучшего будущего.

Земледелие, которым обречены заниматься рабы, в Бухаре значительно производительнее, чем в других местах, по причине необыкновенного плодородия почвы и небольшой площади участков, как правило крайне раздробленных, что облегчает надзор за рабочими.

Существует пять видов земельной собственности: 1) государственные имения, самые значительные; 2) *хараджи*, земли, из-за которых издавна идет тяжба между государством и частными собственниками, уступленные последним за небольшой денежный оброк; 3) поместья, пожалованные за военную службу; 4) *мильк*, или частные владения; 5) *вакуфы*, или завещанные угодья.

Государственные имения, так же как многие другие земли, сдаются в аренду, и правительство взимает по $^2/_5$ со снимаемого арендаторами урожая.

Оросительные каналы, без которых земли не были бы плодородными, выведены из рек. Всюду, куда нельзя провести каналы, земля остается невозделанной. Чтобы оросить поля, недостаточно выкопать рвы: нужно сочетать их ширину и глубину с расстоянием, на какое желают провести воду, с высотой района, где канал кончается, с массою воды, необходимою для орошения земель на всем их протяжении. Вот почему в Бухаре встречаются глубокие каналы шириной более сажени и другие, не такие глубокие; прочие выводятся из последних, и некоторые из них не имеют даже двух футов глубины. Эти каналы легко затягиваются песком или глиной; тогда их выгребают, а землю свозят на поля, расположенные в низинах. При этом заботятся, чтобы сохранялся положенный уровень между полями и каналами. Некоторые земли до такой степени пропитаны солью, что почва их покрыта беловатой коркой, они могут превратиться в бесплодные поля, если их землю не смешать с землей лучшего качества. Таковы трудности, которые могут быть преодолены лишь упорным трудом. Работы по очистке каналов, поднятию или понижению уровня полей, удобрению земель занимают у земледельцев всю зиму, с декабря по март. Каналы очищаются под наблюдением мираба, назначаемого, как в Египте, правительством.

Во время высокого стояния воды, или с декабря до середины марта, и летом, когда в горах тают снега, начинаются оросительные работы. Объем их зависит от высоты уровня полей, количества воды в каналах и от того, сколько воды нужно для орошения. Оросительными работами руководят мирабы. Поэтому несправедливости и притеснения сопровождают предоставление того количества воды, которое является решающим для успешного выполнения полевых работ.

Землю также удобряют. Но так как землепашцы распо-

лагают незначительным количеством скота из-за отсутствия лугов и дороговизны сена, навоза не хватает. Да еще бухарцы употребляют навоз в качестве топлива вместо дров. Навоз разбрасывают на полях только после появления всходов и когда поля уже политы, чтобы вода нисколько не ослабляла его полезного воздействия. Железо и дерево очень дороги в Бухарии. Сельскохозяйственные орудия довольно хорошего качества: борона представляет собой большую доску шириной примерно в 2 фута, проткнутую толстыми гвоздями, острие которых слегка загибают; плуг, обычно запрягаемый быками, состоит только из дышла, прикрепленного к куску дерева, конец которого сделан из куска железа в форме сердца, иногда литым и очень широким. Повозки снабжены только двумя очень высокими колесами, весьма тяжелыми: они не окованы, и ими пользуются лишь для сельскохозяйственных работ, перевозки земли с одного поля на другое и доставки урожая хозяину. Эта повозка удобна тем, что не опрокидывается при переезде через небольшие каналы. Кокандские купцы пользуются подобными телегами для перевозки своих товаров в Бухару; отсюда можно сделать вывод, что перевал через горы, находящиеся между Самаркандом и Ходжентом, должен быть не очень трудным.

Поля поделены на *танабы*[20], площадь каждого 3600 квадратных шагов; их стороны, обсаженные травой, образуют небольшие грядки, которые легко прокапывать для того, чтобы вода одного из таких делений стекала в другое. Стоимость земли колеблется от 200 до 2000 рублей ассигнациями за танаб, в зависимости от качества почвы, сложности ее орошения и близости к большим базарам и крупным городам. Обычная цена — 600 рублей.

Пшеницу сеют осенью, жнут в июле, затем поле обрабатывают под горох, который собирают в том же году. Кроме обыкновенного гороха существует еще иной сорт под названием «маш»: он черноват и мельче чечевицы. Маш, составляющий главным образом пищу бедняков, продается очень дешево. Когда узбек хочет поиздеваться над бедняком таджиком, то дает ему насмешливое прозвище «питающийся машем»; в отместку таджик называет кочевника-узбека «питающийся крутом» (сыром), то есть тот, у которого нет даже хлеба. Вместе с машем обыкновенно сеют кунжут или же загар — разновидность сезама, семена которого идут на приготовление масла. Бухарцы возделывают также бобы, которые они называют «лубия»*. Ячмень сеют от 1 до 10 марта, а убирают раньше пшеницы; он заменяет овес, который в Бухаре не употребляется. Джугару (*Holcus saccharatus*)

---

* Лубия — название, которое дают фасоли на общераспространенном арабском, персидском и даже армянском языках.— *Прим. г-на Жобера.*

сеют в середине марта, а урожай снимают в конце июля после проса и пшеницы; ее семена белого цвета, величиной с маленький мучнистый горох и идут в пищу лошадям, которые быстро тучнеют, но не становятся столь сильными, как если бы их откармливали овсом или ячменем. Эти зерна идут также на приготовление муки, которую бедняки примешивают к пшеничной при выпечке хлеба. Стебель джугары имеет в высоту приблизительно пять футов и дюйм толщины у корня, листья ее длиной в один фут; это растение является превосходным кормом для домашних животных. Вот почему ее сеют часто второй раз в конце лета и снимают недозрелой.

Джугара любит сырую местность и теплое время года. Нужно, чтобы ее ростки отделялись один от другого промежутком по крайней мере в один фут. Танабы обычно окружают джугарой и несколькими рядами конопли, семена которой, так же как и хлопка, употребляются для приготовления масла.

Джугара, пшеница и дыни более всего истощают почву.

Хлопчатник сеют в конце марта в танабах, с которых уже снята джугара; коробочки его собирают до первого снега, трижды в год. Затем эту землю оставляют отдыхать до следующей осени.

Рис культивируют только в Миankале, в большом количестве, но плохого качества. Его доставляют из Шахрисябза и даже из Индии. Индийский рис пользуется большим спросом. Ввиду того что в бухарском оазисе нет лугов, там сеют в танабах быстро растущую траву, которую косят четыре-пять раз в год, складывают в снопы и продают вместо сена. Эта трава весьма питательна и растет почти круглый год.

В Бухаре очень много садов, плоды которых главным образом потребляются внутри страны, а также вывозятся за границу. Большие сады обычно разделяются на несколько участков: в одном — плодовый сад, в другом — виноградник, в третьем — огород, в четвертом — цветник с прекрасными фруктовыми деревьями и беседкой, расположенной обычно подле небольшого квадратного пруда, к которому прорыты каналы, предназначенные для поливки сада. Эти сады отличаются правильной формой: одни аллеи тянутся вдоль ограды, другие ведут к беседке; они окаймлены цветами и кустарниками. Здесь и розы всевозможных оттенков, и лиловые ирисы, и астры, и мальвы, и маки, и гвоздики, и даже подсолнух. Что касается кустарников, то я видел только бульдонеж и стручковатый багрянник, или иудино дерево. Видно, что бухарцы знают только немногие сорта цветов и декоративных кустов. В марте сады представляют собой восхитительное зрелище благодаря множеству персиков, абри-

косов и иудиного дерева, цветущих там одновременно. Я видел около Бухары также вишни, яблони, айву, грушу, сливу, винные ягоды и гранаты. Плоды этих деревьев очень сладки, но слишком водянисты и лишены аромата.

Виноград — самых различных сортов, между прочими кишмиш, или бескостный виноград. Виноградные и гранатовые кусты зимой закапываются в землю.

Манна весьма изобильна в Бухаре и употребляется для различных блюд и варений. Ее находят по утрам после росы, подобно белой пыли, на *тикане* — растении, в большом количестве произрастающем в степи вокруг Карши. Для сбора манны расстилают полотно и трясут над ним куст, сбрасывая таким образом беловатую пыль. Манна называется в Бухаре «теренджебин», сироп, приготовляемый из нее, — «руста». Фунт манны стоит приблизительно 35 копеек.

Мы нашли в Бухаре много известных в Европе огородных растений, таких, как брюква, свекла, капуста, консервировать которую бухарцы не умеют, репа, короткая и крупная морковь, лук, огурцы и превосходнейшие дыни с зеленой поверхностью и белой мякотью. Картофель и артишоки в Бухаре неизвестны.

В западной части страны нет лесов. Строительный лес добывается в горах, лежащих в районе Самарканда, где его собирают в плоты, которые спускают по Зеравшану до Бухары и Каракуля. Все деревья, какие встречаются в оазисах, посажены или посеяны и вырастают очень быстро; это — ивы, тополя, платаны, фруктовые, тутовые деревья и еще одно очень большое дерево, листва которого густа, а древесина тверда. Оно отменно украшает сады; по-персидски его называют «гуджум» или «гуджум нарба». В Бухаре не употребляют иного топлива, кроме веток различных деревьев и кустарников, доставляемых из соседних пустынь, где их вырывают вместе с корнями.

Охота принадлежит к числу немногих развлечений бухарцев. Посредством силков они охотятся на куниц и лисиц, шкурки которых отправляют в Россию. Имея только фитильные ружья, бухарцы ружейной охоте предпочитают охоту с помощью хищных птиц, а также гончих собак; последние, обычно черные с длинной шерстью на ушах, напоминают крымских собак.

Ничто столь не поражало бухарцев, как то, что мы попадали в птицу на лету или убивали нескольких одним выстрелом. Они восхищались, повторяя свое излюбленное «Барак алла! Барак алла!» («Да благословит бог!»). Удивление бухарцев было естественно: они никогда не видели дробь и еще потому, что для выстрела им требуется несколько минут: они ложатся на землю, кладут свое ружье, обычно очень длинное, на вилку, находящуюся рядом, и затем при

помощи пружины ударяют несколько раз фитилем по полке, пока не последует выстрел.

Рыбная ловля незначительна: на базарах Бухары продается рыба, доставляемая из Амударьи или озера Каракуль.

В Бухарии много скота. Быки невелики и не так сильны, как у киргизов. Вследствие ли общего всему Востоку вкуса или из экономических соображений в Бухаре предпочитают баранье мясо: только его и находишь на базаре. Среди узбеков славится род кунграт тем, что разводит самых крупных баранов той же породы, что и у киргизов, с широкими и жирными хвостами, называемыми курдюками. Другая порода баранов — та, про которую утверждают, что она происходит из Аравии. У них курчавое руно и кроме маленького хвоста есть еще длинный, волочащийся хвост. Из этой породы добываются черные каракулевые шкурки *, продающиеся от 10 до 16 рублей ассигнациями за штуку, и серые — до 50. Бараны в Бухаре дороже, чем их продают киргизы в пограничных районах России. Последние приводят их за сотни миль в Бухару, где продают примерно по 16 рублей ассигнациями за голову. На вырученные деньги они покупают шелковые халаты, грубые бумажные материи, пшеницу, ячмень, джугару, горох и продают с барышом в степи то из них, что им не нужно.

Туркмены доставляют в Бухару жеребцов-производителей. Эти крупные и быстрые кони, называемые «аргамаками», служат предметом исключительных забот: их почти всегда покрывают двумя широкими попонами, быть может, от этого их кожа становится гладкой и блестящей. Каждое утро, когда вельможи являются с приветствием к хану, можно видеть у ворот бухарского дворца до 30 этих коней, покрытых великолепными попонами. Они продаются от 800 до 2500 рублей ассигнациями за голову.

Туркмены, владея большим количеством скота, снабжают Бухару маслом, доставляемым в бараньих бурдюках.

Бухарцы не занимаются разработкой металлов, которые, без сомнения, имеются у них в горах: они покупают их в России. Золото в незначительных количествах добывается из песков Амударьи и Дарваза. Я думаю, что его нет в Зеравшане, хотя название последнего означает реку, несущую золото. Драгоценные камни составляют небольшую статью торговли с Индией и Персией. Ляпис-лазурь привозят из Бадахшана; какой-то татарин показывал мне кусок, найденный в Нуратау. Квасцы и серу добывают в окрестностях Самарканда; самые лучшие квасцы привозят из Мешхеда.

---

* В оригинале: шкурки недоношенных ягнят.— *Прим. переводчика.*

Глава пятая

Внутренняя торговля. — Монеты. — Вес. — Меры. — Заводы. — Ремесла. — Искусство

Предметом внутренней торговли Бухарии служат главным образом продовольственные товары, товары, выделываемые в стране, и продукция промышленности и сельского хозяйства, производимая за границей.

Бухарцы мало пользуются предметами роскоши и имеют ограниченные потребности. Ассортимент товаров их внешней торговли гораздо шире, чем внутренней.

В Бухарии коммерческий суд заменяют аксакалом, или «белой бородой». Этот чиновник старается примирить стороны; а если это не удается, то дело доходит до куш-беги, который с помощью аксакала решает его в последней инстанции.

Этот министр пользуется слишком большим благоволением хана, чтобы у последнего возникло иное мнение, чем у куш-беги, и слишком влиятелен, чтобы кто-нибудь осмелился стать его врагом.

Приблизительная стоимость бухарских монет сравнительно с русскими и французскими
(при этом расчете ассигнационному рублю придается средняя стоимость в 100 сантимов)

Бухарская монета	Русская монета	Французская монета
Золотая тилля	16 руб. ассигнациями	16 франков
Серебряная теньга	76 коп. медью	76 сантимов
Медный пул	1,38 коп.	1,38 сантима

Как видим, у бухарцев существуют золотые, серебряные и медные монеты. Первая, называемая «тилля», стоит 16 рублей, или 21 теньгу, изготовляемую из серебра. Теньга равна 55 пулам, монетам из желтой меди. Крупные суммы исчисляются в тиллях, прочие — в теньгах и пулах. Семь тилля весят столько же, сколько десять тенег; следовательно, стоимость серебра в Бухарии относится к золоту, как 1 : 14,7. 75 тилля весят столько, сколько 100 голландских дукатов. При этом немного теряется на расходы по чеканке, доходы с которой принадлежат правительству. Ханы всегда умели извлекать из этого бо́льшую выгоду, чем это допускалось.

В правление Абулфайз-хана тилля подешевела на теньгу,

при его преемнике Абулмумине, или Рахим-хане, — на две, и на три теньги при Абулгази-хане. Так как даже самый жестокий деспотизм не в состоянии добиться установления принудительного курса неполноценной монеты и так как в дальнейшем ее перестали вообще изготовлять, отец нынешнего хана приказал чеканить ее полноценной пробой. Сын последнего следует примеру отца[21], взимая 2% за чеканку тенег и полтеньги — за чеканку тилля. Чтобы обеспечить как можно больший доход, он принуждает своих подданных доставлять принадлежащее им серебро на монетный двор, где его перечеканивают, причем с них еще взыскивают пошлину. Тилля нынешнего хана имеют различные надписи, содержащие названия титулов, которые последовательно присваивал себе этот государь. Вот они: падишах Мир-Хайдар, то есть император Мир-Хайдар; эмир-уль-муминин Мир-Хайдар, то есть глава правоверных Мир-Хайдар; сейид Мир-Хайдар, то есть потомок Мухаммеда Мир-Хайдар; эмир Даниал Ма'сумигази, то есть эмир Даниал, любимец бога и защитник веры (хан приказал поместить эту надпись, чтобы почтить память своего деда); Абулгази эмир Хайдар падишах, то есть отец защитника веры, эмир Хайдар — император, и, наконец, Ахмед бай бек Ма'суми-газы.

С оборотной стороны монеты надпись: «Зуриба Бухараи шериф», то есть «чеканено в благородной святой Бухаре», и год хиджры[22].

Тилля тяжелые и больше, чем дукаты; теньги величиной в 50-сантимовую монету, но несколько толще; пулы — того же размера; из желтой меди их стали чеканить лишь с 1816 года, когда они заменили медные пулы, ныне называемые «кара-пул» («черный пул») и стоящие $^1/_{24}$ часть теньги. Для изготовления монеты металлический слиток делится на маленькие кружки одинакового веса, которые затем чеканят. Но исполнение чеканки несовершенное, и оттиск редко приходится на середину.

Ученые исследования г-д Келера[23] и Френа[24] уже познакомили нас с большим числом древних монет Бактрии и Мавераннахра; я отсылаю читателя, который заинтересуется этим вопросом, к работе первого «Серапис» и второго — «Описание Азиатского музея СПб. Академии наук». Большая часть этих монет встречается в развалинах, которые еще до сих пор заметны на берегах Амударьи. К счастью, в Бухаре начинают поиски этих монет для продажи в Россию, и монетных дел мастера переплавляют их лишь в небольшом количестве.

Монета, именуемая «тилля», весит мискаль — это самая малая мера веса в Бухаре.

Бухарский локоть называется «хазе», его длина 1,5 аршина (1,07 *м*). *Фарсах* содержит, говорят, 1200 хазе, что мне

Бухарские меры веса сравнительно с русскими и французскими

Бухарские	Русские	Французские
Батман весит 8 сиров *	8 пудов	131,104 *кг*
Сир — 8 чарыков	1 пуд	16,388 *кг*
Чарык — 4 нимча	5 фунтов	2,048 *кг*
Нимча — 107 мискалей	1 ф. 24 золотника	512 *г*
Мискаль	1,12 золотника	4,78 *г*

* Один батман приблизительно равняется половине груза, поднимаемого верблюдом.

кажется сомнительным, так как фарсах будет тогда эквивалентен 12 верстам; этот расчет слишком велик, судя по расстоянию от Бухары до мазара Бахауддина, которое исчисляется в один фарсах[25].

Кар имеет около 4,5 аршина (3,21 *м*), и им пользуются при измерении грубых бумажных материй; длина его определена с достаточной точностью.

Выше говорилось о земельной мере, называемой «танабом»: он содержит площадь 3600 шагов.

Во всей Бухарии нет ни одной большой фабрики; ни на одном заводе не работают одновременно более четырех-пяти рабочих.

Работа над одним из главных продуктов страны — хлопком — требует много рабочих рук, особенно для отделения волокна от семян. Это производится посредством маленькой деревянной машины в один фут вышины и полтора — ширины, состоящей из двух цилиндров толщиной в один дюйм, помещенных очень близко друг к другу; их поворачивают в одном и том же направлении при помощи ручки. Хлопковую коробочку помещают очень близко к этим цилиндрам, и вследствие вращения они отделяют семена от волокна, так как семенам не остается пространства для выхода. 40 фунтов хлопковых коробочек дают 10 фунтов волокна, из которых получается около 20 каров материи. Очисткой хлопка обычно занимаются женщины, оплачивающие данным трудом свое содержание на женской половине.

Часть этой бумажной материи переходит к красильщикам, другая — к печатникам, а третья отправляется за границу. Наибольшая часть потребляется в стране, где все население одевается в хлопчатобумажные ткани.

В Бухаре выделываются два сорта шелковых материй, качество которых отличается содержащимся в них количеством шелка. В каждый из них привносится хлопковое волок-

но. Одна из этих материй покрыта разноцветными полосами по рисункам, часто заимствованным с русских тканей. Другая — разных расцветок, накладываемых одна на другую, среди которых господствует красный цвет. Последняя ткань совершенно в бухарском вкусе: ее ткут из шелковых ниток различных цветов, расположенных на определенных расстояниях. Крашение этих тканей значительно удорожает их. Чтобы выткать их, бухарский рабочий протягивает из одного конца комнаты в другой шелковые нитки, сосчитанные и разделенные сообразно намеченному рисунку. Сидя у одного края, он при помощи челнока пропускает поперек шелковые и бумажные нити и пользуется для их сближения ткацким гребнем. Этот способ работы, довольно похожий на европейский, дает в результате крепкие ткани, имеющие в общем прочную окраску.

Туркмены поставляют в Бухару полосатые попоны для лошадей, посредственные шерстяные ковры, ткани из верблюжьей шерсти, войлочные материи из козьей шерсти, заменяющие плащи, и черкеллы — сорт ткани хорошего качества.

Красильщиками работают евреи, которые ведут также торговлю крашеным шелком. Чаны, коими они пользуются для своих манипуляций, обыкновенно находятся на уровне пола. Некоторые краски должны прокипеть, другие — только быть нагретыми. Более всего они употребляют индиго: им пользуются даже для окраски в черный цвет или скорее в густой темно-синий, так как у них нет настоящего черного цвета. Сандаловое дерево, расходы по перевозке которого из Оренбурга в Бухару повышают его стоимость на 100%, также служит для окраски в синий и коричневый цвета. Так как изготавливаемая из него краска быстро выцветает, ее не употребляют для шелковых материй. Кошениль используется только для окраски шелка; чтобы он воспринял краску как можно лучше, его замачивают в растворе квасцов (*заг*) в течение 12 часов. С целью сделать краску наиболее красивой кошениль смешивают с тройным количеством *бусгёнча*: это маленькие желтоватые семена, которые, говорят, находят на фисташках. Они растут наподобие чернильного орешка. Бусгёнч привозят из Мешхеда и платят за него по теньге за фунт. *Испраик*, род *дельфиниума*, или *генисты*, доставляемый из Шахрисябза, кипятится в воде и дает желтый цвет; им пользуются также для окраски шелка, который нужно вымачивать в растворе квасцов в течение четырех-пяти часов, для того чтобы пристала краска. Для получения белого цвета употребляют некоторые части саксаула, называемые «ишкар» *.

* Вероятно, корень, именуемый по-персидски چمن — *чохан*. Им обычно пользуются в Турции и Персии, чтобы отбеливать шали. Автор настоящего примечания привез из Азии несколько кусков этого полезного и недорогого

Кипятят местное бухарское растение гули-махсар для извлечения из него розовой краски. Темно-красный цвет получается путем отвара ветвей кустарника под названием «рузан», который смешивают затем с кошенилью. Бухарцы, быть может, и в наши дни пользуются для окраски средствами, когда-то бывшими в употреблении у красильщиков Индии и Бактрии, славившихся этим родом промышленности.

Искусство кожевенного дела в Бухаре находится еще в зачаточном состоянии: кожа лишена какой бы то ни было прочности, поэтому туда доставляют в большом количестве красные кожи из России, которые пользуются широкой известностью даже в Европе. Впрочем, в Бухаре делают превосходную шагреневую кожу всех цветов; ее особенно употребляют для изготовления калош или туфель, которые бывают всегда зеленого или черного цвета, а также для сабельных ножен и футляров для ножей. Производители шагреневой кожи используют шкуры баранов, козлов и ослов, оставляя их мокнуть в воде в течение нескольких дней. Когда они хорошо размягчатся, их вынимают и засыпают зернами проса, которые затем вколачивают в кожу ударами молота. После этого кожу сильно растягивают и оставляют сохнуть в продолжение нескольких месяцев, потом выравнивают ее поверхность при помощи острого ножа и вымачивают в той краске, цвет которой желают ей придать. Места, где было просо, разбухают; приготовленную таким образом кожу сушат и натирают маслом, чтобы придать ей блеск и цвет. Эта шагрень называется в Бухаре «саури».

Несколько бухарских мастеров отлично приготовляют булатную сталь и делают превосходные ножи без шарниров. Большие ножи лучшего качества стóят от 1 до 3 тилля и приготовлены из клинков сломанных сабель, из которых наиболее тонкие привозят из Индии. Бухарскую саблю можно купить за 1 тилля; хорошие персидские сабли продаются в десять раз дороже.

Слесари здесь почти не заняты, так как замки, щипцы и другие мелкие железные предметы привозят из России. Вообще, ввиду того что железо дорого, его очень берегут. Например, при постройке домов опоры бывают в высшей степени легкими и вместе с тем очень хорошими.

Котельщики, по-видимому, имеют много работы, если судить по грохоту, который они беспрерывно производят.

Ювелиры оправляют в серебро ножи, сабли, перстни, в золото — уборы для киргизок и приготовляют украшения

вещества, имеющего свойство придавать интенсивный блеск материи, не ухудшая ее качества. Его употребляли с большим успехом на заслуженно известных фабриках г-на Терно.— *Прим. г-на Жобера.*

для конской упряжи и седел. Хорошо им удается только последний вид работы.

Токари держат свой инструмент в правой руке, в то время как левой вращают кусок дерева, который собираются обработать. Мне кажется, что турки также используют этот способ, ибо я встречался с ними в Крыму, где они оставили много следов своего пребывания. Эти токари, несмотря на свою ловкость, не умеют изготовить ничего сложного.

Столяры изготавляют двери, колыбели и сундуки, самые красивые из которых отделаны шелковыми полосами.

Башмачники и сапожники, весьма многочисленные в Бухаре, довольно искусно выполняют маленькими гвоздиками рисунки на подошвах толстых бухарских калош. Они же изготавляют для женщин красивые сапожки из пестрого бархата местного производства.

Бухарские пекари, так же как персидские, придают хлебу круглую форму, делают его толщиной лишь около сантиметра и пекут в больших сосудах, к стенкам которых их прилепляют. Вместо дров они используют густую траву, растущую в степях и известную в России под названием «бурьян».

В двух кирпичных заводах, находящихся возле Бухары, эту траву заменяют другим, менее дорогим топливом.

Оружейники выделывают ружейные стволы из стали, но не умеют еще изготовлять запальники, и все их ружья фитильные.

Вышивальщики и особенно вышивальщицы имеют весьма много работы. Бóльшая часть маленьких шапочек, которые мужчины носят под чалмой, вышиты шелком; так же украшены даже кожáные воротники, пояса, подкладки и другие предметы. Для бухарских женщин вышивка служит приятным времяпрепровождением: они вышивают для своих мужей красивые шелковые платки, которые украшают стихотворными отрывками из произведений Хафиза[26], долженствующими выразить их сердечные чувства.

Изящные искусства процветают в Бухаре еще менее, чем ремесла: в этом повинно главным образом влияние ислама, законы которого запрещают воспроизводить изображения живых существ. Поэтому живопись и скульптура никак не могут достигнуть здесь совершенства.

Имеются два-три художника, топорно малюющих на стенах зданий причудливые изображения разнообразных цветов. Краски их очень ярки, преимущественно бросаются в глаза ляпис-лазурь и позолота.

Эти живописцы являются одновременно и переплетчиками: они умеют довольно искусно украшать крышки переплетов гирляндами и другими рисунками и делать на них оттиски букв так, как это практикуется с давних времен в Европе. Запрет иметь изображения одушевленных существ про-

будил у бухарцев желание обладать ими. Я видел в Бухаре экземпляр «Шах-наме», украшенный 50 рисунками, сделанными в Кашмире на пергаменте и изображающими сюжеты из этой поэмы. Контуры грубы, позы натянуты, но детали переданы с удивительным старанием; все в этом произведении подчеркивает низкий уровень искусства, рабского и неискусного подражания природе, лишенного грации и благородства. Некоторые из этих рисунков весьма скверно скопированы бухарскими художниками, которые тем не менее продают свои произведения довольно дорого; особенным спросом пользуются непристойные картинки.

Скульптура сводится к искусству высекать каменные параллелепипеды, которые ставят на могилы. Прекрасные мечети, построенные в Самарканде в эпоху Тимура, и мечеть Абулгази в Бухаре имеют цоколь, облицованный белым мрамором, на котором высечены гирлянды. Эти прекрасные произведения искусства воспринимаются нынче как чудо, которое не сможет более повториться.

В мое время в Бухаре существовал только один резчик по дорогому камню: это был кашмирец. Искусство полировать камни хотя и известно, но еще весьма несовершенно.

Современные бухарские здания не имеют никаких достоинств в отношении архитектуры. Нынешние архитекторы, вероятно, не способны сконструировать постройки с такими большими и изящными сводами, как у тех мечетей, которые насчитывают три-четыре столетия и восхищают Бухару.

Итак, из сказанного явствует, что бухарцы умеют изготовлять только самые простые ткани, что они превосходные мастера крашения, что их кожи, кроме шагрени, плохи, что их изделия из булатной стали ниже персидских и что, в общем, искусства и ремесла у них находятся в жалком состоянии.

Но в возделывании земли бухарцы обнаружили величайшие понимание и активность. За землей ухаживают с поразительной заботливостью; нет ни клочка земли, оставшейся без обработки. Бухарцы отправляются на большие расстояния в поисках земли для повышения или понижения танаба; перевезенной землей пользуются для поднятия плотин и загородок вокруг обрабатываемых участков.

Рабочие руки очень дешевы: носильщики берутся за несколько пулов перетащить за версту груз весом в 320 фунтов. Через несколько дней после нашего приезда подле сада, где расположился наш конвой, в 2 верстах от города, собрались люди, ожидая, что им поручат какую-нибудь работу, и являлись в любую непогоду, чтобы заработать несколько грошей. В течение зимы, которую я провел в Бухаре, хорошая погода вызывала жалобы сапожников. Работая целый день, они зарабатывали лишь 45 пулов. Хлеб, необходимый

для пропитания самого бедного человека, стоит более половины этой суммы, а еще нужен рис — более чем на 10 пулов. Таким образом, при полном отсутствии мяса у таких ремесленников остается только 25 копеек в день на одежду и квартиру. Этот ничтожный заработок мог бы благоприятствовать организации фабрик, если бы не низкий уровень просвещения бухарцев. Впрочем, все согласны, что деятельность последних носит тот же характер, что у евреев и татар: она направлена единственно на торговлю. Бухарцы испытывают огромное отвращение ко всему, что требует большого напряжения физических сил[27]. Поэтому-то носильщики вербуются из числа горцев-пришельцев. Те же, кто носит на поля землю,— рабы, среди которых наиболее ценятся русские за их крепкое сложение и упорство в работе.

Глава шестая

Внешняя торговля. — Торгашеский дух бухарцев. — Исторические замечания о торговле Бухары с Россией. — Состояние торговли. — Торговля бухарцев с Кашгаром, Кашмиром, Афганистаном, Индией, Персией, Кокандом и Ташкентом

С незапамятных времен торговля содействовала установлению и развитию взаимоотношений между различными государствами Средней Азии, особенно когда долгое время после походов Александра, войн бактрийских царей и опустошений со стороны парфян, то есть с III до VII века (226—638), Мавераннахр переживал период покоя.

Могущество халифов и огромное пространство их империи могли оказывать лишь благоприятное воздействие на торговые сделки. Особенно Бухара разбогатела при Саманидах, и торговля с соседними народами и даже с Китаем приняла с тех пор невиданный размах. Счастливый результат был вызван благодетельным влиянием ламаизма на диких монголов. Предписания этой религии, учившей кротости, терпению и самоотречению, произвели необычайно выгодное изменение в нравах и характере этих народов, которое способствовало укреплению спокойствия среди людей и установлению прочной основы для развития права собственности.

Цветущая торговля этого государства, прерванная опустошениями Чингисхана, оживилась только спустя два столетия благодаря заботам Тимура, который оказывал свою мощную поддержку караванам и содействовал собиранию полезных сведений торговцами и путешественниками, коих он отправлял в Европу, Аравию, Индию и Китай.

В то время Бухару начали посещать купцы из всех соседних государств, и она стала, таким образом, центром сред-

неазиатской торговли и торговли Востока с Западом. Несмотря на многочисленные перевороты, происходившие в результате частых перемен в этих странах, мы видим, однако, что торговля в них ведется всегда по одним и тем же дорогам. Еще со времен Александра определялся великий путь, которым и нынче следуют караваны, идущие из Бухары через Самарканд в Кашгар и проходящие через Коканд (Фергана арабских авторов) и Тахти-Сулейман.

Древний торговый путь между Индией и Трансоксанией был таким же, каким эта страна пользуется в наши дни. Атток, Пешавар, Кабул — главные его этапы. Наконец, дороги, которых держались в средние века и посредством которых установилось сообщение с Мавераннахром, Бухарией и Астраханью, — те же, которыми бухарские караваны следуют и теперь. Таким образом, географическое положение, природные условия, климат и производительность соседних государств, так сказать, создают или по меньшей мере облегчают обширную торговлю, всегда обогащающую страну. К этим естественным преимуществам Бухары прибавляется жажда обогащения, распространенная у жителей этой страны более, чем у прочих татар. Таджики также имеют склонность к торговле: они вкладывают в свои торговые операции столько же ума и активности, сколько бережливости в свой образ жизни. Эти различные причины объясняют, почему Бухара сделалась по преимуществу торговой страной.

Стремление к богатству [в Бухарском ханстве] столь сильно, что важные государственные чиновники со страстью предаются торговле и с легкостью пренебрегают предрассудком, согласно которому торговое сословие достойно меньшего уважения, чем военное. Начиная с хана, каждый предпочитает денежные подарки всем прочим: жадность к деньгам превосходит всякое представление. Кто мог бы вообразить, например, что во время первой же аудиенции, предоставленной г-ну Негри великим визирем, содержание беседы касалось исключительно стоимости подарков, которые должен был вручить поверенный в делах, и что первый министр умолял Негри не утаивать ничего из того, что русский император послал хану!

Кроме того, где золото могло бы быть более в чести, чем в стране, где богатство заменяет добродетель? Богатый бухарец именуется беком, то есть обладает титулом, внушающим уважение или по крайней мере показывающим, что его носитель пользуется огромным авторитетом.

Правительство не взимает никакой пошлины с вывозимых из страны товаров, с привозных же требует пошлину, правда очень умеренную. Торговля почти везде совершенно свободна...

Наиболее важная для Бухарии торговля — та, которую

она ведет с Россией, потому что эта империя является главным и почти единственным местом сбыта бухарской продукции и, кроме того, потому что многие товары, вывозимые из России, питают транзитную торговлю, которую ведут бухарцы.

Анализ отношений между Бухарией и Россией, который мы попытаемся сделать ниже, покажет, что они завязались еще в глубокой древности, а расширение этих отношений началось со второй половины XVIII столетия.

Различные востоковеды считают, что около середины VIII столетия торговля проложила себе путь из Индии к Балтийскому морю через Бухарию и Россию. Арабские авторы упоминают о городе Бухаре как о главном центре во времена торговли хазаров с арабами, покупавшими у них главным образом меха, янтарь и женщин.

В своем научном труде Лерберг[28] говорит о бухарских купцах, которые до XVIII столетия приходили в Тару, Томск и Тобольск выменивать ткани на пушной товар и железо. Барон Герберштейн встречал бухарских купцов в Москве, а Ермак — в Тобольске, причем они торговали с Сибирью уже с давних пор[29].

Бальдуччи Пеголетти[30], живший около 1335 года, первым упоминает о торговой дороге из Азова в Пекин, которая проходила через Астрахань, Сару, Сарайчик и Ургенч. Без сомнения, караваны проходили через Отрар, так же как через Бухару и Самарканд, когда эти страны находились в состоянии мира.

Великий князь Василий Иванович[31] открыл торговые сношения со знаменитым Бабуром[32], последним из султанов-Тимуридов Мавераннахра, далеко распространившим торговлю своих государств. Царь Иван IV[33] поддерживал сношения с джагатайскими ханами и дал согласие на путешествие Дженкинсона, посланного в 1558 году английской компанией из Москвы на восток от Каспийского моря. Дженкинсон обнаружил, что торговля Бухарии с Россией была довольно значительна. Если не считать путешественника или, может быть, путешественников, известных под именем Вениамина Тудельского, Дженкинсон был первым европейцем, доставившим сведения о Бухаре: он сообщает о множестве индийских, персидских и московских купцов, прибывавших в эту страну и привозивших товары из-за границы.

При Борисе Годунове[34] в Москву приезжали несколько бухарских и хивинских посланцев: задачей их миссии было только развитие торговли.

С этого времени бухарские купцы получают привилегии в России, а Алексей Михайлович[35] пожаловал подобные привилегии также индусам, торговавшим с Астраханью.

Труд, опубликованный в Санкт-Петербурге в 1792 году

под заглавием «Книга Большому Чертежу»[36], описывает старую русскую карту, вероятно составленную в XIII столетии и заново вычерченную в 1627 году. В сочинении содержатся географические подробности о Мавераннахре и киргизской степи. Эти сведения любопытны, так как показывают, что московское правительство, имея довольно верное представление об этих странах, поддерживало сношения со Средней Азией.

Петр Великий проявлял слишком живой интерес ко всем сторонам управления своей империи; не осталась без его внимания и торговля России с Бухарией. Я не буду говорить о несчастном походе князя Бековича-Черкасского, связанном с экспедицией генерала Лихарева. Последний прошел вдоль Иртыша, миновал Нор-Зайсан, а затем, пройдя еще три дня, потерял ориентир в этих обширных пустынях и вернулся назад. Он был счастливее Бековича. После его трагической гибели сложилась русская поговорка: «Пропал, как Бекович».

В это время Петр I стремился овладеть знаменитым золотым рудником Василькара около Ургенча и построить несколько крепостей на Амударье, чтобы обеспечить русской торговле легкое и надежное сообщение со Средней Азией и Индией. Говорят, что Петр Великий даже предложил бухарскому хану подчиниться России, чтобы избавить его таким образом от беспокойств, доставлявших хану неповинением его народов. Известно, что Петр I предполагал учредить прямое сообщение между своим государством и Индией и хотел для достижения этой цели подчинить киргизов. Но смерть государя помешала осуществлению этого проекта.

Начиная с Петра Великого, русское правительство продолжало проявлять интерес к торговле с Азией, главную часть которой составляла торговля с Бухарой. Переход в русское подданство в 1734 году Средней и Малой киргизских орд при ханах Семеке и Абул-хайре *, постройка крепости Оренбург в 1742 году, заложенной ранее (в 1735 г.) на другом месте, имели чрезвычайно важное значение для торговли обеих стран. Русские купцы направлялись со своими караванами в Бухару и Хиву, но слишком частые нападения, имевшие место в киргизской степи, а также ограбление большого русского каравана в Хиве в 1753 году отпугивали их от опасной торговли.

Впрочем, хивинцы продолжали торговать с русскими: последние учредили в 1762 году в Астрахани купеческую компанию для торговли с Хивой. В том же году в Россию прибыл хивинский посланник. В 1793 году туда явился другой

* Хан [Средней] орды Абуль-Мехмед, преемник Семеке, подписал присягу на верность России только в 1740 г.[37].

посланник, и тогда же императрица Екатерина II отправила к хивинскому хану врача Бланкеннагеля, который опубликовал краткое описание ханства[38]. Торговые сношения России с Хивой с тех пор продолжались почти без перерывов. В 1820 году г-н Муравьев, ныне полковник, был командирован в Хиву генералом Ермоловым; он вернулся в полном здравии, избежав серьезных опасностей, неизбежных в путешествиях такого рода.

После того как в 1762 году бухарский караван был ограблен армией Пугачева на границе Оренбургской губернии, хан отправил в Россию посольство (1775). С того времени до 1819 года 11 бухарских посланцев приезжали один за другим в Россию. Каждый из них жил в России по нескольку лет. Они добивались различных льгот для своей страны, собирали данные о запросах потребления в империи. С того времени торговля обеих стран значительно расширилась, особенно в результате быстрого сбыта хлопка и кашмирских шалей.

Перейдем к нынешнему положению торговли между Россией и Бухарой. Следует думать, что перенесение в 1817 году Макарьевской ярмарки в Нижний Новгород[39] приостановит прибытие бухарских караванов в Россию, потому что по крайней мере $^9/_{10}$ товаров, доставляемых этими караванами, продаются именно на этой ярмарке и где, кроме того, бухарцы покупают русские товары. Впрочем, бухарские караваны всегда направляются к различным таможням, расположенным вдоль нашей границы между Каспийским морем и Петропавловском.

Чтобы сократить дорогу от Бухары до Нижнего Новгорода, нужно бы было пройти Хиву, Сарайчик, Астрахань и подняться по Волге. Но этот путь, довольно неудобный из-за недостатка воды для больших караванов, предполагает сверх того дружественные отношения между хивинцами и бухарцами, каковые, к несчастью, часто нарушаются. Самая длинная дорога проходит через Петропавловск; бухарцы пользуются ею лишь тогда, когда они имеют твердые основания опасаться, что будут ограблены киргизами Малой орды или хивинцами на пути из Троицка или Оренбурга. Я говорю: твердые основания, так как угроза ограбления существует всегда.

Троицк — таможня, к которой нынче направляется большинство караванов из Бухары, потому что железо и медь там дешевле, чем в других русских городах, с которыми они имеют сношения с 1803 года. Частые грабежи киргизов на дороге от Оренбурга внушают бухарцам такой ужас, что они совсем перестали по ней ездить. Только благодаря заботам оренбургского военного губернатора генерала Эссена был наведен порядок среди киргизов Малой орды, и поэтому бу-

харцы снова начали водить свои караваны из Оренбурга через Астрахань, что гораздо короче. Связи бухарских купцов с русскими таможенными чиновниками, а равно расположение мест, где находятся аулы киргизских проводников и их родня, также влияют на маршруты караванов. Бухарские купцы обычно делят свои товары на две части: одну из них поручают киргизам, у которых нанимают верблюдов, а другую, состоящую обыкновенно из наиболее ценных вещей, вроде золота, серебра, шелковых тканей и шалей, нагружают на своих собственных верблюдов и формируют отдельный караван. Они держатся отдельно от киргизов и для того, чтобы избегать ссор с этими грубыми людьми, всегда готовыми обидеть робкого по природе купца-таджика. Киргизы, в свою очередь, объединяются в группы, называемые «кошами»; они отправляются с товарами в свои аулы и рассеиваются. Однако в назначенное время они приходят в степь, где их ждут владельцы товаров.

Срок прибытия и отхода караванов, как идущих в Россию, так и возвращающихся оттуда, варьируется в зависимости от благоприятного для прохождения каравана сезона и продолжительности нижегородской ярмарки, которая обычно открывается в середине июля и заканчивается примерно 20 августа.

Купцам требуется какое-то время для окончательных расчетов, транспортировки товаров к пограничным таможням, найма верблюдов и сборов к поездке. Таким образом, караваны покидают Бухару в мае, а русские границы — в октябре и даже в ноябре. В этом месяце снега в степи, соседней с Оренбургом и Троицком, часто бывают очень глубокими, и караваны вынуждены высылать вперед всадников, чтобы проложить путь своим нагруженным верблюдам. Все бухарские купцы путешествуют верхом, только слуги едут на верблюдах. Даже из числа проводников-киргизов по крайней мере треть состоит из всадников, настолько шаг верблюдов неприятен и утомителен для сидящих на них. Погода в октябре и ноябре бывает порой так плоха, а бураны так сильны, что караваны должны останавливаться, чтобы переждать ураганы, которые иногда продолжаются более трех дней.

Обычный груз верблюда — 18 пудов (288 *кг*), а цена за перевозку 1 пуда может составлять от Троицка до Бухары приблизительно 6 рублей ассигнациями, а от Орска до Оренбурга — 5 рублей 50 копеек.

Так как киргизы обычно тратят два месяца на преодоление пути от русских границ до Бухары, то в декабре в Бухаре оказывается много киргизских верблюдов, хозяева которых хотят как можно скорее вернуться домой. С этого времени они условливаются с бухарскими купцами о перевозке

в Россию товаров из расчета 40—50 рублей за верблюда. Тогда они проводят с этими товарами остаток зимы в своих аулах. Это смешение доверия и опасений весьма примечательно и могло бы дать повод думать, что киргизы, как и многие другие народы, взятые в отдельности, стóят больше, чем если они объединены в орды.

Бухарские купцы, посылающие свои караваны в Россию, возмещают расходы только по возвращении, то есть в январе, когда они подготавливают новое путешествие. Это является одной из причин, заставляющих бухарского купца заключать сделки такого рода лишь на половину своего капитала; другую половину он тратит на закупку товаров в то время, когда они обычно дешевле всего. Например, весной — бумажную ткань, зимой — хлопчатобумажную пряжу, изготовляемую исключительно женщинами. Наконец, он принимает все меры к тому, чтобы суметь заработать на отъезде киргизов в январе, и извлекает большую прибыль, при этом не рискуя более чем половиной своего капитала.

Ниже приводится список товаров, которые бухарцы обыкновенно посылают в Россию, и количество их, предъявленное в Оренбургской таможне в 1819 году:

Название		Число, вес, мера
Ревень		10 пудов
Хлопок		16 813 »
Хлопчатобумажная пряжа из Шахрисябза, Самарканда, Миankаля, Джайдара		18 928 »
Белая хлопчатобумажная ткань (бязь)		20 410 кусков по 23 аршина
Цветная ткань		Кусок около 24 *м*
Выбойка и буяк, или по-татарски «бахата»		151 600 кусков
Хлопчатобумажные драпировочные ткани бухарские, каршинские, индийские		2 414 »
Одеяла		242 шт.
Хлопчатобумажные шапки		141 »
Пояса		2 917 »
Бирюза		12 000 »
Ляпис-лазурь		7 пудов
Корень марены		30 »
Куньи шкурки		1 081 шт.
Лисьи шкурки двух видов		8 450 »
Каракулевые шкурки, или узбекские мерлушки из Данадара, Кирпюка, Шибаргана		64 825 »
Волчьи шкуры		0
Сухие фрукты	абрикосы	15 пудов
	сливы	2 пуда
	дыни	14 пудов
	финики	7 »
	кишмиш	197 »
	шаптала или персики	452 пуда

Фисташки, засахаренные в манне	7,5 пуда
Фисташки	8 пудов
Чай	4 пуда
Цитварное семя	20 пудов
Ткани шелковые полосатые	408 »
То же с хлопчатобумажной ниткой	97 »
Шелковые платки	268 шт.
Шапочки	200 »
Халаты шелковые	183 »
То же с хлопчатобумажной ниткой	247 »
Ковры	5 »
Шали обыкновенные	54 »
Шали кашмирские	77 »

Бухарцы, привезя свои товары в русские таможни, продают там малую толику местным перекупщикам, которые сбывают их в розницу, главным образом татарам и башкирам, обитающим по соседству. Остальные товары они везут в Нижний Новгород и там продают оптом фабрикантам и купцам.

Бухарцы пользуются в России привилегией торговли в пограничных азиатских городах, а с 1807 года и на трех ярмарках: в Нижнем Новгороде, Ирбите и Коренной.

Из невыгодных последствий, которые были результатом этой льготы, отметим, что она сократила розничную торговлю в наших пограничных городах, поставила бухарцев в известность о действительной цене товаров, которые они везут из России, а также помешала русским купцам извлекать, как ранее, большие выгоды при коммерческих сношениях с бухарцами.

Эти выгоды нельзя будет восстановить, если даже бухарцев лишат права торговать внутри России. Но так как Бухара для сбыта своей продукции не имеет иного места, кроме России, то ее можно было бы заставить приносить русским более существенные прибыли, чем те, какие она предоставляет сейчас. Торговля с этой страной не идет ни в какое сравнение с торговыми операциями, которые осуществляет Россия с Западной Европой. Дело в том, что если бы Российская империя создала, например, препятствия для вывоза своих продовольственных товаров в Европу, то последняя начала бы вывозить такие же продукты из Пруссии, Швеции, Канады. Кроме того, континентальная и запретительная система Бонапарта[40], какой бы она ни была гигантской, содействовала во многих отношениях росту в Европе числа и активности фабрик, тогда как бухарцы главную массу товаров могут получать только из России, ибо недостаток просвещения в Бухаре препятствует дальнейшему развитию мануфактурной промышленности в этой стране.

Всякий бухарец, который приносит присягу на верность

России и состоит русским подданным, может свободно торговать в этой империи. Это право оставляет лазейку для ряда злоупотреблений. Бухарцы используют многих из своих соотечественников, ставших русскими подданными, чтобы продавать свои товары не только в местах, предназначенных для этой торговли, но также по всей России. Другой, не менее вредный результат состоит в том, что бухарские купцы, хорошо зная территорию России, часто занимаются контрабандой.

В то время как русское правительство щедро даровало особое покровительство торговцам из Бухарии, хан этой страны установил пошлину в 10% на товары, привозимые русскими купцами, хотя евреи и армяне платят только 5%, а мусульмане — лишь 2,5. Ясно, что такое положение рано или поздно приведет к прекращению торговли русских с Бухарой. Эти несправедливые меры должны будут рано или поздно вынудить русское правительство применить репрессалии. Бухарский хан рассматривает эту пошлину на ввозимые товары как компенсацию за ущерб, который, по его утверждению, был причинен ему русским тарифом 1817 года, по которому бухарские купцы были обложены налогом в 25%. Но, рассматривая и раскладывая налог, установленный этим тарифом по каждому виду товаров, привозимых бухарцами в Россию, приходишь к выводу, что он соответствует самое большее 5-процентному налогу, которым облагаются товары тех азиатских стран, чьи караваны проходят через Бухару.

Бухарцы обычно вывозят русские товары только на сумму, равную половине стоимости ввезенных. На другую половину они приобретают голландские дукаты и экю, испанские пиастры, а также русские серебряные рубли, несмотря на запрещение вывоза последних. Товары, вывозимые из России, состоят из кошенили, гвоздики, сахара, олова, красного и синего сандалового дерева, сукна, красных кунгурских, казанских и арзамасских кож, воска, некоторого количества меда, железа, меди, стали, золотых ниток, небольших зеркал, шкурок выдры, жемчуга, русской нанки, чугунных котлов, иголок, кораллов, плюша, бумажных платков, парчи, мелкого стеклянного товара, незначительного количества русского холста и индийской кисеи.

Прибыль, получаемая бухарцами от этой торговли, весьма велика: они исчисляют ее приблизительно в 30% с капитала, считая в том числе треть прибыли, обыкновенно предоставляемую комиссионеру, который берет на себя продажу товаров. Только небольшое число богатых бухарских купцов ездит в Россию, подвергая себя дорожным опасностям. В общем, торгуя русскими товарами в Бухарии, они выгадывают меньше, чем продавая свои товары в России. Из

этого следует заключить, что ввоз русских товаров в Бухарию почти достиг своего максимума.

Нужно, чтобы прибыли бухарских купцов оставались столь же значительными, дабы компенсировать их за частые грабежи, которым подвергаются их караваны. Впрочем, они привыкли к этой опасности, угрожающей им на всех путях, которыми следует торговля их страны.

Бухарские купцы, по словам Форстера [41], подобно индийским, ни во что не ставят свое время. Они не предписывают нанятым комиссионерам возвращаться в год отъезда и стремятся не столько получать ежегодно какую-то сумму со своего капитала, сколько продать товары примерно по намеченной ими цене. Комиссионеры выжидают благоприятного момента, и их терпение, так же как и расторопность, почти всегда увенчивается успехом. Стоимость товаров, ввозимых через Бухару в Россию приблизительно на 3000 верблюдах, может в удачный год составить до 8 млн. рублей ассигнациями. Такая сумма чрезвычайно велика для страны с населением лишь в 2,5 млн. и доказывает, насколько эта торговля важна для бухарцев. Поэтому она останется значительной до тех пор, пока культура хлопка и разведение шелковичных червей не начнут развиваться в южных губерниях России и пока отсталая промышленность Бухары не научится ткать тонкие материи, дубить кожи и, наконец, добывать железо, которое, вероятно, имеется в туркестанских горах.

Торговля значительно расширится, если на пути из Бухары в Россию прекратятся грабежи и разбой. Этот путь был бы совершенно безопасным, если бы Хивинское ханство находилось под властью России.

Независимо от большой коммерческой выгоды приобретение этого ханства способствовало бы сокращению ужасной торговли людьми, в том числе русскими подданными, которую ведут туркмены и киргизы. Оно увеличило бы также благотворное влияние России на Западную Азию и, наконец, дало бы России возможность насадить ростки и дать расшириться в этой части Азии благодеяниям европейской цивилизации.

Торговля бухарцев с Кашгаром является наиболее важной для их страны после торговли с Россией. Ее объем характеризуется 700—800 навьюченных верблюдов, которых отправляют из Бухары только в конце мая или начале июня, после таяния снегов на перевале Терек. Перевозки товаров между Кашгаром и Кокандом обычно производятся на лошадях, потому что горная дорога слишком утомительна для верблюдов.

Бухарцы везут в Кашгар те русские товары, которые они не смогли продать в Бухаре, а также те, которые иногда отправляют русские в Кульджу, Аксу и Кашгар. Это — сукно,

красивые кораллы, мелкий жемчуг, кошениль, золотая парча, бархат, золотые и серебряные нитки, выдровые шкурки из Германии, куньи меха, кожи, сахар, большие зеркала, медь, железные части для плугов, латунь, иголки, мелкий стеклянный товар, русская нанка и пр. Они привозят из Кашгара большое количество чая неважного качества, фарфоровые чашки, китайский шелк, немного шелка-сырца, ревень и ямбы — китайские серебряные монеты весом в несколько фунтов в форме подковы с круглой печатью. Иногда, отправив указанные товары домой, бухарцы с этим серебром отправляются в Большой и Малый Тибет скупать козью шерсть, которую перевозят в Кашмир, где из нее ткут шали.

Путь, по которому обычно следуют в Тибет, проходит через Кабул и Пешавар. Много татар — русских подданных отправляются из Семипалатинска в Кашмир через Кульджу, Кашгар и тибетские города.

Хлопок привозят в Кабул из Бухары, так как он плохо растет в Афганистане, но количество его значительно меньше, чем то, какое идет в Россию.

Торговые операции между Бухарой и Кашмиром осуществляются главным образом кабульскими купцами. Они вывозят из Кашмира шали и красивые покрывала из вышитого золотом сукна. Один кашмирец уверял меня, что в его родном городе 30 000 станков для выделки шалей, на которых ежегодно ткут 100 000 штук. 20 000 остаются в стране, 60 000 идут в Индию и 20 000 — в Кабул. Из них 5000 остаются у жителей Афганистана, 12 000 распространяются в Персии, Турции, Аравии и Африке. Наконец, 3000 направляются в Бухару, откуда около 2000 посылают в Россию. Понятно, что это количество ежегодно колеблется. Однако эти сведения дают представление о потреблении шалей в тех странах, где они в моде. Среди народов, имеющих сношения с Бухарой, индусы и афганцы ведут наиболее значительную торговлю. Большинство индусов прибывают из Кабула, Шикарпура, Мултана и вообще из Северного Индостана. Они привозят кашмирские шали, шелковые материи, вытканные золотом, тонкое бумажное полотно, белое или набивное (первое употребляется для чалм, второе — для подкладок), некоторое количество мелкого жемчуга и драгоценных камней и, наконец, много индиго, которое они называют «нил». Синий цвет — национальный цвет бухарцев.

Цена за перевозку грузов с берегов Синда через Кабул в Бухару составляет от 6 до 7 рублей ассигнациями за пуд. Пошлины достигают приблизительно 6% стоимости товаров. Тем не менее некоторые индийские товары, вроде пряностей, опиума и кисеи, могли бы выгодно ввозиться в Россию сухим путем.

Выше говорилось, что бухарцы вывозят из России индийскую кисею; уместно здесь заметить, что во время существования континентальной блокады бухарцы находили выгодным привозить в Оренбург английские товары, вывезенные из Индии. Так народные потребности находят средства сбыта и открывают торговле новые пути, которые никогда не могли бы предвидеть самые просвещенные администраторы. Индусы вывозят из Бухары только голландские дукаты; кроме того, они занимаются торговлей деньгами, то есть ростовщичеством, обычным ремеслом банианов [42].

Кабульские купцы привозят в Бухару индиго и изготовленные в Кашмире, Кабуле и Герате шали. Кабульские и гератские шали — посредственного качества. Их меняют на русскую кисею, бумагу, железо, медь, мелкий стеклянный товар, кошениль и вытканные золотом материи, которые дешевле, чем индийские и персидские.

Бухарцы перевозят те же русские товары в Персию, главным образом в Мешхед и Герат, так же как бухарские хлопок и шелковые материи, сукно, гвоздику и ревень. Бухария получает сахарную пудру через Персию, Афганистан и главным образом через Пешавар. Из этих же стран привозят грубые шали для чалмы, желтые пояса, деревянные гребни, ковры и бирюзу. Эта торговля, для которой ежегодно требуется примерно 600 верблюдов, является самой важной для бухарцев после торговли с Россией и Кашгаром.

Кокандские купцы привозят в Бухарию белый бумажный холст для окраски, шелковые материи, более прочные, чем бухарские, и ежегодно около 100 пудов шелка-сырца качеством ниже бухарского. Цена бухарского шелка в 1821 г. была 352 рубля ассигнациями за пуд, в то время как кокандский шелк стоил только 304 рубля. Ташкент посылает в Бухарию те же товары, но в меньшем количестве. Опасности, которым подвергаются караваны, сильно влияют на товарные цены в Бухаре, поэтому они колеблются более значительно и более неожиданно, чем где-нибудь в другом месте. На пути из Бухары в Россию караваны подвергаются грабежу хивинцев и киргизов, со стороны Афганистана — хезарейцев, Герата — омбертов [43], подле Меймене — элеутов или хезарейцев, наконец, Мешхеда — туркменов. Купцы в состоянии переносить столь частые потери лишь при условии большой наживы. Бухарцы, стало быть, получают значительную прибыль, хотя не могут назвать ни одного торговца, капитал которого доходил бы до миллиона рублей. Утверждают, что существует какой-то купец, живущий за пределами страны, который обязан своими большими богатствами сфабрикованным в Бухаре фальшивым русским ассигнациям. Выше говорилось, что торговля бухарцев с Россией требует 3000 верблюдов; для торговых дел с другими странами

употребляется приблизительно столько же этих животных. Капитал, вложенный во всю внешнюю торговлю Бухарии, составляет от 12 до 15 млн. рублей в банковских ассигнациях.

Глава седьмая

Правительство. — Характер деспотизма в Бухаре. — Двор. — Духовенство. — Административная и юридическая иерархия. — Административное деление. — Организация вооруженных сил. — Внешние сношения

Правление в Бухаре деспотическое, но жестокость произвола умеряется влиянием религии и кочевого образа жизни, свойственного значительному количеству жителей.

Глава правления носит ханский титул и одновременно титул эмир-уль-муминин, или глава правоверных. Хан объединяет в своих руках всю власть и распоряжается жизнью и имуществом подданных *. Но на решения ханов почти всегда оказывают большое влияние бухарские улемы [44]. Чем первые благочестивее, тем более растет могущество последних и тем более смягчается деспотизм. Эти ученые, умеющие произвольно толковать шариат и каноны, или религиозные, гражданские и политические законы, состоят советниками у этого суеверного деспота, очень часто руководя им.

В мусульманских государствах религия теснейшим образом связана с гражданскими законами, которым она придает силу. Один бухарец уверял меня, что если бы хан был его должником и отказался уплатить свой долг, то он пошел бы жаловаться к судье (казию), который, в свою очередь, не побоится заявить хану, что Коран предписывает платить своим заимодавцам. Если же государь будет упорствовать в своем неподчинении этому закону, то бухарец утешится и скажет: «Он — хан, он не платит; это его добрая воля».

Кочевникам ничего не стоит покинуть ту или иную местность, поэтому старшины вынуждены обращаться с ними по справедливости и часто даже угождать им. Бухарский хан, не пожелав учитывать это обстоятельство, потерял большое число туркменов, которые, сделавшись подданными хивинского хана, доказали последнему свою верность, опустошив бухарские земли. Незначительная площадь страны также содействует смягчению политики бухарского правительства.

* Нынешний персидский шах Фатх Али, которому один европеец рассказал, что действия его государя некоторым образом подчинены одобрению общественного мнения, ответил: «Что за удовольствие царствовать, если не можешь делать всего, что тебе угодно?»

Хакимы, то есть правители округов или городов, не могут ни превратиться в могущественных сатрапов, как когда-то в Персии, ни допускать насилий без ведома хана. Небольшие расстояния, отделяющие каждый район от столицы, дают возможность всем частным лицам непосредственного общения с ханом и подачи ему жалоб. Правящий ныне хан сам рассматривает представляемые ему прошения; каждому дозволено говорить с ним. Однако эффективность этого хорошего обычая значительно снижается в силу продажности чиновников, которым хан доверяет. Но во всяком случае он мешает хакиму допускать слишком вопиющие беззакония.

Несмотря на эти моменты, смягчающие деспотизм, который на практике не всегда так жесток, как кажется, дух правления все же носит печать самого возмутительного произвола.

В самом деле, как не возмутиться, когда видишь, что крупные чиновники без стыда и даже с гордостью именуют себя рабами хана, в то время как действительные рабы, купленные для хана, пользуются большим уважением, потому что пользуются его доверием, или, как рабы куш-беги, становятся правительственными чиновниками, выполняющими весьма важные поручения, и, наконец, как вся администрация находится в руках рабов, любимцев и особенно под влиянием одного семейства, семейства куш-беги? Тесть этого министра и один из его племянников являются правителями Самарканда, один из его братьев — комендантом крепости Джизака, а другой, обладая титулом инака, тесно связан с ханом. Его сыновья получают пенсии, не находясь на службе; один из них, подросток 15 лет, имеет звание казначея личной казны хана. Одним словом, мы находим в Бухаре то же, что встречается во всех деспотических государствах: первого министра, наделенного огромной властью, которую он использует либо сам, либо через своих рабов и подчиненных, равнодушных к судьбе государства или скорее совершенно чуждых тому благородному чувству, которое мы называем любовью к родине.

Множество правительственных чиновников в Бухаре должны рассматриваться как отбросы нации: только бедняки или властолюбцы вступают в их ряды. Подлость, с одной стороны, и протекция — с другой, необходимы им для достижения высоких мест. Так, один бухарец, без сомнения не читавший Монтескье, сказал мне однажды: «Честные люди и те, кому есть на что жить, избегают общественных обязанностей и соседства с ханом». Продажность чиновников простирается так далеко, что оба главных фаворита хана, куш-беги и дастурханчи[45] (камергер), берут деньги за то, чтобы похвалить хану тех, кто, идя в мечеть, старается обратить на себя внимание хана. Если знатнейшие лица, и без того очень

богатые, так бесчестят себя, то можно себе представить, до чего доходит продажность других. Деспотизм в Бухаре тем более чувствителен, что он всегда соединяется с корыстолюбием. Во время нашего пребывания в Бухаре хан завладел всеми подарками, пожалованными его высшим чиновникам русским императором. Говорят, что несколько лет назад по приказанию старшего сына хана были зарезаны богатые менялы, а их лавки разграблены. Вот почему наиболее богатые люди опасаются похваляться своими богатствами, а, напротив, тщательно их скрывают, что является одним из главных препятствий для распространения роскоши в Бухаре. Хан дает государственным чиновникам вместо награды выгодные поручения, иными словами, он им предоставляет способ безнаказанного разорения народа. Все это сословие вампиров связано круговой порукой. Начальник протежирует подчиненному, потому что последний помогает заниматься грабежами. Всевозможным насилиям этих второстепенных деспотов беспрерывно подвергаются простые люди и собственники, не имеющие покровителей.

Хан, внешне преисполненный благочестия, не считает нужным в чем-то себя ограничивать, предается разврату; и ему усердно подражают его придворные.

Я не буду вспоминать здесь о жестокостях, которые он допустил при вступлении на престол: это типично для восточных правителей, и никого не удивляют последствия. Страх, который постоянно преследует этих деспотов, они пытаются заглушить вином. Хан Бухары доверяет только куш-беги: все блюда для ханского стола приготовляются на его собственной кухне. Куш-беги заставляет повара пробовать в своем присутствии блюда, предназначенные для хана, затем отведывает их сам, прикрывает крышкой, которую запирает на ключ, и накладывает на нее свою печать. После этих формальностей блюда подают хану, который подносит их ко рту без страха только в силу привычки, власть которой так сильна над людьми.

Всякий раз, когда хан ночует за пределами Бухары, он обязывает своего сына * покидать город, настолько велико испытываемое им недоверие. Мы могли бы добавить к этому еще некоторые черты, дополняющие картину бухарского деспотизма, но лучше отвратим наши взоры от этих язв, столь огорчительных для человеческих чувств.

* Порядок престолонаследия в Бухаре требует только, чтобы хан был из числа потомков Чингиса. Всякий, удовлетворяющий этому условию, может вступить на престол. Но кто лучше восточных людей умеет возводить генеалогию к самым отдаленным временам? А так как происхождение по женской линии не отстраняет претендентов, то сколько честолюбцев получают возможность соперничать, пуская в ход силу и устраивая мятежи. Отсюда обычай, который разрешает новому хану казнить или изгонять своих родных и их сторонников.

Бухара кажется недостаточно цивилизованной, чтобы обслуживание ханской персоны было там совершенно отделено от государственной службы и чтобы придворные должности были окончательно обособлены от административных. Ни один министр не исполняет функций, аналогичных функциям турецкого великого визиря, хотя куш-беги фактически наделен большинством его полномочий. Все дела подчинены непосредственно хану, что объясняется простотой административного механизма и небольшой протяженностью ханства. Впрочем, должность *аталыка*[46], которой хан удостоил своего тестя, независимого хиссарского хана, равнозначна должности великого визиря. Она рассматривается как высший чин, и занимающий ее причисляется к ханскому двору.

Вторая должность — это командующий войсками, который наделен титулом *дадха*, или *парваначи*[47]; он обязан присутствовать при важных церемониях.

Третья — шейх-уль-ислам, или глава духовенства. Он не состоит в числе придворных.

Важным чином считается *инак*, функции которого сводятся к роли тайного советника. Дастурханчи выполняет функции *дадха*, церемониймейстера и камергера.

Далее идут: куш-беги[48], занимающий одновременно придворное звание и государственную должность, *мирахур-баши*, или *шталмейстер*, два духовника, *кази-аскер*, или *кази-орду* (войсковой судья), с которым хан часто видится и который живет во дворце, астролог, хранитель ханской сокровищницы, *есаул-баши* и две сотни есаулов, или полицейских, курьеров и исполнителей ханской воли, и, наконец, два вида гвардии: одна, состоящая из 220 человек в звании офицеров, называется *махрамы* и может быть сравнима с нашими пажами; другая, состоящая из 500 солдат, именуется *кассабардары*.

В своем гареме хан содержит около 200 женщин, охрану которых он не поручает евнухам. Последние не имеют ни малейшего значения в Бухаре, и у хана их только два, и тех он даже счел нужным удалить из гарема по соображениям приличия или ревности. В качестве доброго мусульманина хан имеет только четыре жены: двум из них он оказывает предпочтение — дочери хиссарского хана и дочери самаркандского ходжи; третья — дочь Земана, афганского шаха, свергнутого своим братом, перестала нравиться своему супругу и прозябает в одиночестве в одном из уголков гарема.

При бухарском дворе соблюдаются церемонии, свойственные всем восточным государям. Цилиндрические шапки, опушенные соболем, и чалмы различных видов — *муджевез*, *урф* и *хорасани* — встречаются при бухарском дворе, так же как при константинопольском. Хан, скрупулезно соблюдающий церемониал во время торжественной аудиенции, не при-

держивается его в остальных случаях. Когда он встречал нас на улицах, то беседовал с нами, а с г-ном Негри фамильярно болтал на многих аудиенциях, которых его удостаивал. Хан раз в неделю отправляется на молитву в мазар Бахауддина верхом в сопровождении небольшой охраны, предшествуемый есаулами, которые расчищают ему дорогу своими белыми палками.

Все встречающиеся с ханом останавливаются и кланяются, произнося «селям-алейкум», на что отвечает один из сопровождающих хана чиновников.

По пятницам хан совершает молитву в мечети, расположенной в 50 шагах от его сераля. Он едет верхом, а сановники следуют за ним пешком. Когда хан выходит из дворца, гвардейцы, выстроенные в ряд, падают ниц, приветствуя его, на что отвечает один из свитских чиновников. Эта церемония содержит в себе нечто величественное. Выйдя из мечети, хан снова садится на коня с помощью мирахур-баши, который приподнимает его, поддерживая под руку.

Всех очень удивляет присутствие при дворе одного таджика, играющего там заметную роль. Этот дастурханчи сумел завоевать благосклонность хана. Говорят, что привязанность хана к нему зародилась еще в юношеские годы. Он пользуется почти таким же доверием, что и куш-беги. Оба эти соперника остерегаются друг друга с хитростью, на которую способны лишь самые изысканные придворные. Бухарский двор, как и многие другие, является средоточием постоянных интриг и коррупции.

В Бухаре имеется нечто вроде государственного совета, который носит название «диван». Он собирается только по приказу хана, который всегда председательствует в нем. Хан сам назначает чиновников в его состав. Их число колеблется от 5 до 20. Этот совет имеет суждение о наиболее важных делах. Обыкновенно приглашаются самые крупные сановники. Мнение духовных лиц пользуется весьма большим весом, потому что оно, как правило, основывается на тексте какого-либо религиозного закона.

Бухарское духовенство образует иерархию во главе с шейх-уль-исламом. Он выносит приговоры в наиболее сложных процессах. Следующий чин — *а'лям*, затем — *муфтий*[49]. Далее идут *дана-муллы*, или ученые муллы, *ахуны* и простые муллы. Титул муллы, или духовного лица, дается всякому, кто умеет читать.

Константинопольские султаны, обязанные улемам титулом халифа, должны предоставлять им в качестве эквивалента неограниченную власть. А так как в Бухаре другое положение вещей, то тамошнее духовенство не достигло такой степени могущества. Едва прошло четверть столетия с того времени, как бухарское духовенство впало, так сказать, в не-

милость у хана, который стал особенно благоволить военным, как мы об этом уже говорили. Нынешний хан, отличающийся большим благочестием, следует совершенно противоположной системе: он начал с ними обходиться с такой щедростью, покровительствуя во всем, что их число только в одной Бухаре увеличилось более чем до 2 тыс. Так как господствующая национальность, узбеки, более воинственна, чем религиозна, военное сословие пользуется бо́льшим уважением, чем духовное. Но мнение на этот счет может измениться, если некоторые ханы будут столь же благочестивы и миролюбивы, как ныне правящий хан Эмир-Хайдар. Правительство потеряет тогда свою власть, так как вынуждено будет во многом считаться с духовенством, которое всегда оказывает большое влияние на фанатический народ. Кроме того, нужно заметить, что законоведы и духовные лица составляют в Бухаре класс, который не несет никаких других общественных обязанностей. Главные духовные особы влиятельны, но в то же время знатные люди никогда не делаются членами духовного сословия.

В любом небольшом городе есть *казий*, или судья. Более мелкие города имеют лишь *раиса*, или полицейского комиссара. Способ судопроизводства весьма прост: стороны являются на суд сами; показаний двух свидетелей достаточно, чтобы установить виновного.

Судья в городе Бухаре имеет звание *кази-каляна*, или верховного судьи, что, однако, не дает ему никакой власти над прочими судьями. Он пользуется большим уважением, потому что, живя в столице и находясь подле хана, часто решает сложные тяжбы. В его канцелярии имеются два муфтия, получающие плату деньгами только за то, что ставят свои печати. Печать заменяет подпись, и этого достаточно для придания приговору юридической силы. Казии других больших городов держат в соответствующих канцеляриях только по одному муфтию, который им подчинен и роль которого незначительна. Кази-калян иногда направляет стороны к а'ляму: отчасти с целью утвердить его приговор, отчасти чтобы способствовать увеличению доходов этого духовного сановника.

Апеллировать на приговор казия можно только хану, но в Бухаре, как и в других странах, нередко обходят даже самые ясные решения казия, и последний, мотивируя тем, что печать муфтия подделана, начинает еще раз разбирательство уже рассмотренного дела, увеличивая таким образом свой доход.

Обычая менять казиев через полтора года их службы, как это предписывает закон в других мусульманских странах, из опасения влияния, могущего стать опасным для правительства, не существует.

Легко понять, что в стране, где продажность так распространена, как в Бухаре, раисы, располагающие правом приговаривать к штрафу, используют это право в своих интересах, чтобы сделать таким образом свои места весьма прибыльными.

Один еврей, продавший во время нашего пребывания в Бухаре водку одному из наших казаков, был посажен в тюрьму по приказу раиса, который велел взыскать 150 тилля с семьи этого еврея, хотя последний уже был наказан 60 палочными ударами. Наказание было чересчур строгим, так как употребляемые при экзекуции палки весьма увесисты, а удары наносятся по животу и по спине. 75 ударов равносильны смертной казни. Другое, более жестокое наказание состоит в том, что виновного сажают со связанными руками и ногами в помещение, где кишит особый вид мух, укус которых очень чувствителен. Это наказание заменяет пытку. К концу третьего дня человек умирает.

Организация армии, управление финансами и источники ханских доходов в Бухаре тесно переплетаются между собой. Страна рассматривается как собственность завоевателя, который стремится извлечь из нее возможно большие доходы, учитывая религиозные законы и необходимость известных жертв для создания сильной армии. Это основано почти что на системе арендной платы и является феодальным институтом, когда земли раздаются в качестве вознаграждения за военную службу.

Бухарский хан извлекает большую часть доходов из своих поместий. Содержание армии — главный предмет его расходов, потому что он, как и в Турции, содержит наемные войска, и служба ханских вассалов состоит лишь в том, что они собирают ополчение в случае объявления ханом общей мобилизации.

Потребность подразделить уделы и поместья и ввести порядок в управление вызвала деление Бухары на 40 округов, или *тюменей*, крупнейшие из которых — Бухарский, Самаркандский, Зияуддинский, Каракульский, а самые мелкие — Чалакский и Нуратинский. Глава и правитель тюменя носит титул хакима, и ему в качестве жалованья положена лишь продукция, собираемая в его поместье. Самаркандский тюмень отдается на откуп за 300 тыс. батманов (около 39,3 тыс. *кг*) пшеницы и 500 тыс. тенег (около 100 тыс. рублей ассигнациями), Зияуддинский — за 1 млн. батманов пшеницы и 100 тыс. тенег, Каракульский — за 25 тыс. тилля, Чалакский и Нуратинский — за 4 тыс. батманов пшеницы и 20 тыс. тенег каждый. Мы полагаем возможным оценить доходы этих тюменей примерно в 10 млн. рублей ассигнациями. Казна получает только половину, потому что хаким вычитает отсюда жалованье чиновникам своего тюменя и стоимость содержа-

ния расквартированных там войск. Есть округа, где хаким тратит больше, чем он получает с уделов (например, округ Ура-тюбинский) и других пограничных городов, содержащих сильные гарнизоны.

Доходы с уделов взимаются хакимами. Последние отдают земли на откуп с аукционного торга или взимают $^2/_5$ урожая. Второй способ оценивать земли предполагает тщательный надзор со стороны хакимов. Когда арендаторы молотят зерно, хакимы посылают к ним агентов, обязанных измерять урожай и взимать с него то, что полагается. Агенты хакима или есаулы, или диванбеги, или мирзы. Первые, состоя при полиции, так же как и вторые, являются исполнителями приказов. Михтеры уполномочены только взимать налог. Мирзы — это секретари.

Звание *диванбеги* весьма обычно в Бухаре и значительно менее важно, чем можно судить по его смыслу[50]. Функции хакимов считаются очень почетными: они непосредственно связаны с ханом и стараются завоевать его дружбу или расположение посредством подарков в виде риса, лошадей и даже денег.

Выше уже говорилось о пошлинах, налагаемых на товары, ввозимые в Бухару. Оценивая стоимость этих товаров в 15 млн. рублей ассигнациями, правительство взимает с них пошлины почти 400 тыс. рублей, которые должны идти на содержание школ и духовенства. Независимо от ввозных пошлин существует еще одна в 2,5% на продаваемые товары, не освобожденные от долгов. Прочие налоги установлены на различные местные изделия, как, например, на сухие и засахаренные в манне фрукты, бараньи меха и шкурки. Сбор с этих налогов может быть исчислен примерно до 15 тыс. рублей ассигнациями.

Куш-беги является главным распорядителем пошлин и налогов. Так как ему подчинено большое число чиновников, то эта должность предоставляет ему разнообразные возможности обогащения и помогает оказывать большое влияние на торговлю и внешние сношения страны.

Бухарцы должны платить десятину, или *ушр,* и *зякет,* являющийся милостыней для бедных, предписанной Кораном. Каждый бухарец, имеющий более 300 тенег ежегодного дохода, должен давать $^1/_{10}$ своих доходов деньгами или зерном. С 40 баранов он обязан отдавать 1 барана, со 100—2, с 300—4, с 400—6 баранов и т. д. Кочевники-туркмены, признающие власть бухарского хана, должны выплачивать этот налог животными.

Четыре лесистых участка, расположенных в Ёйчи, пять — в Чарджуе, столько же в Карши и четыре в Укарзуме, у переправы через Амударью, отданы правительством на откуп и приносят ему несколько тысяч рублей.

Сравнивая общий налог этих доходов с суммой, которую хан расходует на содержание двора и армии, можно заключить, что его цивильный лист не может превышать 1 млн. рублей, и, принимая во внимание не очень большую окружающую его роскошь, я даже склоняюсь к мысли, что его расходы не достигают и этой цифры.

Управление финансами целиком находится в руках кушбеги и самого хана и так же несложно, как и другие стороны административного устройства.

Армия состоит только из кавалерии, в которую входят либо вассалы, либо наемники. Последние образуют регулярную армию в 25 тыс. человек, первых по меньшей мере 60 тыс., которые собираются под знамена лишь при общей мобилизации[51]. Как уже было сказано, хан в состоянии отправить за пределы Бухары 12—13 тыс. человек регулярной армии, а остальные защищают пограничные места и особенно Ура-тюбе, Джизак, Самарканд, Каракуль и Карши, которые требуют наиболее сильных гарнизонов.

Во время нашего пребывания в Бухаре хан держал в состоянии боевой готовности отряд в 12 тыс. человек против одного узбекского главаря, захватившего город Балх, который хан принял под свое покровительство. Через некоторое время после нашего отъезда хивинцы произвели набег и разграбили Чарджуй. В конце концов Бухара, хоть и значительно более могущественная, чем окружающие ее государства, не сумела внушить к себе уважения, то ли из-за малодушия хана, то ли из-за воинственного настроения ее соседей.

Бухарские солдаты называются *сипахй*, или *кара-алман*; их оклад составляет 6 тилля; 1 тилля отпускается на сено, 5 батманов джугары и столько же пшеницы. Кассабардары получают двойной оклад.

Офицеры называются *дах-баши*, или начальник десятка; *чур-агасы*, или унтер-офицер; *юз-баши*, или начальник сотни; *чуран-баши*, или лейтенант; *пансад-баши*, или командир пяти сотен; *туксаба*, или командир полка; *курганбеги*, или бригадный генерал; *дадха* — командир нескольких полков или дивизионный генерал; *парваначи* — командующий войсками или маршал.

Офицеры или военные начальники имеют титул *серкердех* и получают жалованье частью деньгами, частью зерном. Отряд *пансад-баши* (или командира пяти сотен) имеет в качестве отличительного признака небольшое знамя, называемое *байрак*. Рядом с минг-баши («тысяцкий») носят большое знамя, именуемое *туг*; оно предназначается только для тысячи человек, образующих полк. Минг-баши весьма уважаемы: они въезжают верхом через ворота сераля, где более младшие по чину проходят только пешком; их одежда — из шелка и украшена широкими золотыми цветами, а попона обычно

делается из красного сукна с большими золотыми пальмами, вышитыми в Кашмире; кони их очень красивы.

Сипахи́ вооружены фитильными ружьями, весьма длинной пикой и кривой саблей, как у персов. Некоторые из них носят короткие кольчуги, железную каску и щит из буйволовой кожи. Артиллерия состоит из дюжины персидских пушек, из которых только три или четыре снабжены лафетами без железных гвоздей. Хотя лафеты и поставлены на три колеса, тем не менее они в состоянии двигаться лишь с большим трудом. Одним словом, они не делают чести талантам *топчи-баши,* или начальника артиллерии, каковым является старый русский солдат[52].

Ежегодно обычно возле Бахауддина хан инспектирует часть своих войск, что продолжается около двух недель и представляет собой попросту очередной сбор. Армия состоит главным образом из узбеков, народности воинственной и всегда готовой сражаться. Они ведут войну, не соблюдая дисциплины, по-партизански, верхом на отличных конях. Наиболее храбрые всадники выступают вперед отдельно, как разведчики в наших армиях. Завязываются отдельные стычки, за ними следуют общее наступление и большие кавалерийские атаки. Эти сражения быстро приходят к концу, так как скорость лошадей облегчает бегство побежденной стороны. Походы в некоторых бедных местностях совершаются без запасов и если длятся три недели, то кажутся ужасно продолжительными этим ордам, военные действия которых, в сущности, представляют собой не более чем набеги.

Бухара не ищет союза с соседними ханствами, которых она не боится и в которых совершенно не нуждается. Современное политическое состояние среднеазиатских государств можно сравнить с тем, которое было в Европе до XVI века, когда еще не был известен обычай содержать послов в столицах иностранных дворов и когда нарождавшаяся цивилизация еще не развила потребности в отношениях народов между собой.

Из числа окружающих Бухару государств Хивинское ханство является самым беспокойным, так как зависимые от него орды совершают частые грабежи, а их глава всегда алчен к богатствам, предприимчив и воинствен.

Почти непрерывная вражда существует между этими двумя странами в течение столетий. Хива неоднократно подвергалась завоеваниям и всякий раз умела возвращать себе свободу. Эмир-Хайдар захватил ее лет десять назад. Этот суеверный государь возвратил ей независимость, руководствуясь предписанием Корана, который запрещает мусульманам незаконно удерживать собственность их единоверцев. Еще недавно разграбление нескольких караванов хивинцами было вызвано раздорами между обоими ханствами. Узбеки пыла-

ют желанием отомстить за эту обиду вражеской кровью, повелитель же правоверных уверяет, что разрушить Хиву значило бы оторвать один из членов тела, часть которого он сам составляет, и, столь же равнодушный к воинской славе, как и к процветанию своих подданных, пребывает в бездействии по лености и суеверию. Кокандский хан, связанный с хивинским узами родства, отчасти следует его внушениям, но остается в пределах совершенного согласия с Бухарой. Взаимные выгоды, приносимые этим ханствам торговлей, и большее могущество Бухары побуждают кокандского хана поступать с ней осторожно.

Если бухарский хан имеет что-либо сообщить одному из соседних ханов, то обычно использует в качестве курьера какого-нибудь купца.

Гиссарский хан — самый верный союзник своего зятя, хана шахрисябзского. Гиссарский край входит в состав Бухары и расположен так, что может легко подвергнуться нашествию, но средства обороны достаточны для того, чтобы приостановить натиск армии узбеков и предотвратить вторжение. Впрочем, все эти маленькие княжества сохраняют свою независимость.

Хотя Бухара имеет торговые сношения с Персией, Афганистаном, Индией, Кашмиром, Кашгаром и Малым Тибетом, она не поддерживает с этими странами никаких политических отношений. В продолжение 20 лет своего правления хан ограничился в своих отношениях с Кашгаром отправкой коменданту этого города одного письма с приложением некоторых подарков. Он не установил никакой связи с персидским шахом, которого должен ненавидеть как из-за принадлежности к разным сектам и предоставления убежища его недовольным подданным, так, наконец, потому, что персы питают отвращение к бухарцам, которые, как об этом уже упоминалось, держат в рабстве более 30 тыс. их соотечественников.

Бухарский хан, будучи весьма набожным мусульманином-суннитом, ежегодно посылает в Константинополь османскому падишаху как представителю и преемнику халифов весьма значительную сумму денег и заверения в уважении, дружбе и преданности. Великий султан ответил на это в 1818 году отправлением посланца с несколькими благочестивыми книгами; тот был принят повелителем правоверных с большим почетом.

В течение полустолетия не проходило и года, чтобы русское правительство не принимало нескольких бухарских дипломатов. Обыкновенно это бывают купцы, личная польза которых, а также интересы первого министра побуждают домогаться верительной грамоты и звания посланца. Прикрываясь этим титулом, они ввозят товары, не уплачивая пошли-

ны, и таким образом знакомятся со страной, превращающейся для них в важный источник богатства.

Политические связи Бухары в общем мало развиты вследствие равнодушия ее государя. Пока его доходы не страдают, он предоставляет государственные дела воле случая.

Заканчивая эту главу, мы должны сказать, что характерными чертами полуварварского бухарского правительства являются суеверие, известный дух воинственности и алчность, которую порождает влияние, оказываемое этой страной на окружающие ее небольшие ханства.

Глава восьмая

Нравы и обычаи. — Влияние ислама. — Частое посещение мечетей. — Суеверие. — Пьянство. — Пороки.— Русские рабы.— Необходимые репрессалии. — Учтивость и церемонии. — Одежда. — Любопытство бухарских женщин. — Цивилизация. — Состояние просвещения. — Распространенные в Бухаре языки. — Медресе. — Заботы хана о медресе.— Возможность введения европейской цивилизации. — Пожелания автора

Население Бухары состоит из кочевников и оседлых жителей, одни из которых земледельцы, другие — горожане. Это обусловливает известное различие в нравах. Так как обычаи кочевников почти такие же, как и других пастушеских мусульманских народов, я буду беседовать с читателем главным образом об обычаях оседлых бухарцев: я только их и имел случай наблюдать.

Я должен, между прочим, снять с кочевых узбеков-бухарцев упрек, который слишком часто делается по их адресу в Европе, где их считают похитителями людей. Покровительство, которое бухарское правительство оказывает торговле, известный порядок, существующий в управлении, наконец, закон Корана, запрещающий мусульманину-сунниту владеть рабом одной с ним веры, положили в Бухаре конец обычаю похищать людей. Индусы, персы, русские, армяне приезжают в Бухару совершенно безопасно, если правительство убеждено, что они действительно купцы. В плен берут только во время войны, что особенно практикуют узбеки и туркмены Мервского округа, совершающие набеги против хорасанских персов.

Так как ислам оказывает очень большое влияние на быт исповедующих его народов, последние почти всюду придерживаются одинаковых обычаев. Кроме того, узбеки — на-

стоящие тюрки, нравы которых имеют много общего с нравами константинопольских османлы, и все, что делает халиф, все, что происходит в Стамбуле, вызывает восхищение мусульман в Бухаре.

Мусульманин мнит себя безупречным, если исполняет предписания, содержащиеся в Коране и в комментариях к нему, заменяющих собой кодекс законов. Ему чужды более глубокие нормы поведения, диктуемые нам совестью и честью. Бухарцы более чем суеверны, и правительство не пренебрегает ничем, чтобы поддержать в них это чувство.

В Бухаре имеет силу закон, воспрещающий кяфирам одеваться одинаково с правоверными, но в то же время кяфиры не должны носить одежду, резко отличающуюся от обычного костюма. Они должны брить голову, носить длинное платье, чтобы их нельзя было очень легко признать за «неверных», вид которых вызывает у правоверных чувство ненависти и презрения. Правительство покровительствует обращению в ислам: почти все рабы вынуждены принять мусульманскую религию, носить чалму и подвергнуться обрезанию. При этом власти воображают, что совершают весьма богоугодное дело. Религиозный бухарец считает себя осквернённым, прикасаясь к предмету, поднесенному кяфиром.

Всякий раз, когда дети говорили мне «селям-алейкум», обычное приветствие мусульман, означающее «да будет с вами мир», я слышал, как взрослые мусульмане грубо говорили детям, что к «неверным» не разрешается обращаться с этим приветствием.

Нетерпимость и суеверие настолько распространены в Бухаре, что нечего удивляться тому, что «неверные» платят налоги в большем размере, чем другие жители, что они подвергаются большим притеснениям. Дух управления таков, что ни одна религия, кроме ислама, не может открыто исповедоваться в Бухаре. Вот почему не следует искать в этой стране ни гебров, ни несториан; одни евреи сумели удержаться в силу своей изворотливости.

Правительство рассматривает молитву как непременную обязанность и общественный долг. Оно не ограничивает своих действий соблюдением законов и надзором за тем, чтобы соблюдались права всех жителей. Оно стремится также, хотя это и противоречит духу ислама, управлять религиозным поведением каждого. Всякий домовладелец обязан отправляться чуть свет в свою мечеть. Полицейские чиновники осведомляются у привратников мечетей об именах тех, кто пропускает молитвы, и выгоняют их из домов, применяя силу.

Каждый вечер на Регистане около 4 часов, в этот посвященный молитве час, полицейские выгоняют всех продавцов и покупателей и отправляют их в мечеть. Следует заметить,

что в это время базар обычно бывает наиболее оживлен. Полицейские или базарные надсмотрщики бросаются на людей с большими бичами шириной в три пальца и избивают всех, кто попадается им на пути. Толпа шумит: одни кричат, другие смеются и убегают, лавки, столы, палатки исчезают в мгновение ока, и мечеть наполняется благочестивыми мусульманами, привлеченными к божественной службе ударами бичей!

В Бухаре можно встретить все суеверные представления, к которым чувствуют пристрастие мусульмане. Следовательно, там в почете астрология: у хана свой астролог, который получил образование в Исфагане. Обычай приносить в жертву козла в память какого-либо друга, какой-нибудь почитаемой особы или святого распространен среди киргизов так же, как и в Бухаре. Верхушка одного из портиков Бахауддина украшена множеством козлиных рогов, посвященных святым.

Если столько европейцев еще питают веру в ложное искусство предсказывать будущее, то как же этот сумасбродный предрассудок чужд бухарцам? Карты, распространенные в России и у индусов, бухарцы заменяют игральными костями. Они насаживают четыре кости на одну проходящую через них железную ось и поворачивают этот механизм. В результате после известных весьма сложных комбинаций из костей они считают, что получают возможность предсказать хороший или дурной исход дела. В Бухаре, как и во всех мусульманских странах, встречаются пилигримы, облаченные в длинный плащ, с сосудом из тыквы-горлянки и посохом. Попадаются и сумасшедшие, вприпрыжку бегающие по улицам, — они считаются полусвятыми.

Большинство бухарцев не курят, потому что Коран запрещает употреблять любой наркотик. Эта строгость вызвала недовольство одного из посланцев великого султана, подвергшегося при въезде в Бухару осмеянию за то, что он курил трубку. Персидские рабы много курят и пользуются кальяном *. Я сам видел, как в земле выкапывали две ямки, соединяющиеся вместе, и, положив табак в одну из них, курили через другую, заменяя трубку.

Известно, что во всех мусульманских странах употребление крепких напитков воспрещено и даже карается смертной казнью. Однако довольно много бухарцев, особенно состоятельных или молодых, предаются пьянству, но это всегда происходит втайне, и поэтому на улице никогда не видно пьяных.

Я видел детей первых бухарских сановников, с жадностью выпивавших стакан вина и в тот же момент терявших

* Род трубки, в которой дым проходит через воду.

голову. Сам куш-беги признался нам откровенно, что в молодости он выпивал в компании с нынешним ханом.

Тюря-хан, предполагаемый наследник престола, потеряв вкус к плохому бухарскому вину, ежевечерне опьяняет себя опиумом. Этот принц, отличавшийся, говорят, знаниями и умом, едва дышит из-за этого страшного наркотика.

Один из ханских сыновей, сообщив как-то г-ну Негри, что ему предстоит аудиенция у хана, назначил час, когда надлежало прибыть, и, зная, что мы пьем вино, умолял г-на Негри не приходить пьяным.

Женщины легкого поведения* преследуются в Бухарии, а внебрачные связи наказываются смертью.

Один молодой бухарец из хорошей семьи, которого я спросил, в чем состоят его развлечения, сказал мне, что он дает обеды, во время которых рабы играют на музыкальных инструментах, ходит на охоту и, наконец, у него есть свои *джуани*, или любимцы. Я был удивлен спокойствием, с которым он произнес это слово, которое свидетельствовало, насколько свыклись здесь с самым постыдным пороком. Бесполезно приводить другие примеры в том же роде.

Азиатские ханства ведут с киргизами и туркменами торговлю рабами, источником которой прежде всего являются разбои, совершаемые этими кочевыми народами, и войны с персами. Уже было указано, что взятие Мерва увеличило на 25 тыс. число персидских рабов в Бухаре, каковое мы определяем тысяч в 40. От 500 до 600 русских томятся в рабстве: они были проданы киргизами, или туркменами, захватывавшими потерпевших кораблекрушение рыбаков на восточном берегу Каспийского моря, или хивинцами.

Читральцы, сияхпуши, хезарейцы и даже грузины также находятся в числе рабов. Число это не уменьшается, потому что рабам дают в жены персианок и их существование связано с интересами их господ. Стоимость сильного мужчины примерно от 40 до 50 тилля (от 640 до 800 рублей ассигнациями). Если это ремесленник, например столяр, кузнец или сапожник, за него платят до 100 тилля (1,6 тыс. рублей ассигнациями). Женщины обычно стоят дешевле, чем мужчины. Если же они молоды и красивы, то стоят от 100 до 150 тилля (от 1600 до 2400 рублей ассигнациями). Участь рабов в Бухаре внушает ужас. Почти все русские жаловались на то, что очень плохо питаются и измучены побоями. Я видел одного раба, которому его хозяин отрезал уши, проткнул руки гвоздями, облил их кипящим маслом и вырезал кожу на спине, чтобы заставить его признаться, каким путем бежал его товарищ.

---

* Они были изгнаны из Бухары отцом нынешнего хана лет 30 назад; почти все были цыганки.

Куш-беги, увидев однажды одного из своих русских рабов в пьяном виде, велел на следующий день повесить его на Регистане. Когда этого несчастного подвели к виселице и стали принуждать отказаться от православия и сделаться мусульманином, дабы заслужить помилование, он предпочел умереть мучеником за веру.

Большая часть русских невольников, находившихся в окрестностях Бухары, содержались в заключении и работали с кандалами на ногах в продолжение последних недель нашего пребывания в этом городе. Лишь один из них сумел присоединиться к нам верстах в 100 от Бухары после 18-дневного скитания по пустыне. В течение этого времени он поддерживал себя только водой и мукой. Он выразил нам самым простым и трогательным образом тревогу, которую испытал, увидев нас (так как он боялся, не были ли мы киргизами, хивинцами или узбеками), и крайнюю радость, когда узнал наших казаков. Я не смогу описать бурного восторга десятка русских невольников, которых мы выкупили в Бухаре и во время пути. Они проливали слезы радости. Поверят ли, что бухарское правительство было достаточно жестоко, чтобы препятствовать этим выкупленным русским вернуться на родину! Это фанатическое правительство даже запретило своим подданным продавать нам русских под тем предлогом, что якобы вследствие этого уменьшится число прозелитов.

Нужно было видеть несчастных русских невольников в Бухаре и Хиве, чтобы воодушевиться пламеннейшим желанием освободить их. Может ли покупка этих людей, похищенных из родных мест в обстановке полного мира, рассматриваться как вид какого-то законного владения? Разве репрессалии, которые предпринимает русское правительство, задерживая во всей империи бухарцев и хивинцев с их товарами с целью заставить эти народы вернуть в Россию ее подданных, будут несправедливы или безуспешны? Посредством этой суровой, но справедливой меры не будут ли возвращены на родину, в круг родных, к своей вере тысячи людей, исторгнутых из пределов России или из лона своих семей?

Состоятельные бухарцы обыкновенно имеют до 40 рабов. Некоторые крупные вельможи, вроде куш-беги, обладают, быть может, сотней, так как у них, должно быть, большое окружение и они владеют обширными садами и другими поместьями. Нет почти ни одного зажиточного бухарца, у которого не было бы сада за городом и маленького домика, куда он отправляется летом во время жары подышать чистым воздухом.

Владельцы поместий отдают свои земли в аренду или обрабатывают их с помощью рабов. Приятности жизни, домашние радости, общественные удовольствия еще очень мало известны в Бухаре. Дома холодны и сыры зимой, в них нет

никакой мебели, кроме ковров, одеял и подушек. Доступны только удовольствия, вкушаемые в гаремах. Никакие большие собрания не оживляют однообразного и молчаливого существования бухарца.

Я никогда не видел танцующих, кроме слабоумных, которые поют, ударяя в такт руками, «ба-ла-ки-бла», как черкесы, поющие слоги «а-пу-па-пю-па». Персидская цивилизация, насажденная в Бухаре Тимуром, проявляется в некоторых обычаях вежливости. После смерти первой супруги куш-беги, женщины, весьма уважаемой мусульманами, самые значительные люди в Бухаре явились к нему с визитом, чтобы выразить соболезнование. Куш-беги роздал богатые подарки родным покойной и нищим, которых кормил в течение нескольких дней.

Бухарец, приходящий в гости к другому, входит только тогда, когда получает позволение хозяина, который предлагает гостю чай, фрукты и сласти. Особой вежливостью со стороны хозяина считается, если гость унесет их с собой. Всякий раз, когда мы приходили к куш-беги, он предлагал нам конфеты или сахарные головы, которые посылал нам после аудиенции. Сам хан также дарит сахар; часто он прибавляет к нему комплект одежды из подарочной материи, известной в Бухаре под названием *сарпай*. Прежде чем войти к женатому бухарцу, обычно ждут несколько минут, давая женщинам возможность скрыться. Самая почтительная манера садиться — присесть на колени, опираясь на пятки и икры. Если же хотят расположиться поудобнее, то садятся, подобно нашим ученикам портных, скрестив ноги.

При приветствии бухарцы слегка наклоняются, кладут правую руку на сердце и произносят слово «хош». Эта учтивость часто преувеличивается самым смешным образом, особенно рабами: они несколько раз поворачивают голову, наклоняют ее к левому плечу, держат обе руки на сердце, чудаковато улыбаясь и торжественно произнося «хош», словно падают в обморок от удовольствия.

Обитатели Бухары отличаются учтивостью, раболепием и низкопоклонством. Вежливость бухарцев нас поражала тем более, что мы только что провели несколько недель с киргизами, которые крайне грубы.

Пища бухарцев очень проста: после утренней молитвы они пьют чай, который кипятят с молоком и солью, что делает его чем-то похожим на суп. Они обедают не ранее 4—5 часов. Обед состоит из плова, приготовленного из риса, моркови или репы и бараньего мяса. Сейчас же после обеда пьют чай, заваренный как в Европе. Кофе они не пьют. Едят бухарцы пальцами, не имея понятия о ложках и вилках.

Одежда бухарцев состоит из одного или двух длинных платьев из синей или полосатой бумажной материи.

Одно, покороче и поуже другого, заменяет рубашку. Почти все бухарцы носят белую чалму из бумажной ткани около 15 или 20 аршинов длиной. Персидские рабы часто носят цветные шапки; многие узбеки носят только остроконечные шапочки из красного сукна, обшитые куньим мехом. В Бухаре, как и в Константинополе, форма чалмы обозначает различные звания или состояния. Все жители этой страны носят под широкими панталонами короткие и узкие кальсоны, которые они не снимают никогда то ли по лености, то ли ради приличия. Состоятельные особы пользуются полушелковыми или суконными халатами, богатые государственные чиновники одеты в кашемир и парчу, которые варьируются согласно чину. Одежды из блестящих золотых тканей, ослепительно белые чалмы, густые бороды — все это представляет собой любопытное зрелище во дворе арка, через который мы проследовали, направляясь на нашу первую аудиенцию.

Женщины носят на улицах длинное покрывало, рукава которого соединяются сзади, и черную вуаль, совершенно закрывающую лицо. Они плохо видят сквозь нее, но, встречаясь с одним из нас тайком, приподнимали уголок. Женщины-таджички даже находили удовольствие в том, чтобы дать нам возможность увидеть их прекрасные глазки. Среди бухарских дам вошло в моду ходить смотреть ференги *; край навеса нашего дома был для них местом собраний и пределом, который приличие полагало их любопытству. Там некоторые красавицы, незаметно для бухарцев, предоставляли себя нашим взорам, и нас часто восхищали черные, полные огня глаза, великолепные зубы и очень красивый цвет лица. Бухарская суровость скоро положила конец этой слишком светской моде: полиция запретила женщинам приходить под наш навес, и мы были лишены удовольствия, оживлявшего наши беды.

Зачем эти прекрасные создания так уродуют себя, пропуская через ноздри кольцо и употребляя притирания, в то время как природа наделила их столькими прелестями! Женщины и некоторые мужчины красят себе ногти в красный цвет соком истолченной травы *хенне*. Персы используют это растение для окраски бороды в красный цвет, после чего она легче принимает черную краску. Я видел в Бухаре белых лошадей, хвосты которых были выкрашены в красный цвет этим растением. Бухарские женщины красят брови в черный цвет и соединяют их черной чертой, сделанной особым видом глазной примочки. Наконец, они красят ресницы и край век в черный цвет сурьмой, доставляемой из Кабула и выделываемой из графита. Некоторые бухарцы и индусы пользуются тем же приемом.

---

* Чужеземцев.

Бухарские франты выщипывают волосы из верхней части щек, и за этой работой часто можно видеть брадобреев в их заведениях, открытых на улицу. Влияние кочевых привычек сказывается в отсутствии экипажей в Бухаре: у бухарцев нет никаких других повозок, кроме больших двухколесных телег, о которых мы говорили выше и которыми никогда не пользуются для переезда с одного места на другое. Для этого существуют верблюды, лошади, мулы и ослы. Лошадь иной раз перевозит целую семью, и дети с самого нежного возраста, таким образом, учатся быть хорошими наездниками. Разъезжающими на мулах я видел только ханских жен: они попарно сидели на одном животном. Подобно другим бухарским дамам, они пользуются правом ездить в гости. За всадником более высокого сословия следует пешком слуга для охраны коня; богатый использует для этого одного из своих рабов, и грустно видеть, как всадники-беки, почти всегда ездящие быстрым аллюром, вынуждают бежать за собой запыхавшихся рабов. Бедняк велит сопровождать себя сыну и обычно едет более умеренным шагом. Из этого описания бухарских нравов можно судить, что роскошь там до настоящего времени ограничена. В основном они тратятся только на лошадей и одежду. Персидские ковры у них весьма посредственны; почти нет мебели; совсем нет столовых часов, редки и карманные. Нет никаких серебряных вещей и оконных стекол; дома выстроены скверно. Наконец, они вовсе чужды искусству наслаждаться роскошью, которую мы умеем ценить и к которой привыкли. Если бухарцы не чувствуют еще ее ценности, то это надо приписать недостатку цивилизации, влиянию древних обычаев, боязни обнаружить свои богатства в деспотическом государстве и скупости, господствующему пороку в этой стране. Впрочем, я убежден, что их торговые связи с Россией и Индией привьют им вкус к роскоши, так как она слишком льстит тщеславию и в ней слишком много очарования, чтобы не восторжествовать над всеми препятствиями.

Старинная репутация Бухары как города науки доказывает, что в очень отдаленную эпоху этот город был очагом просвещения. Он обязан этим, несомненно, торговле и богатствам, которые всегда оказывают большое влияние на прогресс цивилизации. Если, как с вероятностью утверждают, морские сообщения, облегченные конфигурацией берегов Европы, сильно содействовали распространению просвещения в этой части света, то не следует ли извлечь подобный же вывод из аналогичных фактов? Караваны — это сухопутные флотилии; бухарская нация, которая видела, как они стекались к ней в течение веков, испытала счастливые последствия этих связей. Мы знаем о великолепии Бухары при династии Саманидов (875—999 годы) и славу, которую ей до-

ставляли науки в эпоху Авиценны. Самарканд тогда был еще более блестящим городом, и его пышность уменьшилась только после падения Газневидов (1186 г.). Местная цивилизация была также развита в Хорезме. Чингис предал там все огню и мечу, и вскоре варварские джагатаи наложили свой железный скипетр на эту несчастную страну. Тимур, имевший, как говорят, вкус к наукам, искусствам и роскоши, вызвал в Мавераннахр ученых своей обширной империи, и новая цивилизация родилась в отчизне этого завоевателя. К этой эпохе нужно отнести небольшое число знаний, переживших опустошения, произведенные узбеками. Теперь же схоластическое богословие поставлено во главе наук в Бухарии и исключительно оно составляет предмет знаний. Медресе содержат большое число учащихся, которые в течение 10, 20 и даже 30 лет изучают многочисленные комментарии к Корану и таким образом тратят лучшие годы жизни, не развивая своих способностей; когда их память, наконец, достаточно обременена пустяками, они становятся мударрисами, или муллами; тщеславясь своим бесполезным знанием, они презирают всякого, кто им не обладает. Никчемные споры о смысле стихов Корана, о положениях, которые никто не смеет опровергать, чтение более или менее точных переводов из некоторых трудов Аристотеля — вот в чем состоят занятия бухарских философов.

Время от времени сам хан предлагает богословские вопросы, которые мударрисы, собравшись на заседание, обсуждают часто в его присутствии. Один мударрис проницательного и смелого ума осмелился как-то выступить против общепринятых идей и доказывал справедливость своих мнений с неопровержимой логикой. Улемы, вместо того чтобы отвечать, приказали ему замолчать, если он не желает быть сброшенным с верхушки минарета большой мечети. Понятно, что эта угроза положила конец дискуссии.

Как и остальные мусульманские народы, бухарцы питают большое уважение к медицине. Но они примешивают к ней нечто от химии, от тайных знаний, и эта наука пребывает в застое вследствие убеждения, что все находящееся в древних медицинских трудах — истинно и возражению не подлежит. Хороший бухарский врач, прощупав пульс больного, должен быть в курсе его болезни, не задавая никаких вопросов. Подразделяя физическое строение тела на холодное или горячее, влажное или сухое, он делит медикаменты на крепительные, горячительные, ослабляющие или прохладительные. Эти доктора знают только об артериях и не имеют точных сведений о природе вен. Они различают три главные артерии, из которых одна примыкает к голове, другая — к груди и третья — к желудку. Эти идеи были в моде в Европе, я думаю, несколько столетий назад.

Астрономия в Бухаре, как уже сказано, непосредственно связана с астрологией. Астролог хана должен ему предсказывать все затмения по меньшей мере за два дня с целью предотвратить неприятное и даже страшное впечатление, которое может возникнуть в результате наступления этого явления. Нынешний астролог в Бухаре (он там в единственном числе) умеет вычислять движение Луны. Он полагает, что Солнце вращается вокруг Земли, что кометы происходят от столкновения двух планет, что хвост кометы является результатом этого столкновения, что существует только пять планет. Наконец, он преклоняется перед системой Птолемея и считает Улугбека непогрешимым.

Самые ученые бухарцы имеют весьма слабые сведения по географии, и им были бы незнакомы и карты, если бы какой-то купец не привез две или три из России, но они почти никого не интересуют. Сам первый министр не имеет о них ни малейшего понятия.

Не ушло далеко в Бухарии и изучение истории. Суровые муллы рассматривают его как занятие нечестивое или по меньшей мере бесполезное, и светские люди отдаются ему только в качестве отдыха. Впрочем, из этого проскрипционного списка исторических трудов следует исключить летописи Искандера Зулькарнайна (Александра Великого), которые вызывают всеобщий интерес. Один мулла читал по приказанию хана эту историю во всеуслышание на площади, где был окружен множеством слушателей. После чтения последние предложили мулле небольшое вознаграждение. Можно было вообразить себя перенесенным из глубины Бухарии на олимпийские игры в среду самого цивилизованного на земле народа!.. Познакомившись с чтецом этих анналов, я попросил у него разъяснений по поводу пути следования Александра в Согдиане и расположения завоеванных им крепостей. Этого мулла не знал или не хотел отвечать по памяти. Он обещал мне порыться в своих книгах. Но свой ответ он превратил в дело государственной важности и уклонился от намеченного свидания под предлогом, что это может быть неугодно хану. Эта осторожность сначала доставила мне большое огорчение, потому что я рассчитывал собрать кое-какие сведения. Впрочем, я утешился, подумав о малой достоверности сообщений персидских историков, единственных, у которых бухарцы могли бы навести справки, и припомнив, что для придания славы своим предкам они приписывают Александру Великому персидское происхождение.

Несмотря на большое число медресе или колледжей, находящихся в Бухаре, большинство жителей не умеет ни читать, ни писать. Необходимость приобретать эти познания для того, чтобы преуспевать в торговле, заставляет боль-

шинство таджикских купцов посылать своих сыновей в школы. Многие из них ходят также в медресе, хотя таджики, которых очень презирают, крайне редко становятся членами высшего духовенства. Дети знатных особ учатся только читать, писать и произносить наизусть цитаты из Корана. Ханские сыновья занимаются с учителями на дому. Сам хан разъясняет им Коран на собраниях, на которых присутствует более 300 слушателей.

Наиболее распространенные языки — персидский и тюркский. Первый — язык таджиков, городских жителей и всех более или менее цивилизованных бухарцев. Им пользуются при ведении дел и для переписки. Употребляемое в Бухаре персидское наречие не очень сильно отличается от того, на котором говорят в Персии. Тюркский язык, отличающийся своей грубостью, употребляется только узбеками-кочевниками и туркменами. Он очень похож на тот, на котором говорят киргизы и русские татары.

Если бухарский хан когда-нибудь пожелает распространить просвещение в Средней Азии, то здесь его поддержит столичная медресе. Для этого необходимо расширить преподавание, и результаты будут удачными, так как в Бухарии любят учение и уважают знания. Основание школы считается благочестивым делом, а содержание школьников из бедных семей — долгом. Все доходы, которые хан извлекает из таможен, должны распределяться муллам, мударрисам, учащимся и беднякам. Этот закон строжайше соблюдается правящим ханом, который платит мударрисам от 100 до 200 тилля жалованья, учащимся — до 300 тенег и многократно раздает щедрые подаяния. Часто сам хан жалует учащимся награды деньгами и сарапаи по представлению мударрисов; сумма увеличивается по мере того, как ученик переходит из класса в класс и когда он удостаивается звания *ишана* *.

У богатых людей существует обычай не отказывать в обеде или небольшом денежном даре учащимся или талибам, которые являются к ним без приглашения и даже не будучи знакомы. Этот дар называется *садакат* или *хайрат*.

Тимур жаловал различным медресе большое количество земли, десятая часть доходов с которой распределялась между учащимися.

Из только что сказанного читатель поймет, каким образом Бухара может содержать более 10 тыс. учащихся или студентов, которые живут при медресе, мечетях и у частных лиц. Однако большинство желающих приобрести знания не могут это осуществить, что объясняется только влиянием предрассудков и фанатизма, внушаемых мусульманской ре-

---

* По проф. Сенковскому (рукописное примечание), «ишан» означает почетный титул, который в Бухарии присваивают улемам высшего ранга.

лигией. Можно ли поверить, что в Бухаре нет библиотеки, в которой было бы более 300 томов? Ханская библиотека содержит около 200 томов. Лишь немногие медресе располагают книгохранилищами. Я всегда буду сожалеть, что мне не удалось их видеть, хотя меня и уверяли, что в них содержатся только богословские и медицинские сочинения. Достойно замечания, что Шах-Мурад, покровительствуя только военным, упразднил жалованье 400 мударрисам и сильно сократил число мулл. Этот факт любопытен, ибо доказывает, что влияние улемов в Бухаре незначительно и что там было бы легко осуществить различные реформы.

И если когда-нибудь Бухару возглавит просвещенный человек, то он, конечно, сумеет оказать на Среднюю Азию благотворное влияние «и просвещение, заимствованное Европой из Азии, сможет быть возвращено, обогащенное исследованиями и разумом веков».

Развитие просвещения в России обязывает эту обширную империю осуществить стоящую перед ней благородную задачу. России надлежит помочь среднеазиатским ханствам распространить в этих странах все блага европейской цивилизации.

Проезжая по различным странам Европы, получаешь почти одинаковые впечатления. Религия, нравы, привычки, человеческие расы почти те же самые. Даже природа похожа: путешествуешь ли в Швейцарии или по Апеннинам, в Тироле или в Пиренеях, на юге Крыма или на севере Богемии. Напротив, путешествие по Востоку поражает новизной предметов, и интерес, вызываемый им, совсем особого рода. Я вспоминаю пустыни протяжением в 70 дней пути, которые пересек, их сухость, однообразие, обширные пространства их озер, реки, текущие почти в уровень с поверхностью, сухие русла рек, причудливые эффекты миражей, редкие экземпляры животных, необычные лица и кочевые обычаи киргизов, их войлочные юрты, караваны верблюдов. Все мне казалось новым. Мне представлялось, что я перенесен в другой мир. Я встречал людей, живших только рыбной ловлей, обитавших в камышовых хижинах и своим оседлым образом жизни приближающихся к земледельцам...

Путешественник снова поражен, когда, выйдя из степей, он вступает в возделанную часть Бухары — подлинный оазис, где начинает понимать, что такое «восточная цивилизация». Исключительное плодородие земли, искусство, с которым она обрабатывается, меня изумили. Я впервые увидел там дома, построенные в азиатском стиле, и селения, окруженные зубчатыми стенами, — предосторожность, доказывающая, что жители беспрестанно опасаются нападений врага.

Я заметил влияние, которое оказывает власть произвола на нравы бухарского народа, страх, который внушает ему эта власть, и пагубные последствия религиозной нетерпимости. Столица страны напоминает монастырь, где надзор за соблюдением предписаний и обрядов религии представляется основным занятием правительства.

Впрочем, эти действия государственной власти не делают людей лучшими. Мысли бухарцев исключительно направлены в сторону торговли, и жажда наживы слишком велика, чтобы они могли примирить заботу о торговых делах с монастырским образом жизни, которому их хотели бы подчинить.

Это путешествие все же удовлетворило мое любопытство, не оставив, однако, никакого приятного впечатления и никаких утешительных воспоминаний...

Приложение

*Выдержки из книги «Reise von Orenburg nach Buchara von Eduard Eversmann», Berlin, 1823 *.*

Врачи (стр. 97—100) ** в Бухаре весьма многочисленны, а лекарств еще больше. Почти каждый учившийся является до некоторой степени врачом, так как читал медицинские книги. Система, которой здешние врачи пользуются в своей практике и согласно которой они лечат или желают лечить все болезни, сходна с системой Брауна: болезни разделяют на горячие и холодные, так же как и лекарства и кушанья. Когда к ним приходит пациент, то они прежде всего определяют качество его болезни — горячая она или холодная (стеническая или астеническая). Если она горячая — то прописываются холодные лекарства, если холодная, то — горячие. Таким же образом они назначают диету (называемую *пархиз*), которой придают большое значение. В их [медицинских] книгах все лекарства и кушанья обозначены либо как горячие, либо как холодные; при этом дело доходит до того, что, например, мякоть винограда считается холодной, а косточки, наоборот, горячими; один лишь хлеб не относится ни к тому, ни к другому. Сверх того, различаются, понятно, разные степени тепла и холода, например очень горячее, очень холодное, почти безразличное и т. п. Сам врач лекарств не раздает, а когда его посещают пациенты и болезнь будет признана, например, горячей, то он выписывает на листке бумаги произвольное число холодных лекарств; больной платит за этот листок теньгу, идет с ним на базар в москательную лавку и покупает какое-нибудь из прописанных лекарств. Если оно не помогает, он пробует другое и т. д.

Хотя врачи в известной мере и осведомлены о специфических действиях лечебных средств, однако применяют эти сведения редко. При этой Брауновой системе они чувствуют себя столь же спокойно, как и последователи Брауна *** в Европе, но врачам доверяют здесь еще меньше, чем там, так что, не будь в Бухаре плата за лечение столь дешевой, у врачей, конечно, было бы мало практики. Их хирургические познания сводятся почти только к умению пускать кровь, да и то в городе есть один-единственный хирург, который, по их мнению, умеет делать это как следует. По

* Эта глава под заглавием «Бухарские лекари» была переведена на русский язык немедленно по выходе в свет книги Эверсмана и помещена в «Сибирском вестнике» Гр. Спасского за 1823 год, ч. 4, стр. 179—183. Ввиду устарелости языка и неполноты прежнего перевода, к тому же представляющего сейчас библиографическую редкость, здесь предлагается новый перевод. Этот перевод любезно просмотрен действительным членом Академии медицинских наук СССР проф. В. Н. Терновским, за что приношу ему дружескую благодарность.— *Прим. пер.*

** В скобках — страницы из книги Эверсмана.

*** Эти взгляды высказывались представителями античной медицины — Гиппократом и особенно Галеном, а свое обстоятельное теоретическое обоснование получили в Каноне Ибн-Сины (Авиценны).— *Прим. В. Н. Терновского*

их книгам — и это является основным положением — вена цефалика, как в это верили и наши предки, начинается от головы, а вена базилика — от живота; этим бухарцы и руководствуются при кровопускании.

Когда я раз оперировал тризиах, мне сообщили, что несколько лет назад здесь был афганский врач, который делал то же самое, но рану не стягивал пластырем, а сшивал. Вероятно, этот афганец видел, как подобную операцию производили англичане. Зато совершенная мной здесь операция бельма повергла бухарских врачей в изумление. Они обращают большое внимание на пульс и, хотя среди них нет никого, кто имел бы об этом малейшее представление, все же утверждают, что настоящий врач узнает по пульсу любую болезнь, местную и общую. Ко мне ежедневно приходили люди, протягивали руку, и я должен был по пульсу определить, чтб у них: например, рана на ноге или еще что-нибудь в этом роде. Подобное же убеждение существует у киргизов, так же как, наверное, у всех неевропейских народов. Врач в этом случае должен, разумеется, помогать себе как умеет. Когда я в прошлом году заехал из Оренбурга к захворавшему киргизскому султану Арунгазы, то первое, что он сделал, это протянул мне руку для прощупывания пульса. А поскольку мне было известно ошибочное мнение киргизов по этому поводу, я сделал ученую мину и пробовал его исподволь выспрашивать. Но мой первый вопрос: «Не болит ли у тебя голова?» — оказался неудачным — он повернулся с насмешливой улыбкой к сидевшему возле него и сказал: «Он пощупал пульс и даже не узнал, что у меня болит шея». Дело в том, что он страдал французской (т. е. венерической.— *Ред.*) болезнью. Но в дальнейшем мне удавалось всякий раз его перехитрить. Так, например, он сказал мне, что просил лекарства для оказания помощи одной из его жен, про которую я еще раньше слыхал, что она бесплодна. Когда я навестил ее и она протянула руку для прощупывания пульса, я долго проделывал эту манипуляцию и наконец сказал с выражением глубокой учености: «Эта женщина не рожает детей». Всеобщий возглас: «Верно, верно!» — подтвердил мой диагноз.

Лекарственные вещества (стр. 100) различных видов имеются здесь, в Бухаре, по данным некоторых врачей, в количестве, превышающем тысячу, по другим — их более 500, и это действительно так. Я как-то был в лавке, торгующей медикаментами, и мне кажется, что последняя цифра не преувеличена. Наибольшее число лекарственных средств бухарцы получают из Индии, кроме трав и цветов, которые они по большей части привозят из гор неподалеку от Самарканда или разводят здесь в садах, что относится также ко многим разнообразным семенам.

Болезни (стр. 100—105), наблюдающиеся здесь чаще всего, я описываю вкратце ниже:

1. Особый подкожный червь (*ришта*). Это длинный нитеобразный червь, который располагается многочисленными завитками под кожей, так что его можно осязать и видеть. Он причиняет невыразимую боль и под конец, после того как пораженная болезнью часть тела сильно распухнет, обнаруживается в том или ином месте. Он может появиться в любой части тела и больше всего страданий вызывает там, где более всего приближается к костям или где кости окружены меньшим количеством мускулов. Многие сильно страдают от этих червей и заполучают их ежегодно по 7, 8 и до 12. Иные, например, хвастаются, что никогда не подвергались этой болезни. Однако последняя так часта, что в среднем немногие остаются пощаженными ею.

Червь появляется только в течение восьми месяцев теплого времени года и главным образом в самой Бухаре, реже в окружающих ее селениях. В других же городах, например в Коканде, Ташкенте, Туркестане и т. д., говорят, его вовсе нельзя найти.

Здесь господствует всеобщее мнение, что эта болезнь происходит от воды и что червь в ней живет, почему состоятельные люди никогда летом не пользуются для питья водой из городских водоемов, а доставляют ее из загородных каналов. Что червь может заводиться от воды, вполне вероятно, но что он прогрызает желудок и кишечник до конечностей или до того

места, где выходит наружу, этого я не могу допустить, так же как того, что, например, глисты в местностях, где они эндемичны, обитают в воде.

Вообще говоря, справедливо, что не пьющий воды не заболевает глистами, а здесь более или менее свободен от риштьі. Но отсюда еще не следует, что их зародыши находятся в воде. Она лишь специфическим образом расслабляет кишечный тракт, вызывает скопление слизи и таким образом создает условия для произвольного зарождения глистов *. Возможно, что гнилая вода здешних водоемов в соединении с невероятным зноем и испорченным городским воздухом своеобразно расслабляет все тело и особенно кожу, так что ее способность к сопротивлению, ее реакция не в состоянии победить ришту. Если спросят, откуда у риштьі берется способность к зарождению, то пусть мне сначала ответят, откуда эта способность появляется у прочих животных, возникающих путем произвольного зарождения. Ведь это всеобщее явление в природе, что там, где жизненные силы падают, разрушаются, на их место вступают другие силы, которые, быть может, уже раньше были в борьбе с первыми, но оказались побежденными. Может быть также, что прежние силы обнаруживаются в новых формах.

Лечение больных риштой состоит в том, что как только червь оказывается непосредственно под кожей, появившись из частей тела, расположенных глубоко, так что становится ощутим и видим подобно нити со множеством завитков, то местонахождение головки, ставшее твердым и вздутым, вскрывают, затем разрезают кожу в разных местах до самого червя, не повреждая его при этом, стремятся извлечь его в разных местах при помощи булавки и в конце концов вытаскивают из тела за головку. Если это выполнено успешно, то больной выздоравливает. Если же червь оборвется, то все тело распухает, особенно ужасно больной участок, и болезнь очень часто грозит смертельным исходом. Искусство лечения состоит главным образом в том, чтобы определить момент, когда червь созреет и станет настолько взрослым, что есть надежда вытащить его целиком. Длина червя достигает одного-полутора аршина, толщиной же он с вязальную спицу средней величины **.

2. Поражение языка и гортани (*кул'а*). Преимущественно на нижней части языка образуются более или менее крупные волдыри (*aphtae*) или ранки, причиняющие большую боль и мешающие жевать пищу; при этом зев и гортань сильно воспаляются и краснеют. Болезнь эта не опасна и вызывается, вероятно, большим количеством съедаемых здесь сластей, что связано с частым употреблением чая, и является следствием испорченного и расстроенного желудка ***.

3. Родственно этой болезни недержание пищи (*марраки-сафрави*), заболевание, также часто наблюдаемое здесь. Кушанья, съедаемые больным, вызывают у него вскоре рвоту. Вначале эти припадки происходят изредка, а затем, если не оказать помощи, все чаще и чаще, пока болезнь не заканчивается смертью ****.

4. Геморрой (*бавасир*), сухой и кровоточащий, здесь очень част, так что на 100 взрослых не найдется и 5, не страдающих им. Причина этого отчасти, может быть, заключается в распространенном здесь пороке — педерастии, но главным образом от обычая сидеть по-мусульмански, вследствие чего тормозится свободная циркуляция крови в нижних конечностях.

5. Оспа (*чичак*) распространена здесь круглый год, и от нее умирает

---

* Этот неправильный взгляд характерен для времени автора.— *Прим. В. Н. Терновского.*

** Первые сведения о риште см.: Филипп Ефремов. Десятилетнее странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии..., СПб., 1786, стр. 81—83. Позднее эту болезнь описывает Т. С. Бурнашев, посетивший Бухару в конце XVIII в. [«Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году], «Сибирский вестник», ч. III, 1818, стр. 92—94 (112—114).

*** Автор имеет в виду афтозный (язвенный) стоматит.

**** Речь идет о рвоте желчью (vomitus biliosus).

много народу, детей и стариков. Здешние врачи утверждают, что у них нет против этой болезни никаких средств, и это естественно, так как они не умеют лечить лихорадок и не знают, что такое настойки. Коровья оспа здесь еще неизвестна; с прививанием же натуральной оспы бухарские врачи знакомы, но, насколько я знаю, не применяют его никогда.

6. Особый лишай на лице и на шее *(афган)*. Сначала образуется несколько маленьких сухих оспинок или струпьев, которые постепенно распространяются и оставляют после себя слегка углубленные ровные места, поверхность которых имеет точно такой вид, как будто это место было обожжено. Этот лишай не распространяется кругообразно: струпья находятся не вокруг всего образовавшегося уже пятна, а только на одном его краю и так идут дальше, оставляя за собой гладкую блестящую кожу. По крайней мере половина жителей Бухары обоего пола более или менее обезображена этим лишаем. Он поражает чаще детей, чем взрослых. Полагают, что эту болезнь занесли афганцы, откуда и ее название.

7. Сифилис *(абилахи-франк,* или *захем,* или также *бада фтодаст,* т. е. «ветер подул» на больного). Об этой болезни я сообщаю только потому, что она играет важную роль в истории медицины. Она отнюдь не относится к распространенным здесь заболеваниям уже на том основании, что нарушение брака и прелюбодеяние здесь по большей части наказывается смертью. Описываемая болезнь, по рассказам врачей или скорее по данным медицинских книг, известна здесь не очень дано; вероятно, она завезена сюда бухарскими путешественниками, которые в чужих краях пользуются большей свободой, чем на родине. Этим путем возбуждается она и поныне чаще, чем непосредственной заразой. Впрочем, бухарцы не умеют правильно отличить этот недуг от других болезней. Так, я знаю, например, что язвы другого происхождения, так же как и ломоту в костях и ревматизм, они обозначают тем же названием. У них существуют два метода лечения: один, известный всем врачам и воспринятый от персов, состоит в том, что они дают больному курить трубку с горючими травами и киноварью, которая, как правило, разрушительно действует на организм. Другой менее известен и заимствован из некоей составленной в Константинополе книги: при нем употребляется лекарство, состоящее из многих веществ, из которых действительны только ртуть и масло (ртутная мазь). Приготовленные из него пилюли принимают утром и на ночь.

В настоящее время сифилис ужасающе свирепствует среди киргизов, которые заполучили его от русских. Болезнь распространяется там все более, так как киргизы большей частью незнакомы со свойством ее расширять круг своего действия и совершенно не имеют врачей.

8. Что касается глазных заболеваний, то здесь можно обнаружить любое из них. Число слепых так велико, что в Бухаре даже существует особое убежище для них, называемое Фатхабад, где слепцы из бедного класса получают скудное пропитание на средства хана. Особенно часты здесь оба вида бельм, стафилома, трихиаз и пр. Необыкновенно распространена темная вода: она возникает не сразу, часто проходит много лет (от 10 до 15), пока не наступает совершенная слепота. Этой болезнью поражаются не только старики, нередко случается, что даже люди в возрасте от 15 до 30 лет уже полностью лишены зрения. Катаракта сплошь и рядом соединяется с темной водой или бывает также, что в одном глазу темная вода, а на другом — катаракта. Часто можно видеть грудных детей с катарактой, стафиломой и пр.

Причин этих глазных болезней много: отчасти сырые жилища, которые из-за жары глубоко заложены в землю и в которых нет пола, в лучшем случае они вымощены или уложены камнями; далее, отражающиеся от белой глины солнечные лучи в связи с сильной летней жарой; затем пыль, постоянно наполняющая воздух, так что приходится каждый час вытирать домашние вещи, и, наконец, частые головные простуды по причине бритья волос на голове: на ней носят плотно прилегающие шапочки, на коих помещаются чалмы,— человек сильно потеет под ними, заходит в сырые жилища, снимает головной убор, и простуда готова.

Эпизоотии (стр. 108) случаются здесь каждые четыре-семь лет, причем домашние животные погибают вдруг, без какой-либо предварительной болезни, так что в одну ночь вымирает хлев, полный скота, который вечером еще был здоров.

Нищие (стр. 106—108) здесь в таком количестве и отличаются такой наглостью, что с ними приходится ссориться целыми днями. Их разноголосые крики, состоящие из пожеланий, молитвенных и коранических формул и благословений, вначале забавляют, но вскоре надоедают. Нищие орут так невероятно громко, что вздумавший им подражать надорвал бы голос в первые же полдня. Любой анатом с удовольствием взялся бы за препарирование голосовых связок такого нищего. Часто можно наблюдать одного из них на перекрестке улицы, выкрикивающего на все четыре стороны света свои молитвословия столь оглушительно, что первое время я подозревал, что тут произошло смертоубийство. Мусульманин же при этом бывает растроган и получает за один пул благословение, совершающееся следующим образом: нищий хватает его за руку и сотрясает ее с такой силой, что можно опасаться вывиха предплечья, затем берет жертвователя за грудь, трясет с той же силой и вместе с молитвами произносит пожелания всего того, что должен ему ниспослать господь бог. Я видел одного бухарца, который в подобных обстоятельствах до такой степени расчувствовался, что у него катились слезы из глаз. Все это происходит публично на улице или на базаре, где толкутся сотни людей, и всегда только за один пул со стороны благословляемого, если прочие зрители, тронутые восклицаниями нищего, не одарят его дополнительно.

В собственной комнате в караван-сарае от этих нищих нет покоя, и многие из них при получении отказа врываются насильно, требуют подаяния и вопрошают: «Разве у тебя нет бога?» На это я часто отвечал: «Нет», и так как нищие в своей практике этого никогда не слышали, то покидали меня с отвращением. На улицах они останавливают прохожих со словами: «Дай денег!»

В качестве ревностного мусульманина хан покровительствует им и раздает много милостыни, вместо того чтобы обеспечить их работой, как это бывает в других странах. Три раза в год происходит большая раздача подаяния, когда собираются все нищие, и хан, имея подле себя мешок с деньгами, дает каждому по 3—4 теньги. Понятно, что это еще более умножает число попрошаек. Говорят, в Бухаре есть нищие, располагающие состоянием в несколько тысяч, а на улицах выпрашивающие полушку.

В городе, как сказано выше, существует приют для бедных слепых — Фатхабад, где их содержат за счет хана. Хотя этот приют, по слухам, густо заселен, однако нищие-слепцы бродят по улицам бесчисленными толпами.

Другой вид нищенства, несколько более высокого порядка, состоит в том, что какой-нибудь грамотей выписывает молитвы в стихах или изречения из книг, заучивает их наизусть или составляет их сам, пользуясь различными сочинениями. Затем он является по вечерам в какой-либо караван-сарай или на улицу и громко возглашает, не найдутся ли любители, которые за несколько пулов купят у него экземпляр этого превосходного стиха. Те нищие, которые уже не могут двигаться, садятся на улице и выклянчивают милостыню. Они используют всякие уловки для получения денег: часто изображают судороги или припадки или притворяются, что они при последнем издыхании, и очень часто действительно умирают от голода и нужды.

Вино и водка в большом употреблении в Бухаре, хотя это и мусульманский город. Напитки эти изготовляют евреи и один армянин, которому принадлежит главная роль в торговле ими. Всем этим лицам дозволено заготовлять лично для себя сколько угодно спиртного и пьянствовать дома, но покидать свои жилища в нетрезвом виде они не имеют права, так же как и продавать вино: в противном случае хан может поступить с нарушителем как ему вздумается. Так, например, пять лет назад жертвой этого закона пал первый здешний врач, немного подвыпивший на свадьбе сына: хан приказал его повесить. Но, несмотря на этот закон, хан действует

так, как ему заблагорассудится: недавно он распорядился произвести обыск во всех еврейских домах, и там, где были обнаружены запасы вина, владельцы были жестоко избиты в своих собственных домах, а самый богатый из них посажен в тюрьму на хлеб и воду, где его ежедневно избивали; его предупредили, что он получит свободу только в том случае, если подарит хану свой каменный дом, стоимость которого достигала 800 тилля. Но так как этот богач скуп и считает деньги величайшим благом, то он и до настоящего времени не выразил согласия на требование хана. Невзирая на все это, сам хан является первейшим пьяницей, и ему подражают знатные узбеки, в дома которых полицейские не осмеливаются врываться для обысков и к которым по этому поводу хан не решается применить свою власть. Эти люди приобретают вино у упомянутого выше армянина, которому они, разумеется, покровительствуют. Тем не менее он находится в критическом положении. Когда хан велел произвести обыски в еврейских домах, то посоветовал ему уехать и в течение трех дней покинуть страну. Хотя этот приказ и был затем отменен, армянин, опасаясь, что, как только наше посольство уедет, его жизнь окажется в опасности, решился выехать из Бухары вместе с русскими, пока сам куш-беги не заверил его, что ему нечего опасаться, и не упросил его остаться.

Попутно мне хочется отметить, что армяне, хотя и являются христианами, ставятся мусульманами выше прочих наций или, лучше сказать, менее презираются, чем последние. По этой причине армянина хотят удержать здесь, так как для хана унизительно покупать вино у евреев.

Остальные мелкие сошки, которые бывают уличены в склонности к вину, часто должны расплачиваться дороже: почти ежедневно шныряющие повсюду агенты полиции задерживают на улицах лиц, выходящих от армянина или от евреев со спрятанными под платьем бутылочками, потому что полицейские имеют право обыскивать любого обывателя. Пойманных тащат в полицию, основательно избивают или даже подвергают смертной казни, если они ранее уже попадались несколько раз.

Изготавливаемые здесь вина гораздо крепче, чем европейские: их приготовляют из самых спелых гроздьев, которые завяли почти до состояния изюма. Вообще виноград здесь достигает такой сладости, какой мне не приходилось наблюдать нигде в других местах.

Водку приготовляют также из винограда (и только из самого спелого) или изюма и затем крепят перегонкой, что, как известно, очень нелегко производится с нашими европейскими винами. Водку перегоняют до крепости рома. Она прозрачна и отличается, по крайней мере на мой взгляд, отвратительным вкусом и запахом мочи; употребление ее вызывало у меня сильную головную боль и приливы крови к голове.

* * *

Отрывки из воспоминаний участника посольства Негри* свящ[енника] Будрина, опубликованных в «Справочной книжке Оренбургского края на 1871 год» (Оренбург, 1871, отд. II, стр. 1—45), под заглавием «Русские в Бухаре в 1820 году (Записки очевидца)».

II

Пребывание в Бухаре (стр. 18—21).

С самого въезда г-на посланника в город Бухару назначено было отпускать на каждый день по два бухарских червонца, что составляет 32 рубля, на стол для миссии и на содержание. Столь малое и смешное положение было принято со стороны миссии с неудовольствием; однако, чтобы явно не оскорбить отказом бухарского хана, посланник сказал, что он принимает его, но только не на содержание себя и миссии, а на содержание лошадей. Все отношения посланника к хану не иначе были производимы,

* В книге ошибочно «посольства гр. Берга».— *Прим. пер.*

как или чрез личный переговор с визирем, или чрез письма к нему же. Начальное требование о приеме российской миссии с надлежащей честью вызвало чрезвычайное неудовольствие хана и его приближенных, а усердие г-на посланника к российским пленным, живущим там в жестоком рабстве, каждодневно оскорбляемым новыми обидами и притеснениями, возбудило взаимное несогласие. Посему все дела г-на посланника не имели желаемого успеха. Хотя сей усердный и верный сын России всемерно старался с наибольшей пользой исполнить данные ему поручения, однако чем более было употребляемо со стороны его убеждений, тем более хан оставался в нерешимости на все его требования. На многократные его отношения очень редко было отвечаемо, потому что посланник мог говорить о делах своих не иначе как с визирем, а сей визирь, кажется, был главной причиной расстройства между миссией и ханом. Имея у себя до десяти человек русских, он все меры употреблял своей хитростью и коварством поссорить г-на посланника с ханом и склонить сего посланника к совершенному отказу в требовании миссии. После многих настоятельных требований аудиенции хан согласился дать оную посланнику в 22-й день февраля. На сей аудиенции между прочими взаимными переговорами он решительно отказал в возвращении пленных в Россию; а на другой день приказал объявить, чтоб миссия выступила в поход непременно через 12 дней. Сей новый и неожиданный приказ чрезвычайно оскорбил миссию, потому что она никогда не предполагала видеть такую дерзость от хана, а более по неготовности провианта на обратный путь и по невозможности выступить в поход в такое время, когда еще ни в Бухарии, ни в киргизской степи не имелось подножного корма для лошадей. Причиною сего приказа хан поставил праздник Нового года, начинающийся у них с 9 марта и продолжающийся несколько дней. Торжество сие начинается пушечною стрельбою, и хан со всею своею властью выезжает от города верст на 6: осматривает свои войска, награждает их жалованьем; сюда также съезжаются богатые бухарцы на самых лучших лошадях для гуляния. Хан находил неудобным производить предполагаемое празднество при русских. Г-н посланник отвечал, что русские нимало не помешают праздновать, что для спокойствия их он сам согласен выйти из города в лагерь и что в настоящее время никак не может выступить; потом послал отрядного командира просить визиря, чтоб он склонил хана отложить свой приказ. Но визирь, наделавши множество учтивостей отрядному командиру и лестных обещаний, сказал, что он никак не может просить хана о сем деле и что если хотят русские дождаться удобного пути и запастись провиантом, то могут сие сделать в Вабкенте, где обещал дать и квартиры, и людей для вспоможения, и всего, что нужно будет. Почему отрядный командир и отправился в Вабкент для осмотрения назначенной квартиры, но нашел оную не только неудобною, но и совсем не приспособленной к помещению отряда и лошадей, и потому сказал визирю, что он никак не может выступить из Бухарии, доколе совершенно не изготовится к пути. Но сколько ни настаивали начальник миссии и отрядный командир в требованиях своих об отмене приказа хана, однако, будучи в чужом владении, принуждены были согласиться и выступить в Вабкент, оставив малую команду и пекарей для остального приготовления провианта в Базарчи. В сем предположении г-н посланник в 7-й день марта был у хана на последней аудиенции, где он был принят очень ласково, хан позволил сесть около себя и говорил очень много. При последнем приветствии посланника хан изволил сказать, что он, уважая просьбу, позволяет остаться миссии в Бухарии до 20 марта с тем только, чтоб г-н посланник выехал из города и никто уже из русских более не смел в него ездить. Сия новость произвела в лагере чрезвычайное удовольствие и радость. Потом подарил посланнику 200 червонцев, капитану Мейендорфу 40 и отрядному командиру 40, а прочим при миссии служащим по 15, однако г-н посланник отказался от сего неучтивого подарка, сказав в ответ, что он так награжден от государя императора, что не только не может взять подносимые от хана деньги, но не может о сем и мыслить, дав притом заметить, что если хочет хан одарить посольство, то может

сии подарки сделать вещами, а не деньгами. В 9-й день марта выехал г-н посланник из города в лагерь, и уже с сего времени никто из нас в нем не бывал. Во время пребывания г-на посланника в лагере в Базарчи множество пленных прибегали к нему и искали покровительства. Он, имея христианскую любовь к страждущему человечеству, многих из них выкупил, платя по 60 и 70 бухарских червонцев, а некоторых, имеющих отпускные, брал под свою защиту в надежде возвращения в Россию. Но в сем усердии хан и его министр делали чрезвычайные препятствия. Когда хан узнал, что продают бухарцы пленных, то наложил по 100 червонцев штрафу на всех тех, кои продали их; а убежавших пленных от своих хозяев приказал отыскивать и заключать в тюрьму. В 21-й день марта хан прислал г-ну посланнику и его свите в подарок несколько персидских шалей и индийских парчей, осведомившись наперед в согласии принятия сих подарков. Сии подарки г-ном посланником были приняты, и по азиатскому обыкновению в то же время отдарено было хану червонцами на десятую часть подарков. Таким образом кончилось скучное пребывание наше в Бухарии, и миссия в 22-й день назначила непременно удалиться из нее в благословенное отечество свое...

IV

Обратное возвращение (стр. 42—45).

Марта 23-го в 23-й день марта по отслужении молебна на путешествие и освящении св[ятою] водою войска мы выступили из лагеря нашего в 2 часа пополудни в поход. Марш направили другою дорогою на полдень, которая была гораздо удобнее прежней. При сем шествии нашем гораздо менее было видно бухарцев, нежели при первом. Причина малочисленности их, мне кажется, была та, что они боялись или нападения со стороны нашей, или похищения некоторых из них.

Марта 24 и 25-го. Шли беспрерывно селениями и, наконец, проходили граничный городок Урдензей. Сей город обнесен глиняною высокою стеною с востока, полдня и запада, а с севера ограждается высоким бугром, к которому приведены помянутые стены. При выступлении из сего места вступили в пески, которыми шли верст 6 с чрезвычайным неудобством, которое тем более для нас было чувствительно, что в сих песках беспокоил нас сильный ветер и преграждал дорогу. Во время шествия нашего из Бухарии весь лес оделся, а хлеб был вышиною в четверть, а иногда и выше, на степи же везде хороший корм.

26-го. Пришли на Агатму.

27-го. Была дневка.

28-го. От Агатмы дошли до Карагаты.

29-го. Была дневка для запасу воды на четыре дня.

Апреля 1-го. Проходили горами Сусыз-кара.

2-го. Пришли на Юз-кудук.

3 и 4-го. Дневка. В сей день находили очень много ревеню по ключу Юз-кудук.

5-го. Шли песками, и в левой стороне остались колодцы Букан.

6-го. Проходя песками Кызылкум, видели много человеческих трупов, валяющихся на дороге.

7-го. Шли теми же песками и видели также валяющиеся трупы человеческие. Сии несчастные суть хивинцы и киргизы, умерщвленные во время зимы от взаимного между ними сражения. Когда хивинцы напали на караваны, едущие из Оренбурга, Троицка и Орской крепости, и разграбили их, то султан Арунгазы, стоящий на Джаныдарье, услыхав сие, вознамерился с ними сразиться и отнять похищенное имущество бухарцев. В самых песках он с несколькими лучшими киргизами нашел хивинцев и объявил им войну. Хивинцы, устрашившись, требовали поединка. Султан выбрал лучшего батыра, который победил своего соперника-хивинца. Устрашенные сим хивинцы пустились в бегство, а киргизы, разъяренные,— за ними и многих из них убили. Но, к несчастью, хивинцы приметили, что немного за ними погналось киргизов; единодушно вооружившись, убили всех гнав-

шихся за ними, а остальные киргизы, услыхавши сие, удалились к Илеку. Хивинцы же всю почти зиму разоряли каракалпаков и киргизов, кочующих около Джаныдарьи и Сырдарьи, и удалились из песков в Хиву пред нашим прибытием за месяц. В сей день встретился нам от султана Арунгазы посланный в Бухарию киргиз с письмом, требующим войска против хивинцев. В случае отказа киргизу приказано от султана, ввиду бухарского хана и его чиновников, отрезав у лошади хвост, сказать сии слова: «Как сей хвост отделяется от лошади, так точно киргизы отделяются от Бухарии и в степи будут ее неприятелями».

8 и 9-го. Шли теми же песками.

10-го. День Св.[ятой] пасхи; в 3 часа, отслуживши утреню, пошли в поход и дошли до Джаныдарьи, на которой, сделав привал, отправились далее новою дорогою, взявши на север от старой.

11-го. Дошли до Кувандарьи.

12 и 13-го. В сии дни, сделавши из камыша мост через Куван, переправились на нем.

14, 15 и 16-го. В сии дни шли новою дорогою до Сырдарьи.

17, 18 и 19-го. Переправлялись через Сырдарью на киргизских лодках.

20-го. Поутру, отошедши 12 верст, сделали привал на берегу Сырдарьи; около сего места множество киргизских кладбищ; ночевали без воды.

21-го. Шли песками; привал делали на трех колодцах, имеющих солоноватую воду в изобили[и] называемых Аще-кудук; ночевали без воды.

22-го. Привал делали не дойдя песков Каракум и ночевали в них без воды.

23-го. Шли сначала весьма трудными песками, потом солончатыми, имеющими родники, на коих сделали мы привал и ночевали без воды.

24-го. Шли песками, привал делали на двух колодцах, имеющих хорошую воду, после обеда также проходили мимо множества колодцев, вырытых при подошве песчаной горы; ночевали без воды.

25-го. Во весь день шли песками, а после глинистым местом; ночевали около горы Сары-бутак, на родниках Ангыр-булак. Сии родники имеют воду чистую, но пахнущую маслом.

26-го. Поутру шли песками, а на привале после обеда имели много колодцев, вырытых на солонцах.

27-го. Дневка.

28-го. Вступили в Малый Барсук, привал делали на колодцах, вырытых в сих песках; ночевали без воды.

29-го. Поутру рано проходили мимо двух колодцев, в левой стороне дороги оставшихся; привал делали без воды, ночевали — так же.

30-го. Поутру поили лошадей и сами набирали воду из колодцев, выкопанных около самого озера, коего имя неизвестно; потом вступили в Большой Барсук, который в сем месте весьма мал; после обеда, перешед его совсем, ночевали на колодцах, выкопанных на солонцах.

Май 1, 2, 3-го. Вышли на прежнюю дорогу и дошли до Муголжарских гор.

4-го. Дневка.

5, 6, 7, 8, 9 и 10-го. Перейдя горы в преполовенье *, шли от Муголжарских гор до реки Илека, где султан Арунгазы встретил нас с сотнею войска и подарил несколько баранов.

11-го. Дневка.

12, 13 и 14-го. От Илека дошли до Менового двора близ Оренбурга.

15-го. Дневка.

16-го. Торжественно вступил отряд в 9 часов утра в Оренбург и, отслуживши благодарственный молебн на парадном месте, в роще против дома военного губернатора был угощаем обедом.

---

* 4 мая.— *Прим. пер.*

Книга первая

[1] Эссен Петр Кириллович (1772—1844) — командир Отдельного Оренбургского корпуса, оренбургский военный губернатор с 1817 по 1830 г. Генерал от инфантерии — «полный» пехотный генерал (это и другие не оговоренные примечания принадлежат переводчику — Е. К. Бетгеру).

[2] Тимур (Тамерлан, 1336—1405) — средневековый полководец и завоеватель, создавший огромную империю в Центральной Азии; прославился исключительной жестокостью.— *Прим. ред.*

Шараф ад-Дин Али Йезди (XV в.) — средневековый иранский историк; служил в качестве летописца в главной канцелярии Тимура и написал фундаментальный труд о завоевательных походах «Зафарнома» («Книга побед»).— *Прим. ред.*

[3] Сейхун — арабское название Сырдарьи.— *Прим. ред.* Е. К. Мейендорф допускает ошибку: войско Тимура пострадало от морозов, но отнюдь не погибло.— *Прим. ред.*

[4] В июле 1803 г. из Оренбурга в Бухару отправилось торгово-политическое посольство царского правительства во главе с поручиком Я. П. Гавердовским. В урочище Ходжаберган (около 800 *км* к югу от тогдашней границы Российской империи) караван, с которым оно следовало, подвергся нападению степных грабителей. Я. П. Гавердовский вернулся ни с чем. Об этом неудачном посольстве см.: «Разграбление киргизами русского каравана, шедшего в Бухарию в 1803 г. (Отрывок из дневных записок г-на Гавердовского)»,— «Сибирский вестник», ч. II. «Смесь», 1823, стр. 29—45; ср. также: Н. А. Халфин, Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века), М., 1974, стр. 67—78.— *Прим. ред.*

[5] Арунгазы Абдулгази — султан казахского Младшего жуза («Малой орды») во втором десятилетии XIX в.— *Прим. ред.*

[6] Белемниты и аммониты — вымершие головоногие моллюски.— *Прим. ред.*

[7] П. С. Паллас, Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. I, СПб., 1809, стр. 369—371.

[8] Наметившийся у части казахского населения переход к оседлости и хлебопашеству был вызван глубокими социально-экономическими причинами, а не попытками хивинских ханов подчинить себе казахов, как это объясняет Е. К. Мейендорф.— *Прим. ред.*

[9] Бий — представитель феодальной родовой знати в основном у казахов и киргизов. Бии контролировали общественную жизнь населения, в том числе суд, поэтому звание бия подчас не совсем точно отождествляется со званием судьи. — *Прим. ред.*

[10] Фашины — связки прутьев, хвороста, камыша для укрепления насыпей, дорог через болота и т. п.— *Прим. ред.*

[11] В рассказе о каракалпаках Е. К. Мейендорф допускает ряд неточностей. Антропологический тип каракалпаков содержит европеоидный и более поздний — монголоидный пласты; их язык относится к западной ветви тюркских языков (тогда как калмыцкий — к западномонгольской группе алтайских языков).

Послы каракалпаков в 1742 г. прибыли в Оренбург и Петербург ходатайствовать о принятии их в русское подданство. Удовлетворение этой

просьбы привело к нападению на каракалпаков в 1743 г. их прежнего владетеля казахского хана Абулхаира, что вынудило большую часть каракалпаков перейти на жительство с берегов Сырдарьи на западный проток ее дельты — Джанысдарью. В конце XVIII — начале XIX в. против них предпринимают завоевательные походы хивинские ханы, в результате чего каракалпаки в 1811 г. были покорены хивинцами и переселены в дельту Амударьи. Отдельные группы каракалпаков проживают в других районах Средней Азии. См. об этом: Т. А. Жданко, Проблема этногенеза каракалпаков,— «Краткие сообщения Института этнографии», 1962, вып. 36; С. К. Камалов, Каракалпаки в XVIII—XIX веках (к истории взаимоотношений с Россией и среднеазиатскими ханствами), Ташкент, 1968.— *Прим. ред.*

[12] Абулгази (1603—1663) — хивинский хан. Интересовался историей и написал два содержательных труда: «Родословная туркмен» (пер. А. Г. Туманского, Асхабад, 1897 и «Родословное древо тюрков» (пер. и предисл. Г. С. Саблукова; см. «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. 21, вып. 5—6, Казань, 1905—1906).— *Прим. ред.*

[13] Гузы (чаще — огузы) — в данном случае союз кочевых тюркоязычных племен Прикаспия и Приаралья IX—XI вв. Ставка их верховного вождя (ябгу) находилась в Янгикенте (Джанкент).— *Прим. ред.*

[14] Сиенит, диабаз — изверженные горные породы.— *Прим. ред.*

[15] Судя по приложенному к французскому оригиналу указателю, опущенному в настоящем издании, Чавасвали именуется также Шахбазвали. По-видимому, речь идет о гряде Шейхджели, составляющей западную часть хребта Султан-Уиз-дага. По моему мнению, это название автор спутал с названием селения Шейх-Аббас-вали, и оно превратилось в Шахбазвали.

Горы Васильскара, вероятно, не что иное, как северо-западная оконечность названного хребта, известная под именем Алтын-тау. См.: Гиршфельд, Военно-статистическое описание Хивинского ханства, ч. I, Ташкент, 1902, стр. 44—46.

[16] Экспедиция Александра Бековича-Черкасского была в 1717 г. отправлена Петром I в Хиву для поисков золота и ведения переговоров о принятии хивинским ханом подданства Российской империи. А. Бекович-Черкасский и большая часть его спутников были предательски убиты в ханстве, не выполнив поставленных перед ними задач.— *Прим. ред.*

[17] Эмир Хайдар из династии Мангытов (1753—1920), правил с 1800 по 1826 г.

[18] Перевод описания въезда посольства А. Ф. Негри в Бухару из книги Е. К. Мейендорфа впервые сделан проф. А. А. Семеновым в статье «К истории дипломатических сношений между Россией и Бухарой» («Известия АН УзССР», 1951, № 1, стр. 90—91).

Книга вторая

[1] По-видимому, под именем Туши-хана А. Жобер подразумевает Джучи — старшего сына Чингисхана, возглавлявшего отряды татаро-монгол, которые завоевали значительную часть Средней Азии.

[2] Под горами Белур (иначе Болор) Мейендорф понимал полосу гор Памира и Тянь-Шаня, отделяющую равнину Восточного (или, как его часто называли в те времена, Китайского) Туркестана от Ферганы, Алая и равнин Средней Азии. Существование Белура было опровергнуто в результате путешествий и исследований П. П. Семенова-Тян-Шанского, А. П. Федченко, Н. А. Северцова и И. В. Мушкетова.

[3] Горы Гаур — ныне Копетдаг.

[4] Под термином «гальча» следует понимать горных таджиков, а не «восточных персов», как это делает Е. К. Мейендорф.— *Прим. ред.*

[5] «Шитани» и «дервазе» — это, видимо, шуганцы, дарвазцы и другие горцы верховьев Пянджа, смутные сведения о которых как о кочевниках могли дойти до автора данной работы в результате расспросов, а их исмаилитские верования дали повод информаторам Е. К. Мейендорфа назвать их «язычниками».

[6] 27 дюймов 7—9 линий (старая французская мера) равны около 68,7 *см.*

[7] Кашгар-Даван — современный Алайский хребет (Алай-Таг, или Ала-Тоо); через перевал Терек-Даван и другие перевалы этого хребта проходили кратчайшие пути из Коканда в Кашгар, почему Назаров и назвал его хребтом «Кашгарского перевала» («Кашгар-Даван»). В хребет Алатаг Назаров ошибочно объединил Алайский хребет, хребты Алатаг приисыккульские и Алатаг (Алатау) Джунгарский. «Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии Филиппа Назарова... посланного в Коканд в 1813 и 1814 годах», СПб., 1821, стр. 61 и 78.

[8] Говоря о реке Бадахшан, Е. К. Мейендорф имеет в виду Пяндж.

[9] Оксус — древнее название Амударьи.

[10] Антони Дженкинсон (ум. в 1610 или 1611 г.) — английский купец и дипломат, который на протяжении 1557—1572 гг. четырежды побывал в Русском государстве; в 1558—1559 и 1562—1564 гг. с разрешения Ивана Грозного ездил в Иран и Среднюю Азию.— *Прим. ред.*

[11] Н. Н. Муравьев, в дальнейшем известный под фамилией Муравьев-Карский (1784—1866),— русский военно-политический деятель. В 1819—1821 гг. совершил поездки в Хивинское ханство и Туркмению, описав их в изданной им книге «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах... капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров», ч. 1—2 и альбом, М., 1822.— *Прим. ред.*

[12] Походы Степана Разина на Волгу и к берегам Каспийского моря происходили не в 1670, а в 1667—1669 гг.— *Прим. ред.*

[13] Цит. сверена переводчиком по кн.: «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», Л., 1937, стр. 176—177.

[14] Под рекой Каратегин следует, по-видимому, понимать реку Оби-Хингоу.

[15] В действительности Ош — это город на востоке Ферганской долины (ныне в Киргизской ССР), расположенный у подошвы невысокой горы Тахти-Сулейман («Трон Соломона»), бывшей в старину местом паломничества.

[16] Из географических наименований, приведенных автором при описании Аральского моря, Кульмагур (в форме Улу и Кчи Кульмагир) встречается еще только на карте А. И. Левшина, приложенной к первой части его труда «Описание Киргиз-казачьих, или Киргиз-кайсацких орд и степей» (СПб., 1832), и то южнее, чем их дает Мейендорф. А. И. Бутакову известен Аксуат как урочище, а не озеро (см. его карту Аральского моря 1850 г.). Он же об Аксуате специально говорит в своем дневнике от 28 июля 1849 г. («Дневные записки плаванья А. И. Бутакова на шхуне „Константин" для исследования Аральского моря в 1848—1849 гг.», Ташкент, 1953, стр. 44). Мыс Аксуат упоминается Л. С. Бергом в его известном труде «Аральское море» (СПб., 1908, указатель).

[17] Эта глава в основном базируется на расспросных сведениях. Впервые в русской науке мы встречаем попытку дать приблизительную географическую схему, в связи с чем ее данные в деталях не всегда соответствуют действительности. В частности, совершенно неправильны сведения о правых притоках Амударьи и всей топографии местности, расположенной к востоку от Бухары. Тем не менее здесь впервые в русской науке мы встречаем попытку дать географическую схему той высокогорной части Средней Азии, которая начинает становиться известной лишь с 70-х годов прошлого столетия благодаря исследованиям русских ученых — А. П. Федченко, Н. А. Маева, В. Ф. Ошанина и др. Е. К. Мейендорф был одним из первых русских путешественников, сообщивших оригинальные сведения о нынешнем Таджикистане.

[18] Хан Мухаммед Рахим I правил Хивинским ханством с 1806 по 1825 г.

[19] Михаил Федорович Ртищев (1754—1835) — главнокомандующий Грузии и «главноуправляющий по гражданским и пограничным частям» (1812—1817).

[20] Личность Веледи-Нассара установить не удалось.

[21] Ак-Мечеть, ныне Кзыл-Орда.— *Прим. ред.*

[22] Исун — по-видимому, правильнее Усюн или Уйсюн. См.: А. И. Левшин, Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. 3, СПб., 1832, стр. 9.

[23] Казакли-Джулак — ныне г. Джулек Кзыл-Ординской области Казахской ССР.

[24] Кара-Ахмед-ходжа, более известен как Ходжа-Ахмад-Ясави. Его усыпальница, воздвигнутая Тимуром, являлась одним из крупнейших сооружений той эпохи и широко известна в Средней Азии.

[25] Дж. Арроусмит (1790—1873) — английский картограф, составитель «Лондонского атласа всеобщей географии» и карт ко многим описаниям путешествий.— *Прим. ред.*

[26] «Предшественником» Омар-хана, правившего в Коканде в 1809—1822 гг., был его брат Алим (1800—1809), а не Нарбута.— *Прим. ред.*

[27] См.: Ф. Назаров, Записки о некоторых народах и землях..., стр. 70.

[28] Автор вероятно имел в виду уйгурских купцов Восточного Туркестана.— *Прим. ред.*

[29] В «Алты-шаар» не входили «города на Или». Речь здесь идет о городах Янги-Гиссар и Уч-Турфан.— *Прим. ред.*

[30] Сноска А. Жобера вызвана, по-видимому, тем, что в действительности не было городов под названием «Большой» и «Малый Тибет» (как, впрочем, города «Кашмир» и какой-то «кашмирской реки»), и Жобер относил эти наименования к областям.— *Прим. ред.*

[31] Чаба — по всей видимости, местная народность.— *Прим. ред.*

[32] Автор оперирует здесь представлениями конца XVIII в. На деле Лхасса является главным городом Тибета.— *Прим. ред.*

[33] Мухаммед Тарагай Улугбек (1394—1449) — внук Тимура, правитель Мавераннахра, выдающийся математик и астроном, составил уникальные для своего времени астрономические, а также географические и тригонометрические таблицы.— *Прим. ред.*

[34] Карл Риттер (1779—1859) — крупный немецкий географ, автор многотомного труда «Землеведение Азии», часть которого переведена на русский язык.— *Прим. ред.*

[35] Аталык — один из высших чинов в бухарской придворной иерархии.— *Прим. ред.*

[36] Город «Рамит» и «одну из высочайших гор», о которых пишет Е. К. Мейендорф, трудно идентифицировать с чем-либо на современных картах.— *Прим. ред.*

[37] Реки под названием «Бадахшан» не существует. Файзабад лежит на берегах реки Кокча.— *Прим. ред.*

[38] Что имеет в виду автор под «городом» Каратегином, не ясно; едва ли бывшую столицу Каратегинского бекства — Гарм. Вероятнее всего, вместо «город» следует читать «область».

[39] Кяфиры (букв. «неверные»), или сиях пуши, как их называли некоторые авторы, занимают северо-восточную часть Афганистана, район юго-восточных склонов Гиндукуша, т. е. живут южнее, чем полагал Е. К. Мейендорф. До середины 90-х годов прошлого столетия они были независимы. В ислам обращены после покорения афганским эмиром Абдуррахман-ханом в 1895—1897 гг.

[40] Под рекой Дарваз следует понимать реку Пяндж. Какое отношение имели «бухарцы» к добыче золота в этих краях, находившихся тогда в нескольких сотнях километров от границ Бухарского ханства и не входивших в его состав, понять трудно.— *Прим. ред.*

[41] Сияхпушей автор отличает от кяфиров, хотя, так же как и последних, считает немусульманами и помещает их примерно там, где расположена страна кяфиров (см. прим. 39).

[42] Четрар — современный Читрал. Он лежит гораздо далее к востоку, чем Кундуз, и дорога из Хульма в Пешавар должна сначала проходить через Кундуз, а уж затем через Читрал.

[43] Какие именно пункты подразумевает Е. К. Мейендорф, называя города Джауз и Питахане, я не смог установить.

[44] З я к е т (иногда — з я к я т) — налог на скот, ввозимые и вывозимые товары и др. У ш р — десятина. См.: А. А. С е м е н о в, Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре,— «Советское востоковедение», V, М.—Л., 1948, стр. 149, прим. 68 и 69.

[45] Под названием «Эйба», вероятнее всего, имеется в виду тот же город Айбак.

[46] У древнего города Бамиан до арабского завоевания (VII в.) находились буддийские монастыри, а в соседних с городом скалах были высечены две огромные статуи («Бамианские колоссы»), дошедшие и до наших дней.— *Прим. ред.*

[47] Е. К. Мейендорф не совсем верно излагает некоторые события в истории Афганистана начала XIX в. Махмуд-шах убил своего визиря Фатх Али-хана из могущественного рода баракзаев не в 1819, а в 1818 г. и не в Герате, а в Кабуле. После восстания и прихода к власти баракзаев Махмуд-шах бежал в Герат, до 1863 г. составлявший самостоятельное Гератское владение.— *Прим. ред.*

Книга третья

[1] «Зухраб» — несомненно искаженное название р. Сурхандарьи («Сурхоб»), одной из составляющих которой является река Тупаланг. Поэтому данное место правильнее было бы читать так: «Река Тупаланг — Сурхан, впадающая в Амударью около Термеза».

[2] Урдензей — ныне Варданзи.

[3] Имеется в виду «Supplément à l'Histoire générale des Huns, des Turks et des Mogols, contenant un Abrége de l'histoire de la domination des Uzbeks dans la Grande Boukharie depuis leur établissement dans ce pays jusqu'à l'an 1709, et contination de l'histoire de Kharezm, depuis la mort d'Aboul-Ghazi Khan jusqu'à la même époque», СПб., 1824. Было приложено к программе лекций Петербургского университета.

[4] Осрушна (Усрушана) — область, к которой в древности относился г. Ура-тюбе.

[5] Осрушнаская пещера с известными еще с древних времен «горящими» испарениями расположена на горе Кантаг в долине реки Фандарьи, недалеко от бывшей крепости Сарвада. Там добываются сера и нашатырь и имеется отверстие, из которого поднимаются очень горячие газы — продукт горения подземного пласта каменного угля. Впервые это явление описано русским ученым А. Леманом. См.: «A. Lehmann's Reise nach Buchara und Samarcand in den Jahren 1841 und 1842. Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches. 17-tes Bändchen», St.-Petersburg, 1852, стр. 127—130.

Позднее это место посетил и описал А. П. Федченко («Краткий отчет о путешествии в бассейн верхнего Зеравшана в июне 1870 г.»,— «Известия Общества любителей естествознания, археологии и этнографии», т. 10, вып. 1, стр. 83—84).

[6] Приведенные даты неправильны: первый поход арабов против Бухарии относится к 676-му, а взятие города Бухары арабским полководцем Кутейбой ибн-Муслимом — к 709 г.

[7] Саманиды — феодальная династия в Средней Азии (819—999). Феодальное государство Саманидов со столицей в Бухаре существовало в 875—999 гг.— *Прим. ред.*

[8] Эта дата неверна: в 1742 году ханом был Абулфайз (1711—1747).

Рахим-хан, вернее, Мухаммед Рахим-хан царствовал с 1753 по 1758 г., фактически же правил с 1747 г.

[9] Приведенное Е. К. Мейендорфом объяснение слова «Бухара», данное якобы Абулгази, не соответствует тексту работы этого историка. У него сказано только: «Имя Бухара на монгольском языке значит средоточие учености» («Родословное древо тюрков», Казань, 1906, стр. 89).

[10] Под Бикендом разумеется древний город Пейкенд. См.: Л. А. Зимин, Развалины старого Пейкенда,— «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии», год 17-й, Ташкент, 1913, стр. 59—89.

[11] Перечень бухарских ворот мы находим в позднейших работах Н. В. Ханыкова («Описание Бухарского ханства», СПб., 1843, стр. 79—80) и И. Т. Пославского («Бухара. Топографический очерк»,— «Военный сборник», 1891, № 12, стр. 456); также см.: «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. 47, СПб., 1891, стр. 49—50. Их последовательность во всех трех списках неодинакова; названия некоторых ворот также не совпадают: так, ворота Маназар, согласно Ханыкову и Пославскому, именуются Мазар, Сабахан — Салляхане и Салли-ханэ, Намазгя — Намазина и Намазга, Шах-Джаляль — по Ханыкову — Шейхи-Джалаль, Толпалак — по Ханыкову и Пославскому — Талипач. Полагаю, что эти названия наиболее правильно приведены у П. Т. Пославского, который специально занимался съемкой плана Бухары. Через 30 с лишним лет после Пославского этот вопрос изучал И. И. Умняков («К вопросу об исторической топографии средневековой Бухары»,— «Сборник Туркестанского восточного института в честь А. Э. Шмидта», Ташкент, 1923, стр. 150), который в основном придерживался наименований, приведенных Н. В. Ханыковым.

[12] И. Т. Пославский считает, что длина бухарской стены составляла около 12 верст («Бухара, Топографический очерк»,— «Военный сборник», 1891, № 12, стр. 456).

[13] Это число 20-х годов прошлого столетия, несомненно, преувеличено, так как И. Т. Пославский («Бухара. Топографический очерк»,— «Военный сборник», 1891, № 12, стр. 470), занимавшийся подсчетом населения Бухары 70 годами позже Е. К. Мейендорфа, дает примерно ту же цифру.

[14] Вениамин Тудельский — еврейский раввин, живший в XII в. В течение 13 лет путешествовал по Востоку, в том числе по Центральной Азии. Написал книгу «Путевые заметки», которая в 1575 г. была переведена с древнееврейского на латынь А. Монтанусом, а в 1734 г.— на французский язык — Баратье. Английские издания вышли в Лондоне в 1840 и 1907 годах.— *Прим. ред.*

[15] В тексте указан 1650 год, между тем как хан Абдул-Мумин правил с 1747 по 1751 г., а Абулгази — с 1758 по 1785 г.

[16] Бухарский посол («ильчи») Мулла Ирназар Максютов приезжал в Россию в 1774 и 1779 гг. для переговоров.— *Прим. ред.*

[17] Ко времени Н. В. Ханыкова, посетившего Бухару в начале 40-х годов XIX в., там было уже 24 каменных и 14 деревянных караван-сараев, перечень которых приведен в его «Описании Бухарского ханства» на стр. 88, 89. Из них лишь 7 имеют названия, общие с приводимыми Е. К. Мейендорфом.

[18] Родовому наименованию «джай» нет соответствия в специальной литературе. Быть может, его следует рассматривать как искаженное «джагатай». Этот род, по А. П. Хорошхину («Сборник статей, касающихся до Туркестанского края», СПб., 1876, стр. 511), обитает в долине Зеравшана, а Н. В. Ханыков, именующий его «чагатай» («Описание Бухарского ханства», стр. 65), утверждает, что это название «весьма часто удается слышать».

[19] По-видимому, речь идет о нынешнем селении Джигачи Каракульского р-на Бухарской области Узбекской ССР.

[20] В разное время и в разных местах танаб имел различные размеры.

[21] Внесем некоторую хронологическую ясность в этот перечень бухар-

ских правителей. Абулфайз, как уже отмечалось, был последним ханом (1711—1747) Аштарханидской династии, правившей в Бухаре с 1599 по 1753 г. Его сменил Мухаммед Рахим-хан (1753—1758) — первый хан Мангытской династии (1753—1920). За ним следовали Даниял-бий (1758—1785), Даниял-бий и Шах-Мурад (1785—1800), Хайдар (1800—1826), при котором в Бухаре побывала миссия А. Ф. Негри. При этом необходимо иметь в виду, что Шах-Мурад (некоторое время) управлял ханством от имени подставного хана Абулгази.— *Прим. ред.*

[22] Хиджра (букв. «переселение»). В 622 г. основатель ислама Мохаммед бежал из Мекки в Медину; с этого времени ведется мусульманский календарь.— *Прим. ред.*

[23] Г. К. Э. Келер (1765—1838) — академик, археолог и нумизмат. Его перу принадлежит упомянутый автором труд: G. Köhler, «Serapis oder Abhandlungen betreffend das griechische und römische Altertum», Theile 1—2, St.-Petersburg, 1822.

[24] Х. М. Френ (1782—1851) — выдающийся востоковед и основоположник восточной нумизматики в России. Имеется в виду его книга: Chr. Fähn, Das Muhammedanische Münzkabinet des Asiatischen Museums der K. Akademie der Wissenschaften zu, St.-Petersburg, 1821.

[25] Этот расчет автора подтверждается указанием А. А. Семенова (см. его «Бухарский трактат...»,— «Сов. вост.», V, М.—Л., 1948, стр. 141), что мазар Бахауддина находится в 10,5 *км* к северо-востоку от Бухары.

[26] Шамсаддин Мухаммад Хафиз (1300—1389) — великий поэт-лирик, писавший на фарси; классик персидско-таджикской литературы.— *Прим. ред.*

[27] Эта характеристика Е. К. Мейендорфа может быть отнесена к представителям бухарской феодальной знати, с которыми он преимущественно сталкивался, тем более что и сам автор несколькими строками выше подчеркивал огромное трудолюбие бухарских земледельцев.— *Прим. ред.*

[28] А. Х. Лерберг (1770—1813) — экстраординарный академик. Автор книги «Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. Изданы на немецком языке в 1816 году Ф. Кругом. На русский язык перевел Д. Языков. СПб., 1819». О бухарских купцах — стр. 31—32 этой книги.

[29] См.: З. Герберштейн, Записки о Московии, СПб., 1866, стр. 89 и 119.

[30] О флорентинском купце Франческо Бальдуччи Пеголетти и его путешествии см.: Фридрих Аделунг, Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений, ч. 1, М., 1864, стр. 86, 87.

[31] Василий III Иванович (1479—1533) — великий князь Московский (1505—1533), вел активную внешнюю политику и укрепил торгово-экономические связи своего государства.— *Прим. ред.*

[32] Захирэддин Бабур (1483—1530) — Тимурид. Вначале правил в Фергане, откуда был в 1504 г. изгнан узбеками-кочевниками. Бежал в Индию, где основал династию Великих Моголов (1526—1858).— *Прим. ред.*

[33] Иван Грозный (1530—1584) — великий князь (с 1533 г.), царь Российский (1547—1584).— *Прим. ред.*

[34] Борис Годунов (1552—1605) — фактический правитель Русского государства (1552—1598), русский царь (1598—1605).— *Прим. ред.*

[35] Алексей Михайлович (1629—1676) — русский царь (1645—1676).— *Прим. ред.*

[36] Книга переиздана Академией наук СССР в 1950 г.

[37] В действительности переход в российское подданство Младшего жуза («орды» — по старой терминологии) во главе с ханом Абул-хайром и значительной части Среднего жуза во главе с ханом Семеке состоялся в 1731 г. В 1740 г. российское подданство приняли также хан Среднего жуза Абулмамбет и султан Аблай.— *Прим. ред.*

[38] См.: «Из путешествия г-на Бланкеннагеля в Хиву»,— «Соревнователь Просвещения и Благотворения», 1811, ч. VII, кн. 9, стр. 259—274; ч. VIII, кн. 10, стр. 38—69.

[39] См.: «Полное собрание законов Российской империи», т. XXXIV, № 26677 от 15 февраля 1817 г.

[40] «Континентальная и запретительная система Бонапарта» (чаще — континентальная блокада) — экономическая политика наполеоновской Франции по отношению к Великобритании, проводившаяся в 1806—1814 гг. По декрету Наполеона от 21 ноября 1806 г. Франция и все ее союзники должны были прекратить всякую торговлю с Великобританией, порты которой подвергались блокаде. Целью этих действий был подрыв английской торгово-экономической мощи. Континентальная блокада привела к важным изменениям в экономике и торговле Европы. Формально она отменена в апреле 1814 г., когда наполеоновская империя потерпела крах.— *Прим. ред.*

[41] См.: G. Forster, Journey from Bengal to England, through the northern part of India, Kashmire, Afghanistan and Persia, and into Russia, by the Caspian sea, vol. 1—2, London, 1798.

[42] Банианы (банья) — название одной из индийских каст, широко распространенной на северо-западе Индии и в Раджпутане. К ней принадлежат крупные и мелкие торговцы, ростовщики и др. Ср.: Дж. Неру, Открытие Индии, М., 1955, стр. 356.

[43] Какую народность имеет в виду автор, установить не удалось.

[44] Улемы — мусульманские теологи, высшие богословы и законоведы в странах ислама.— *Прим. ред.*

[45] Дастурханчи (иногда — достарханчи, дестурханчи) — первоначально придворный, в обязанности которого входило наблюдение за тем, как слуги готовят и накрывают ханский стол. См.: А. А. Семенов, Бухарский трактат...,— «Советское востоковедение», № 5, М., 1948, стр. 149.

[46] Аталык (букв. «подобный отцу», «заменяющий отца», в переносном смысле — «опора эмиров») — по данным А. А. Семенова, в его функции входил контроль над распределением вод Зеравшана от Самарканда до Каракуля (там же, стр. 144).

[47] Дадха (иногда — додхо) и парваначи (иногда — перваначи) указаны у А. А. Семенова как отдельные, не совпадающие друг с другом должности с иными функциями, чем приведенные Е. К. Мейендорфом. Дадха — придворный, который доставляет эмиру прошения жалующихся и вручает им ответы на них. Парваначи — приближенный эмира, доставляющий его ярлыки «великим людям», которым они пожалованы, а также управляющий «арабским народом» в ханстве, т. е. потомками арабских завоевателей (А. А. Семенов, Бухарский трактат..., стр. 147, 148).

[48] Куш-беги — первоначально это звание означало начальника ханской охоты; в XIX в. — первый министр. См.: А. А. Семенов, Бухарский трактат..., стр. 139.

[49] По данным А. А. Семенова, а'лямом именуется высший муфтий (а'лям означает «ученейший»), в компетенцию которого входит подготовка юридических постановлений для гражданских лиц, тогда как войсковой муфтий составляет такие решения для армии («Бухарский трактат...», стр. 140).

[50] По смыслу диванбеги — глава ханского совета. Утверждение Е. К. Мейендорфа о незначительности этого звания в Бухаре противоречит данным Н. В. Ханыкова, который причисляет диванбеги к высшим чинам ханства («Описание Бухарского ханства», СПб., 1843, стр. 185). Как пишет А. А. Семенов, «великий диванбеги» ведает сбором поземельной подати в Бухаре — хараджа и отвечает за учет сбора податей и т. п. («Бухарский трактат...», стр. 147).

[51] Н. В. Ханыков считал невозможным установить численность бухарских войск, полагая наибольшим их пределом 40 тыс. («Описание Бухарского ханства», СПб., 1843, стр. 192).

[52] Некоторое время начальником артиллерии Бухарского ханства был бывший русский солдат. См. о нем: Пав. Яковлев, Русский капрал Топчи-Баши у бухарского хана,— «Отечественные записки», ч. XI, 1822, стр. 366—369.

Абдулгази, хивинский хан 47, 58, 93, 103, 165, 169, 170
Абдулгази эмир-Хайдар см. Хайдар-хан
Абдулла 90
Абдул-Мумин см. Абдулмумин
Абдулмумин 100, 113, 169
Абдуррахман-хан 167
Аблай 170
Абулгази, бухарский хан второй половины XVII в. 100, 113, 118
Абулмамбет 170
Абулфайз 112, 167, 168, 170
Абулхаир 165
Абул-хайр 122, 165, 170
Абуль-Мехмед см. Абулмамбет
Авиценна (правильнее Абу Али ибн-Сина) 13, 150, 155
Авшарова М. П. 16
Азим-хан Мухаммед (Мухаммед Азим-хан) 82
Александр см. Александр Македонский
Александр Великий см. Александр Македонский
Александр Македонский (Александр, Александр Великий, Искандер Зуль-карнайн) 119, 120, 151
Александр I 5, 7, 20, 73
Алексей Михайлович 121, 170
Алим 167
Аристотель 150
Арроусмит Дж. 70, 71, 167
Арсеньев К. И. 15
Арслан-хан 98
Артюхов 6
Арунтазы Абдулгази см. Арунгазы
Арунгазы (Арунгазы Абдулгази) 24, 28, 156, 162, 163, 164
Ахмед бай бек Ма'суми-газы см. Хайдар-хан

Бабур см. Бабур Захирэддин
Бабур Захирэддин (Бабур) 13, 121, 170
Баратье 169
Бахауддин 114
Бекович А. Б. (Бекович-Черкасский А. Б. 51, 63, 122, 165
Бекович-Черкасский А. Б. см. Бекович А. Б.
Берг Л. С. 166
Бетгер Е. К. 10, 16, 165
Бланкеннагель 123
Бонапарт см. Наполеон
Борис Годунов 121, 170
Браун 155
Брюс 63
Будрин 10, 160
Булгарин Фаддей 10, 13
Бурнашев Т. С. 157
Бутаков А. И. 16, 166

Вайс М. Л. 17
Василий III Иванович 121, 170
Веледи-Нассар 69, 167
Вениамин Тудельский см. Тудельский Вениамин
Виридарский М. С. 16
Вольховский В. Д. 6, 20
Вороновский Д. Г. 9

Гавердовский Я. П. 24, 164
Газневиды 150
Гален 155
Герберштейн З. 121
Гиппократ 155
Гравиус 74
Гумбольт А. 155

Даниал Ма'суми-газы см. Хайдар-хан
Данибегов Рафаил 73
Даниял-бий 170
Дженкинсон Антони 63, 64, 121, 166
Джунковский А. С. 15
Джучи (Туши-хан) 58, 165

* В подготовке именного и географического указателей принимала участие З. А. Цомартова.

Екатерина II 100, 123
Ермак 121
Ермолов А. П. 123

Жобер Амедей 9, 10, 19, 165, 167

Земан 134

Ибн-Сина см. Авиценна
Иван IV (Грозный) 121, 166, 170
Искандер Зуль-карнайн см. Александр Македонский

Каип 67
Камран 82
Кара-Ахмед-ходжа см. Ходжа Ахмад-Ясави
Катаган 79
Келер Г. К. Э. 113, 170
Кёлер М. 10
Килич Али 80
Килич-атаи 79
Клапрот 58, 81
Кутейба ибн-Муслим 168
Кутузов М. И. 6
Кызыл-Арслан-хан 99

Левшин А. И. 166
Леман А. 168
Лерберг А. Х. 121, 170
Лихарев 122

Маев Н. А. 166
Максютов Мулла Ирназар 169
Мангыты 165
Массул Вениамин см. Тудельский Вениамин
Махмуд см. Махмуд-шах
Махмуд-шах (Махмуд) 82, 168
Мейендорф Александр Казимирович 15
Мердан 80, 81
Мир-Араб 100
Мир-Хайдар см. Хайдар-хан
Монтанус А. 169
Монтескье Ш. Л. 132
Мулла Ирназар Максютов см. Максютов Мулла Ирназар
Муминджанов Азимджан 5
Муравьев Н. Н. (Муравьев-Карский Н. Н.) 63, 64, 67, 123, 166
Муравьев-Карский Н. Н. см. Муравьев Н. Н.
Мурад-бек 88
Мухаммед 113
Мухаммед Азим-хан см. Азим-хан Мухаммед
Мухаммед Рахим-хан см. Рахим хан Мухаммед
Мухаммед Тарагай Улугбек см. Улугбек Мухаммед Тарагай
Мухаммед Юсуф Мунши 9
Мушкетов И. В. 165

Навои Алишер 16
Надир-шах 67, 89
Назаров Ф. 62, 71, 166
Наполеон (Бонапарт) 9, 126, 171
Нарбута 71, 167
Насыр-бек 88
Негри А. Ф. 5—9, 17, 20, 28, 52, 55, 57, 120, 135, 145, 160, 165, 170
Несельроде К. В. 5

Озерский А. Д. 15
Омар см. Омар-хан
Омар-хан (Омар) 72, 167
Ошанин В. Ф. 166

Паллас П. С. 28, 164
Пандер Х. 7, 10, 20
Пеголетти Франческо Бальдуччи 121, 170
Перовский В. А. 11
Пестель П. И. 14
Петерсон Е. К. 15
Петр I (Петр Великий) 51, 122, 165
Пославский И. Т. 169
Птолемей 63, 151
Пугачев Е. И. 123
Пушкин А. С. 6

Разин Степан 65, 166
Рама 81
Рахим-хан Мухаммед, бухарский хан (Мухаммед Рахим-хан) 79, 98, 113, 169, 170
Рахим-хан Мухаммед, хивинский хан (Мухаммед Рахим-хан) 11, 67, 68, 166
Риттер Карл 76, 165, 167
Родофиникин К. К. 15
Ртищев М. Ф. 67, 167

Саманиды 92, 119, 149, 168
Саси Сильвестр де 9
Северцов Н. А. 165
Семеке 122, 170
Семенов А. А. 9, 165, 170, 171

Семенов П. П. см. Семенов-Тян-Шанский П. П.
Семенов-Тян-Шанский П. П. 15, 165
Сенковский О. И. 8, 10, 26, 152
Субханкули-хан 100

Тамерлан см. Тимур
Тафаев 6
Терно 116
Терновский В. Н. 155, 157
Тимофеев 6, 20
Тимур (Тамерлан) 13, 23, 79, 90, 97, 104, 118, 119, 147, 150, 164, 167
Тимуриды 90, 92, 121, 170
Тогай 70
Торака 91
Тудельский Вениамин (Массул Вениамин) 97, 121, 169
Туши-хан см. Джучи
Тюря-хан 145

Убайдулла II 79
Улугбек Мирза см. Улугбек Мухаммед Тарагай
Улугбек Мухаммед Тарагай (Улугбек Мирза) 13, 74, 75, 90, 151, 167
Умняков И. И. 169

Фатх Али-хан (Фатх-хан) 9, 82, 131, 168
Фатх-хан см. Фатх Али-хан
Федченко А. П. 165, 166, 168
Форстер Дж. 128, 171
Френ Х. М. 113, 170

Хаджи Хальфа 62, 93
Хайдар-хан (Даниал Масумигазы, Мир-Хайдар, Эмир-Хайдар) 5, 7, 8, 88, 91, 97, 136, 140, 170
Ханвей 63
Ханыков Н. В. 69
Хафиз Шамсаддин Мухаммед 117, 170
Ходжа-Ахмад-Ясави (Кара-Ахмед-ходжа) 70, 167

Черкасский А. Б. см. Бекович А. Б.
Чингис см. Чингисхан
Чингисхан (Чингис) 14, 58, 92, 104, 119, 133, 150, 165

Шараф ад-Дин Али Йезди (Шерефеддин) 23, 164
Шах-Мурад 153, 170
Шерефеддин см. Шараф ад-Дин Али Йезди

Эверсман Э. А. 6, 8, 10, 12, 25, 26, 155
Эльфинстон М. 64
Эманчи-бег 33
Эмир-Хайдар см. Хайдар-хан
Эссен П. К. 7, 8, 22, 24, 123, 164

Юнус-ходжа 70

Яковлев 20

Агатма, источник 26
Агатма г. 50—53, 84, 162
Аграбад, гора 81
Азия 9, 13, 60, 61, 115, 128, 153, 169
Азия Средняя 5, 6, 8, 11—17, 21, 58, 60, 70, 119, 122, 152, 153, 164, 168
Азов, г. 121
Айбак, г. 80, 168
Айбугир, колодец 69
Айрук, гора (Айрук-таг) 32
Акбура, р. 64
Ак-Мечеть, г. (ныне Кзыл-Орда) 69, 70, 167
Аксакал, оз. 38, 65
Аксу, г. 10, 59, 74—76, 128
Аксуат, оз. (мыс, урочище) 65 166
Акто-карагай, горы 61, 62
Алагуз, р. (правильно — Аягуз) 76
Алатаг, горы 62, 64, 67, 69, 70, 72, 166
Алатау, горы 43, 166
Алжир 96
Ализандан, долина 80
Алтай 60
Алтайские горы 33
Алты-шаар см. Туркестан Восточный, или Китайский
Алтын-тау см. Василькара
Амударья, р. (Аму, Оксус) 5, 48—51, 61—66, 68, 69, 77, 80, 82, 86, 88, 89, 91, 103, 111, 113, 122, 138, 165, 166, 168
Ангыр-булак, родники 163
Андераб, г. 75
Андижан, г. 71
Андхой, г. 82, 83
Андхой, х-во 60, 84
Апеннины, горы 154
Аравия 101, 111, 119, 129
Аралу-кулляр, озера 45, 64
Арал, Аральское море (Ургенджское, или Ургенчское море) 16, 24, 32, 35—38, 44, 45, 48, 60, 61, 63—66, 69, 166
Аргамак, горы 61
Армения 9
Арслантаг, горы 62
Астрахань, г. 103, 120—124
Атток, г. 120
Афганистан 5, 12, 41, 59, 82, 119, 129, 130, 141, 167, 168
Африка 9, 129
Ахсекат см. Фергана
Ахча, г. 84, 88
Аще-кудук, колодец 25, 35, 163

Багдад, г. 95, 97
Бадахшан, г. (Файзабад) 75, 95
Бадахшан, обл. 77
Бадахшан, р. (Пяндж) 63, 77, 166, 167
Бадахшан, х-во 60, 77, 78, 101, 111
Базарчи, селение 26, 55—57, 161, 162
Байсун, г. 91
Бактра см. Бактрия
Бактрия (Бактра) 79, 113, 116
Балтийское море 121
Балх, г. 63, 77, 79—83, 91, 95, 101, 139
Балх, х-во 60, 84
Балханский залив 63
Бамиан, г. 80, 82, 168
Бамианская область 81
Барсук, залив (Кул-Маджар) 61
Барсуки, пустыня 35
Барсуки Большие, дюны 35, 163
Барсуки Малые, дюны 35, 163
Бассага, гора 25, 28, 30, 31
Баткак см. Баткаккум
Баткаккум, пески (Баткак) 26, 51
Бауцен, г. 6
Белаули, колодцы 68
Белаули, перевал (Талдык) 72
Белур, горы (Болор) 59, 60, 64, 165

Бердянка, ручей 25, 28
Берлин, г. 8
Бетпак-Дала, пустыня 61

Бехрачай-кудук, колодец 37
Беш-булак, холм 51
Бешкент, г. (Пенкат) 75
Беш-тамак, местность 29
Беш-тепе, холмы 48
Бешузак, местность 64
Бикалы, см. Гардан-дивани
Бикенд см. Пейкенд
Битли-су, ручей 25
Богемия 154
Болор см. Белур
Большие Барсуки см. Барсуки Большие
Большой Тибет см. Тибет Большой
Борисов, г. 6
Букан, Буканские горы 48, 50, 62
Буканские колодцы 48, 162
Букбульдук, холм 51, 62
Буртех, ручей 25

Вабкент, г. 12, 26, 55, 56, 85, 88, 90, 93, 102, 161
Вабкентдарья, р. 85
Василькара, горы (Алтын-тау) 51, 62, 122, 165
Вахш см. Сурхаб
Везувий, гора 89
Великобритания 170, 171
Верхнеуральск, г. 61
Виртемберг, г. 6
Волга, р. 104, 123, 166

Газган, гора 90
Галле 6
Гарм, г. 167
Гардан-дивани, три форта (Бикалы) 81, 82
Гаур, горы (ныне Копетдаг) 61, 165
Гашгир см. Кашгар
Гейдельберг, г. 16
Герат, г. 77, 79, 82, 83, 91, 95, 130, 168
Гератское владение 168
Геркуланум, г. 89
Германия 16, 129
Гиждуван, г. 88, 92
Гиндукуш, горный хребет 59, 60, 167
Гиссарский край 141
Грузия 166
Губерлинск, крепость 32, 61
Губерлинские горы 31, 32
Гузар, г. 63, 91, 103
Гулум, р. 63
Гуррам, обл. 80

Даджабук-карагай, горы 61
Данадар, г. 125
Дарваз, г. (Калаихум) 78
Дарваз, обл. 62, 64, 78
Дарваз, р. (правильно — Пяндж) 77, 78, 111, 167
Дарган, г. 75
Дарган-ата, см. Ургенч
Дахистан 67
Денау, г. 63, 77, 84, 85
Дервазе, г. 73
Дерман-баши, гора (Термембес) 25, 36
Дештабад, г. 77
Дешти-Кипчак, обл. 58
Джабазкарагай, горы 62
Джайдар, г. 125
Джам, г. 90
Джанкент см. Янгикент
Джанысдарья, р. (Кызылдарья, Янгидарья) 26, 36, 38, 43—50, 61, 162, 163, 165
Джаны-шир 62
Джауз, г. 79, 168
Джем см. Эмба
Джетыкент, селение 70
Джетысу, обл. 72
Джигачи, селение 169
Джизак, г. 62, 90, 132, 139
Джиланды-тепе, холм 27
Джулек см. Казакли-Джулак
Джунгария, 59, 60, 62, 76
Дон, р. 30
Драус, г. 73
Дуаб, крепость 79, 80
Дуробан см. Турфан
Дюрт-аул, селение 90
Душамбе, г. 88

Европа 8, 19, 110, 116, 117, 119, 126, 140, 142, 147, 149, 150, 153—155, 171
Египет 9, 107
Ейчи, селение (ныне Джигачи) 84, 103, 138

Заамин, форт 90
Зармитан, г. 88
Зендани, г. 88
Зеравшан, р. 45, 63, 85, 90, 93, 102, 110, 111, 169, 171
Зияуддин, г. 90
Зияуддинский округ 137
Зухраб см. Сурхандарья

Икан, селение 70
Илак, или Тункат 75
Илек, р. 25, 27—29, 32, 38, 39, 47, 163
Или см. Кульджа
Или, р. 72, 76, 167

Илийская провинция 60
Индия 5, 12, 73, 82, 109, 111, 116, 119, 122, 129, 130, 141, 149, 156, 157, 170, 171
Иран (Персия) 5, 12, 41, 60, 70, 88, 95, 101, 111, 115, 119, 129, 130, 132, 141, 152, 157, 166
Ирбит, г. 126
Иргиз, р. 27, 37—39, 65
Иртыш р. 62, 122
Исфаган, г. 144
Исфиджаб, г. 75
Италия 106
Ич-берды, колодец 84
Иена, г. 13

Кабул, г. 63, 77, 79—82, 97, 120, 129, 130, 168
Кавказ 19
Кагатан, селение 26, 53, 89
Казакли-Джулак, г. (ныне Джулек) 69, 167
Казахская ССР 167
Казахстан 10, 11
Кала, крепость 81
Калаихум (правильно — Калаихуб) 78
Камедер, селение 80
Камышлы, залив 26
Камышлы-баш, бухта 36—38
Канада 126
Кантаг, гора 168
Капкан-таш, горы 51
Кара-агач, источник (Кара-ата) 26, 51, 52
Караадыртаг, горы (Кара-адыр) 62
Кара-акенты, ручей (Караганды) 25, 27, 31
Кара-ата см. Кара-агач
Карабалык, р. 85
Карабура, селение 70
Кара-бутак, ручей 25, 28
Караганды см. Кара-акенты
Карагата, селение 84, 162
Карагумбет, горы 61, 65
Кара-казан, селение 90
Каракотал, гора 80
Каракуль, г. 12, 69, 88, 103, 110, 139, 171
Каракуль, оз. 63, 85, 91, 93
Каракульский округ 137
Каракульский р-н 169
Каракум, пустыня 37, 39, 61, 66, 67, 163
Каратаг, г. 77
Каратаг, горы 70
Каратегин, бекство 78, 167
Каратегин, р. (по-видимому, Оби-Хингоу) 64, 166
Кара-тепе, высота 39
Кара-тепе, г. 90, 91
Караул-тепе, горы 32
Карачик, р. 70
Караяр, пригорок 37
Карнадур, горы 32
Карши, г. (Несеф, Нахшеб) 63, 75, 79, 82, 85, 86, 87, 91, 103, 104, 110, 138, 139
Карши-гельды-курган, г. 90
Каспийское море 35, 59—61, 63, 64, 66, 67, 121, 123, 145, 166
Катилас, г. 91
Катта-курган, г. 12, 90
Каунджур, ручей 25, 33, 35
Кафирниган, р. (Сарыджуй) 63, 77
Кашгар, г. (Гашгир) 59, 62, 64, 71—76, 78, 119, 128, 130, 141
Кашгар, р. 73, 95, 166
Кашгария 12
Кашка, р. (правильно — Кашкадарья) 79, 85, 86
Кашкар-Диван (правильно — Кашгар-Даван), горы 62, 69, 166
Кашмир 10, 73, 74, 78, 82, 118, 119, 129, 130, 140, 141, 167
Керки, г. 82, 83, 88
Кермине, г. 90, 91
Кеш, селение 75, 79
Кзыл-Ординская область 167
Киев, г. 15
Киргизская степь (имеется в виду Казахстан) 6, 14
Киргизская ССР 166
Кирпюк, г. 125
Китаб, крепость 79
Китай 119
Китай, оз. (Аральское море) 64
Кобадиан, г. 75
Коканд, г. 37, 39, 51, 62, 64, 65, 70, 71, 77, 78, 95, 101, 119, 120, 128, 156, 166, 167
Кокандское х-во 15, 49, 60, 67, 69, 71
Кокча, р. 167
Константинополь, г. 97, 141, 148, 158
Крым 117, 154
Кублейлы-темир, р. (Яман-темир) 25, 30
Кувандарья р. (Куван) 26, 37, 38, 44—48, 61, 63—65, 85, 163

Кук-тырнак, высоты 36
Кукертли 62, 69
Кул-кудук, колодец 35
Кул-Маджар см. Барсук
Кулли, местность 25, 36
Кульджа, г. (Или) 72, 74, 75, 76, 128, 129
Кульджа, обл. 59, 76
Кульм, г. 6
Кульмагур, озера (Улу, Кчи Кульмагир) 65, 166
Кульчук, возвышенность (Кульчуктам) 46, 62
Куляб, г. 77
Куляб, х-во 60, 77
Кумишкенд, холм 92
Кундуз, г. 79, 168
Кутуртаг, гора 62
Кшут, г. 91
Кызыл-ова 28
Кызылкум, пустыня 26, 43, 45, 47, 48, 50, 61, 62, 87, 162
Кызылдарья, р. 46, 47
Кызылсу, р. 73
Кыр-гельды 32
Кят, г. 75

Ладак, г. 73
Лейпциг, г. 6
Лондон, г. 169
Лхасса, г. 74, 167

Мавераннахр (Мавераннегер, Согдиана) 13, 86, 91—93, 113, 119—122, 150, 151, 167
Магиан, г. 91
Малая Бухария см. Туркестан Восточный, или Китайский
Мангышлак, п-ов 67
Мансульмас, колодцы 68
Маргилан, г. 62, 71
Матча, г. 78
Медина, г. 170
Меймене, г., х-во 60, 83, 130
Мекка, г. 44, 170
Мерв, г. (ныне Мары) 12, 67, 82, 84, 88, 103, 145
Мервский округ 142
Меручак, г. 83
Мешхед, г. 88, 95, 111, 115, 130
Миankаль, обл. 85, 90, 103, 104, 109, 125
Миджа см. Муджа
Митан, г. 90
Монголия 60
Москва, г. 23, 121
Мугоджарские горы (Мугоджары, Мугоджарская цепь) 27, 31—33, 35, 38, 39, 50, 51, 61, 62, 67, 163
Муджа, г. (Миджа) 81, 85
Музарт, горы (Мус-таг) 60
Мултан, г. 97, 129
Мургаб р. 83, 88
Мус-таг см. Музарт
Мусевиль, высоты 31

Налифар, гора 80
Наманган, г. 71
Нахшеб см. Карши
Несеф см. Карши
Нижний Новгород, г. 123, 126
Новый Ургенч см. Ургенч Новый
Нор-Зайсан 122
Нумишкенд, холм 92
Нур-атасы, г. 90
Нуратаг см. Нуратау
Нуратау, гора (Нуратаг) 62, 85, 86, 90, 111
Нуратинский округ 137

Оби-гарм 77
Одун-кудук, колодец 26, 53
Ойрук см. Айрук
Оксус см. Амударья
Октани, источник (Чилик) 25
Он-адам, пригорок 37
Оренбург, г. 6—10, 17, 20, 22—25, 27, 31, 47, 48, 50, 51, 61, 66, 76, 115, 122—124, 130, 156, 160, 162—164
Оренбургская губерния 123
Оренбургская линия 7
Орловская губерния 15
Орск, г. 32, 47, 61, 124, 162
Орь, р. (Ури) 27, 32, 38, 39
Османская империя 5
Осрушна обл. (Усрушана) 75, 91, 168
Оструш, г. 91
Отрар, г. 121
Оттоманская империя 57, 96
Ош, г. (у Е. К. Мейендорфа иногда — Тахти-Сулейман) 69, 71, 72, 75, 120, 126

Павловск, г. 6
Париж, г. 6, 9, 10, 19, 73, 85
Пейкенд, г. (Бикенд) 93, 169
Пекин, г. 121
Пенджикент, г. 91
Пенджшамбе-базар, г. (Пенджшамбе) 88, 90
Персия см. Иран
Петербург, г. 5, 7, 8, 11, 20, 73, 121, 164
Петропавловск, г. 69, 123

Пешавар, г. 78, 79, 120, 129, 130, 168
Питахане, г. 79, 168
Пиренеи 154
Полоцк, г. 6
Помпея, г. 89
Пруссия 126
Пяндж см. Бадахшан, а также Дарваз

Раджпутана 171
Рамит, г. 76, 167
Регар, г. (Регара) 77
Рометан, г. 63, 88
Россия, Российская империя 5, 7—12, 14—16, 19, 20, 23, 43, 58, 66, 67, 68, 72, 73, 76, 79, 84, 88, 97, 104, 110, 111, 113, 116, 117, 119, 121—130, 144, 146, 149, 150, 151, 153, 161, 162, 164, 165, 169, 170
Руи, селение 80

Саганиан, г. 75
Сайрам, селение 70
Самара, г. 15
Самарканд, г. 12, 45, 62, 63, 70, 71, 75, 84, 85, 88, 90—92, 95, 103, 104, 108, 110, 111, 118, 120, 121, 125, 132, 139, 150, 156, 171
Самаркандский округ 137
Санкт-Петербург см. Петербург
Сапак, холм 26, 36
Сара, г. 121
Сарайчик, Сарайчикова крепость 67, 68, 76, 121, 123
Сары-булак, источник 25
Сары-булак, холм 35, 36
Сары-бутак, гора 163
Сары-тургай 62
Сары-чаганак, бухта 37
Сарыджуй см. Кафирниган
Сеистан, местность 89
Сейган, г. 80, 81
Сейхун, р. (арабское название Сырдарьи) 23, 164
Семипалатинск, г. 10, 73—76, 129
Сер-чашме, источник 81
Серахс, г. 67
Сербаг, г. 80
Сибирь 121
Синд, г. 129
Согдиана, см. Мавераннахр
Средняя Азия, см. Азия Средняя
Сринагар, г. 82
Стамбул, г. 143
Старый Ургенч см. Ургенч Старый
Сузак, укрепление 69, 70
Султан-Уиз-даг, хребет 165
Сундук, р. 61
Сурхаб, р. (Вахш) 63, 64
Сурхан см. Сурхандарья
Сурхандарья, р. (Зухраб, Сурхан, Сухроб) 86, 168
Сусыз-кара, горы 26, 51, 62, 162
Суук-су, ручей 25, 29
Сырдарья, р. (Сыр, Яксарт) 5, 7, 23, 24, 26—28, 33, 34, 36—40, 43, 44, 45, 47, 48, 49, 61—66, 68—71, 163, 165
Сырканатчи, перевал 35

Таджикистан 166
Тадж-Сулейман см. Тахти-Сулейман
Талаз 65
Талаш-бег, ручей 25
Талдык, см. Белаули
Таликан, г. 75
Талку, горы 76
Тамбутан см. Тамды-яман
Тамды-яман, ручей (Тамбутан) 25, 29
Тара, г. 121
Тараз, г. 65, 75
Тарбагатайские горы (Тарбагатай) 60, 76
Татария 59, 60
Тахти-Сулейман, г. см. Ош
Тахти-Сулейман, горы 64, 71, 166
Ташкент, г. 9, 16, 49, 60—62, 69—72, 119, 130, 156, 165, 169
Ташкентское владение 11
Ташкичу, горы 32
Ташкурган см. Хульм
Тегеран, г. 5
Теке-тумраз, гора 62
Темир, р. 27, 30
Терек, перевал 62, 72, 128, 166
Термез, г. (Термуз) 86, 91, 104, 168
Термембес см. Дерман-баши
Термуз см. Термез
Тибет, г. 10, 73, 74, 129
Тибет, обл. 167
Тибет Большой 60, 73, 129, 167
Тибет Малый 60, 73, 129, 141, 167
Тираклу, р. 25
Тироль 154
Тобол, р. 46
Тобольск, г. 121

Томск, г. 121
Тонгуз-хан, местность, 65
Топчи, форт 81
Трансоксания 120
Троицк, г. 7, 23, 123, 124, 162
Тубан, ручей 25, 27, 33
Тузак, р. 61
Тульчин 14
Тункат см. Илак
Тупалак, г. 77
Тупалактаг, горы 62
Тупаланг, р. (Сурхан) 63, 86, 168
Тургай, р. 65
Туркестан, г. 49, 60, 61, 62, 69, 70, 71, 156
Туркестан, обл. 14, 44, 58
Туркестан Восточный, или Китайский (Алты-шаар, Малая Бухария) 59, 60, 72, 165, 167
Туркестанский край 16
Туркмения 166
Турфан, г. (Дуробан) 74
Турция 94, 102, 115, 129, 137

Узбекская ССР 69
Узгент, г. 75
Узун-бурте, ручей 25, 28
Укарзум, г. 138
Улутаг, горы 60, 61
Ур. см. Уркач
Урал, р. 27, 32
Урал 31, 61, 76
Уральские горы (хребет) 33, 61
Ура-тюбе, г. 70, 71, 84, 85, 90, 139, 168
Ура-тюбинский, округ 138
Урачай, колодец 25
Ургенч, г. (Дарган-ата) 121, 122
Ургенч Новый, г. 68, 69, 75
Ургенч Старый, г. 69
Ургут, г. 91
Урдензей, г. (ныне Варданзи) 88, 89, 162, 168
Уркач, горы (Ур) 32, 38, 39
Ури см. Орь
Урмитан, г. 91
Усрушна см. Осрушна
Утакурган, г. 79
Уч-Турфан, г. 74, 167

Файзабад, г. (Бадахшан) 77, 95, 167
Файзабадское владение 80
Фальгар, г. 91
Фан, г. 85
Фандарья, р. 168
Фергана, г. (Ахсекат) 75, 120
Фергана, обл. 60, 91, 165, 166, 170
Фершампенуаз, г. 6
Франция 9, 19, 170

Хаджихаб, форт 81
Хазарасп, г. (Хезарист) 67, 69, 75
Хайрабад, г. 88
Ханка, селение 69
Хатун-кудук, колодец 54, 87
Хатырчи, г. 90
Хезарист см. Хазарасп
Хива, г. 7, 11, 42, 44, 48, 62—65, 67—69, 76, 84, 95, 122, 123, 140, 146, 157, 163
Хивинское х-во 11, 49, 60, 67, 68, 128, 140, 166
Хиссар, г. 60, 62, 63, 77, 78
Хиссарское х-во 77
Ходжа см. Ходжа-куль
Ходжабек, оз. 65
Ходжа-куль, оз. (Ходжа) 25, 33, 34, 38
Ходжаберган, урочище 164
Ходжа-Таман, г. 77
Ходжент, г. 64, 70, 71, 75, 108
Хорасан, обл. 67, 83, 88
Хорезм, обл. 150
Хотан, г. (Худам) 59, 72, 73, 74
Худам см. Хотан
Хульм, г. (Ташкурган) 60, 79, 80, 81, 168
Хульм, р. 80
Хушаш, г. (Чадж) 75

Чадж см. Хушаш
Чалак, г. 90
Чалакский округ 137
Чарджуй, г. (ныне Чарджоу) 12, 69, 82, 85, 88, 138, 139
Чаркуш, селение 69
Чаршамбе, г. 88
Чавасвали см. Шейхджели
Четрар см. Читрал
Чилик см. Октани
Чимган, селение 70
Чиракчи, г. 91
Чирчик, р. 70
Читрал, г. (Четрар) 79, 168
Чокмазар, г. 77
Чулк-карагай, горы 76

Шарт, перевал 72
Шахбазвали см. Шейхджели
Шахрисябз, г. (Шерсабес) 79, 91, 115, 125

Шахрисябз, х-во (Шерсабес) 60, 63, 77, 79, 109
Швейцария 154
Швеция 126
Шейх-Аббас-вали, селение 165
Шейхджели, гряда (Шахбаз-вали, Чавасвали) 51, 165
Шермед, местность 91
Шерсабес, см. Шахрисябз
Шибарган, г. 125
Шикарпур, г. 97, 129
Ширабад, г. 91
Шутургардан, гора и перевал 81

Эйба см. Айбак
Эмба, р. 27, 32, 38, 47, 66, 68
Энден, источник 80

Юз-кудук, колодец 26, 50, 51, 162
Юч-канат, источник 68

Ягнау, г. 78
Яккобаг, г. 79
Яксарт см. Сырдарья
Якши-таг, горы 32
Ялты-куль, оз. 26
Яман-таг, горы 32
Яман-темир см. Кублейлы-темир
Ягнау 63
Янгидарья см. Джаныдарья
Янгикент, г. (Джанкент) 46, 164
Янги-Гиссар, г. 167
Янги-курган, г. 90
Яр-баши, г. 90
Яркенд, г. (Яркент) 10, 42, 59, 73, 74
Яркент см. Яркенд

Оглавление

Н. А. Халфин. Егор Казимирович Мейендорф и его путешествие в Бухару 5
Предисловие французского издателя 19
Предисловие автора 20

Книга первая.

Глава первая 22
Глава вторая 27
Глава третья 32
Глава четвертая 39
Глава пятая 43
Глава шестая 50

Книга вторая.

Глава первая 58
Глава вторая 60
Глава третья 67
Глава четвертая 72
Глава пятая 77

Книга третья.

Глава первая 84
Глава вторая 92
Глава третья 103
Глава четвертая 106
Глава пятая 112
Глава шестая 119
Глава седьмая 131
Глава восьмая 142
Заключение 154
Приложение 155
Примечания 164
Указатель личных имен 172
Указатель географических названий . . . 175

Егор Казимирович Мейендорф

ПУТЕШЕСТВИЕ
ИЗ ОРЕНБУРГА В БУХАРУ

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор *Ю. О. Бем*
Младший редактор *М. В. Ходакова*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректоры *А. И. Киселева* и *Л. И. Письман*

Сдано в набор 15/XI 1974 г. Подписано к печати 3/IX 1975 г. А-12729. Формат 60×90¹/₁₆ Бум. № 1. Печ. л. 11,5. Уч.-изд. л. 12,46. Тираж 10 000 экз. Изд. № 3301. Зак. № 881 Цена 79 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, д. 28